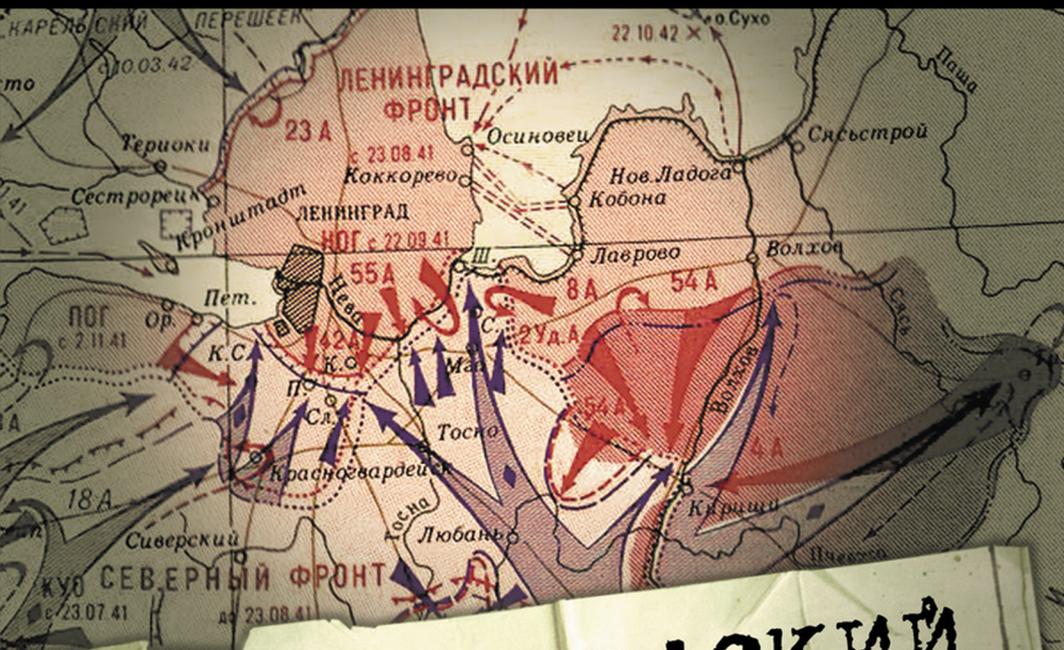

Лев ЛУРЬЕ, Леонид МАЛЯРОВ

ОКНО
ИСТОРИИ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРОНТ

Просмотрено
Военной Цензурой
18702

Лев ЛУРЬЕ

Леонид МАЛЯРОВ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРОНТ

Санкт-Петербург

«БХВ-Петербург»

2012

УДК 94
ББК 6.3.3(2)6.2
Л86

Лурье, Л. Я.

Л86 Ленинградский фронт / Л. Я. Лурье, Л. И. Маляров. — СПб.: БХВ-Петербург, 2012. — 272 с. — (Окно в историю)
ISBN 978-5-9775-0749-3

В 1941—1944 годах на берегах Невы произошла одна из крупнейших в истории человечества гуманитарных катастроф. Миллион мирных граждан, в основном женщин и детей, умерли от голода, холода и бомбежек в блокаде Ленинграда. Еще полтора миллиона красноармейцев и солдат вермахта погибли в битвах за город. В течение многих десятилетий «правду» о войне писали генералы и политработники. В середине 2000-х годов петербургский «Пятый канал» предпринял попытку опросить еще оставшихся рядовых блокадников и фронтовиков. Были взяты около сотни интервью. В 4-серийный документальный фильм «Ленинградский фронт» вошла только малая их доля. В этой книге авторы попытались дать слово всем.

Для широкого круга читателей

УДК 94
ББК 6.3.3(2)6.2

Группа подготовки издания:

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зам. главного редактора	<i>Екатерина Трубей</i>
Зав. редакцией	<i>Григорий Добин</i>
Редактор	<i>Ирина Латыпова</i>
Компьютерная верстка	<i>Ольги Сергиенко</i>
Корректор	<i>Зинаида Дмитриева</i>
Дизайн серии	<i>Марины Акининой</i>
Оформление обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>
Зав. производством	<i>Николай Тверских</i>

Подписано в печать 30.11.11.
Формат 70×100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,93.
Тираж 5000 экз. Заказ №
"БХВ-Петербург", 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Санитарно-эпидемиологическое заключение на продукцию
№ 77.99.60.953.Д.005770.05.09 от 26.05.2009 г. выдано Федеральной службой
по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-9775-0749-3

© Лурье Л. Я., Маляров Л. И., 2012
© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2012

Оглавление

Предисловие	4
Глава 1. Вторжение	9
Глава 2. Враг у ворот	41
Глава 3. Несомкнутое кольцо	69
Глава 4. 1942-й кровавый.....	93
Глава 5. Прорыв	125
Глава 6. Ленинградский холокост	150
Глава 7. Ладога	174
Глава 8. В немецкой оккупации.....	203
Глава 9. Освобождение	236
Примечания	267

Предисловие

В 2005 году к 60-летию Победы телекомпания «Петербург — Пятый канал» затеяла амбициозный проект — четырехсерийный документальный фильм, посвященный Ленинградской битве.

Тем, кто интересуется историей Второй мировой войны, известно, насколько она оболгана и плохо изучена. Советские историки знали свое дело, но существовали в системе жестких табу и обязательных цитат. После падения советской власти академическая наука деградировала. На смену профессионалам пришли дилетанты, иногда очень способные. Книжный рынок забит сенсационными исследованиями Второй мировой. Иногда это весьма интересные работы. Но они, как правило, основываются на давно известных материалах. Новая волна историков-любителей почти не пользуется архивами и не знает западной литературы.

Поэтому, создавая фильм о Ленинградской битве, мы пользовались различными и максимально достоверными источниками. Помимо разнообразной исторической литературы, мы исследовали материалы архива ФСБ Санкт-Петербурга и архива Министерства обороны. Консультировались с историками, как российскими, так и зарубежными — немцами и финнами. Неоценимую помощь оказал нам крупнейший знаток блокады доктор исторических наук Никита Ломагин. Но главным источником для создания фильма послужили воспоминания ветеранов — участников битвы за Ленинград, а также блокадников и жителей оккупированных территорий. Мы записали около сотни интервью. В тот момент наши респонденты были уже глубоко пожилыми людьми и многих из них за последние годы не стало. Поэтому данная книга в некотором смысле является возвращением им долга. Ведь в фильм не вошла и десятая часть того, что они рассказали.

Фильм «Ленинградский фронт» вышел на экраны в мае 2005 года и вызвал большой интерес у зрителя. Его многократно повторяли, и да-

же спустя годы рейтинг картины обычно был выше, чем у канала в целом. Успех фильма*, несомненно, связан и с выбором ведущего — петербургского человека-оркестра Сергея Шнурова, лидера группы «Ленинград». Это была его первая работа в качестве ведущего фильма и он, что называется, сам нас нашел. Оба его деда и бабушка воевали на Ленинградском фронте. Сергей хотел больше о них узнать и воздать дань памяти всем ветеранам, отстоявшим Ленинград. В тяжелейших условиях, практически бесплатно он вместе со съемочной группой исколесил всю Ленинградскую область и часть Финляндии. Шнуров написал для фильма потрясающую музыку и замечательно спел «Волховскую застольную» Павла Шубина.

После выхода фильма у нас было ощущение, что мы многое недорассказали. Вместе и отдельно в разных форматах мы снимали фильмы и программы о трагедии 2-й ударной армии, о танковом асе Зиновии Колобанове, о короле танков Исааке Зальцмане, о строителе «дороги смерти» Иване Зубкове, о Зимней войне, о сражении у острова Сухо, об оккупации, о битве при Гайтолово, о схватке советских и немецких спецслужб. В этой работе кроме авторов данной книги неизменно участвовала редактор и сценарист Ирина Малярова.

В процессе работы мы многое узнали, отказались от различных иллюзий и мифов, внушаемых со школьной скамьи. Трагедия Ленинграда — и страшная история, и культивируемый сверху миф. Сам термин «героическая оборона Ленинграда» возник на исходе блокады непосредственно в Смольном. Ленинградское руководство, как и их шефы в Москве, «проспали» наступление немцев, довели город до блокады. Сталин прямо приказывал командованию Ленинградского фронта сдавать Ленинград. Балтийский флот подлежал уничтожению. Все значимые городские объекты были заминированы. Однако Гитлер решил взять город измором. Так что героическая оборона была во многом вынужденной.

Существует стойкий миф о том, что город выстоял благодаря генералу армии Георгию Жукову. Но каждый, даже поверхностно знакомый с документами, знает — 17 сентября по заранее подготовленному плану немцы начали отводить свои танковые соединения под Москву. Ввязываться в городские бои они не хотели, понимая, что это чревато огромными потерями. Немцы выполнили свою задачу — блокировали Ленинград. Обрекли, как им казалось, все население на неизбежную

* «Ленинградский фронт». 2005 г. ТРК «Петербург — Пятый канал». Генеральный директор — Марина Фокина; главный продюсер — Александра Матвеева; идея — Лев Лурье; сценарий — Лев Лурье, Леонид Маляров; главный редактор — Ирина Малярова; главный режиссер — Игорь Безруков; оператор — Игорь Юров; режиссер монтажа — Елена Копалкина; редакторы — Леонид Маляров, Евгений Мороз, Дмитрий Журавлев; главный консультант — Никита Ломагин.

голодную смерть. Действия Г. Жукова мало отличались от работы К. Ворошилова. Так называемые «жуковские десанты» неизменно заканчивались неудачей и большой кровью. И как раз в период его руководства немцы взяли Петергоф, отрезав Ораниенбаумский плацдарм.

Мифом является и представление о том, что ленинградцы единодушно любой ценой стремились отстоять город. И наши материалы, и обстоятельное исследование Никиты Ломагина «Неизвестная блокада» демонстрируют другую картину. Понимая, что всех ждет мучительная и неизбежная смерть, многие надеялись, что немецкая оккупация будет меньшим из зол. Вторая мировая война знала такие случаи: Париж был объявлен открытым городом. А старшее поколение помнило Брестский мир, когда отдав территории, Ленин спас и Россию, и советскую власть. Пораженческие настроения, грозившие перерасти в бунт, пошли на убыль только когда голод притупил все чувства и не оставил сил на борьбу. Были и те, кто пользовался блокадой для личного, порою неслыханного обогащения.

Однако, очевидно: если бы большинство ленинградцев были такими, город неминуемо бы пал. Чувство собственного достоинства и патриотизм горожан стали решающим фактором в конечной победе Ленинграда.

Можно корить ленинградское партийное руководство за разные огрехи. Но все же оно не потеряло управление городом и главное — уже ранней осенью догадалось, какое значение может иметь Ладога для выживания Ленинграда. Впрочем, ледовая дорога поначалу использовалась не для спасения людей, а для вывоза оборудования ленинградских заводов и оружия. Если бы массовая эвакуация жителей началась в декабре, а не в феврале, можно было бы спасти жизни еще порядка 300 тысяч ленинградцев.

Что касается битвы за Ленинград, действия командования Ленинградского и Волховского фронтов часто поражают своей бессмысленной жестокостью. Война под Ленинградом больше напоминала не маневренную Вторую мировую, а позиционную Первую мировую. И каждая попытка штурма немецких оборонительных сооружений заканчивалась новым Верденом.

Ситуация на Ленинградском фронте коренным образом изменилась только после Сталинграда. Немецким военачальникам стало очевидно: войска группы армий «Север» не имеют ни определенных задач, ни перспектив. Фактически блокада Ленинграда была прорвана Дорогой жизни. А в январе 1943 года, благодаря самому талантливому и профессиональному из военачальников Ленинградского фронта Леониду Говорову, ее удалось прорвать и на земле.

Дальнейшие события на Ленинградском фронте напоминают две судьбоносные русские победы. Осенью 1480 года татаро-монголы последний раз пытались взять Москву, простояли несколько дождливых месяцев на берегах подмосковной речки Угры и ушли обратно. Растворились в степи сами по себе. И, конечно, чудо 1812 года. Когда взял Москву, казалось бы, победоносный Наполеон вдруг позорно бежал восвояси.

С января 1943-го по январь 1944-го пролились реки солдатской крови в тщетных попытках отбросить немцев дальше от Ленинграда. Командование группы армий «Север», в свою очередь, умоляло фюрера разрешить отход 16-й и 18-й армий к Пскову, за линию «Пантера». Поэтому, когда в январе 1944 года советские войска перешли в решительное наступление, немцы бежали с невероятной скоростью. Но только до оборонительной линии «Пантера».

Множество мифов, советских и постсоветских, существует на тему оккупации Ленинградской области. В реальности ситуация представляется гораздо более сложной, нежели в учебниках. Оккупанты были разные: вермахт, СС, немцы, финны, испанцы, эстонские и русские полиция. Жизнь в Вырице и Пскове была непохожа на то, что испытали жители Пушкина, Павловска, Петергофа. Были отдаленные деревни, где немцев практически не видели. Большинство населения не могло не радоваться роспуску колхозов и открытию церквей. В 1942 году крестьяне Ленинградской области собрали рекордный по сравнению с довоенным временем урожай.

Но конечно, нацисты считали славян недочеловеками. Население поняло это не сразу. Ситуация обострялась постепенно, по мере вывоза молодежи в Германию, массовых реквизиций продовольствия и расстрелов заложников. Важную роль здесь сыграло партизанское движение, которым руководили из Ленинграда, и диверсионные группы НКВД, которые сознательно провоцировали конфликт между оккупантами и мирным населением.

Оборона Ленинграда имела свое продолжение и после войны. Стремительно подымавшаяся в верха ленинградская группировка была заинтересована в создании образа Ленинграда, как Трои новейшей истории. Разумеется, особый героизм ленинградцев объяснялся умелым руководством Смольного. Однако в 1946 году Сталиным были приняты три знаковых решения: снят с понижением и ошельмован маршал Жуков, отменено празднование Дня Победы (вместо него неожиданно праздником стал Новый год) и значительно приглушено воспевание подвига Ленинграда, да и всех остальных городов тоже. А после таинственной смерти Жданова в 1948 году физическому уничтожению подверглась и вся верхушка ленинградского партийного

руководства. За «неоправданное выпячивание» героизма ленинградцев можно было поплатиться головой.

Блокадный миф о стойкости и победе под руководством коммунистической партии начинает возрождаться со времен Хрущева. Он был официальным и холодным. Имена генерала Симоняка, партизана Германа и Лизы Чайкиной, как правило, ничего не будили в сердце потомков. Правда о страшных годах передавалась из уст в уста. При Брежневе с большим трудом, с огромными купюрами вышла «Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича. Наследие Ольги Берггольц лежало под спудом.

После того как коммунистические мифы ушли в прошлое, начали появляться воспоминания: Д. Лихачева, Д. Гранина, Л. Гинзбург, Л. Осиповой, многих других фронтовиков и блокадников. Но по-настоящему большой объективной монографии по истории Ленинградской битвы до сих пор нет. Надеемся, наша книга может стать одним из источников для такого сочинения.

Глава 1

Вторжение

21 июня 1941 года в 22 часа солдаты и офицеры группы армий «Север» были выстроены поротно в лесах Восточной Пруссии. Командиры зачитали приказ Гитлера: «Под гнетом тяжелых забот, будучи обреченным на многомесячное молчание, я, дождавшись своего часа, обращаюсь к вам, мои солдаты! Начинается наступление, по своим масштабам и протяженности крупнейшее из всех, которые когда-либо знал этот мир. В союзе с финскими дивизиями, плечом к плечу стоят наши товарищи — победители Нарвика у Северного Ледовитого океана. Вы стоите на Восточном фронте. Судьба Европы и будущее Германского рейха, существование германского народа отныне всецело в ваших руках».

На рассвете 22 июня по всей линии советско-германской границы началось немецкое наступление. Захват Прибалтики, а затем Ленинграда молниеносными ударами с севера и юга — первоочередная задача гитлеровского плана «Барбаросса». После соединения с финскими войсками Балтийское море должно было стать внутренним озером Германии. К тому же Гитлер придавал взятию Ленинграда мистическое значение.

Адольф Гитлер: «Имя может придать географическому месту значимость. С захватом Ленинграда, большевиками будет утрачен один из символов революции и может наступить полная катастрофа».

Вермахт — лучшая армия мира, армия спортсменов и техников. Машина, отлаженная в каждой детали. Рядовые имеют десять классов образования. В строевых частях плечом к плечу земляки и одноклассники, пруссаки, померанцы, вестфальцы. Эти части за два года войны не знали поражений. Они захватили Польшу, взяли Париж, подняли знамя со свастикой на горе Олимп. Для них Восточная кампания — короткая экспедиция в дикую страну, поход Европы на Азию. Русских следует уничтожить или приучить служить Великой Германии.

Командовал группой армий «Север» один из лучших и самых опытных полководцев фюрера фельдмаршал Вильгельм фон Лееб.

ДОСЬЕ:

Фельдмаршал Вильгельм фон Лееб, 65 лет. Истовый католик, аскет. В 1900 году брал Пекин. В Первую мировую войну успел повоевать и на Восточном, и на Западном фронте, за храбрость награжден рыцарским титулом. Ведущий теоретик современной войны. Работа фон Лееба «Оборона» использовалась при написании полевого устава Красной армии. Под его командованием немецкие войска оккупировали Чехию, прорывали во Франции линию Мажино. К нацистской идеологии критичен, находился под наблюдением гестапо.

Немецкая группа «Север» состояла из двух армий — 16-й и 18-й. В подчинении фельдмаршала Лееба 1500 танков, 725 тысяч солдат, 760 боевых самолетов. 16-я немецкая армия двигалась к Таллину, 18-я — к Луге.

С первых же дней войны советские войска терпели тяжелые поражения. Немцы почти безболезненно прошли Литву и сходу взяли мост через Западную Двину в районе Даугавпилса. С тыла позиции Прибалтийского фронта прикрывала оборонительная линия, построенная в 30-е годы на границе Латвии и Эстонии. Однако 4 июля немцы ворвались в город Остров — ключевой узел оборонительной линии. 9 июля фашистские танки на улицах Пскова. В то время Псковская область входила в состав Ленинградской, поэтому можно сказать, что с этого момента начинается битва за Ленинград. Немецкие войска за один день с боями проходили свыше 30 километров. До Ленинграда оставалось всего 280 километров. К 20 июля немцы планировали взять город. Никто тогда не мог представить, что битва за Ленинград станет самой долгой и кровавой в истории Второй мировой войны.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Мельников Владимир

Застала меня война в Солнечногорске, под Москвой. Там находился танковый полигон бронетанковой московской академии. Я служил радистом в учебном полку. 22 июня нас ночью подняли по тревоге и сообщили, что началась война. 24 июня наш отдельный танковый батальон погрузили на платформы и отправили в Латвию оборонять Ригу, но в дороге мы встретили немцев. 26 июня около реки Даугава (город Дагда) начался мой первый бой. Наш батальон вошел в состав 46-й танковой дивизии¹ полковника Копцова. С этой дивизией мы и отступали на Сушево, Себеж, Опочку. Наш Т-26 подбили, командир мой лейтенант Ларионов погиб, а меня, благодаря тому, что между мной и командиром стоял стальной гильзоулавливатель, только контузило. Танковая дивизия за два дня была уничтожена. Нашу танковую роту уничтожил по существу собственный командир, капитан Кузнецов. Он не знал обстановки, не ориентировался по карте, водил вокруг леса кругами. А в это время немцы нас расстреливали. Из моих товарищей мало кто остался жив. Я со станции Сушево эшелоном выехал в Ленинград. Всю дорогу бомбили немцы, в Старой Руссе меня ранило в ногу. Но я на это не обращал внимания, я ехал домой, в город свой родной. В Ленинград.

Баранов Иван

Я родился в деревне в Вологодской области, работал на заводе в Ленинграде, оттуда был призван на действительную службу. Начало войны застало меня в Риге. Я служил на Балтике в 41-й авиационной эскадрилье². Нас бомбили уже ночью 22 июня. Мы отступали. Это позорно было для нас. Нам вслед люди кричали нехорошие слова: «Что же вы?» По приказу мы отправили из города самолеты, подорвали часть своих объектов и имущества, а сами (команда катера и водолазов во главе с капитаном Гайдукевичем) отправились на катерах в Таллин, но встретили фашистские подводные лодки, были обстреляны и вынуждены высадиться.

Отремонтировав свои катера в Балтийском порту, решили идти в Таллин. Там бомбили, один корабль с гражданским населением погиб у нас на глазах: наши катера спасали утопающих целые сutki.

А в это время 41-я эскадрилья прибыла под Кингисепп, на озера Липовое и Белое. Когда мы с нею соединились, уже начались настоящие боевые действия. Постепенно отступали до Ленинграда.

¹ Текст примечаний см. в конце книги в разделе «Примечания».

Морозов Михаил

21 июня 1941 года наш линкор «Марат»³ из Кронштадта пришел в Таллин. Дали команду личному составу: желающим сойти на берег — записаться. А мы с прошлого года не были в Таллине. Город нам очень нравился. Записались, поступил сигнал приготовиться. Приготовились. Ждем построения. Время идет, построения нет. Два часа — молчок, три часа — молчок. В четыре часа заиграл походный сигнал вахтового. Весь личный состав в недоумении. Как так? Куда? Только пришли — опять уходить. Ну, мы занимаем свои посты. Наше дело — что? Прогреть машину в первую очередь, а кочегарам приготовить котлы. Снимаемся с якоря, уходим. Часов около трех приходим в Кронштадт, становимся на большой рейд. Заняли боевые посты. В холодильном отделении у нас красота — свету много, тепло. Нас шесть человек.

Морозов Михаил

И где-то часа в четыре — автоматы зенитные. Воздушная тревога сыграла. Вдруг — в корме удар. Не успели опомниться от этого удара — и еще удар, над нами. Я доложил, что слышал взрыв в корме. И сразу — еще взрыв. Со мной рядом. И свет гаснет, меня кверху поднимает, трубку телефона из рук вырывает. Закрепил трубку в темноте, докладываю, что слышал взрыв на правом холодильнике. Мне отвечают: «Свяжись с правым холодильником, у нас с ними связи нет».

После боя только восстановилось все, что произошло в тот день. Как раз в четыре часа утра наши сигнальщики заметили группу самолетов над фарватером, которые сбрасывали что-то на парашютах. Доложили командиру. Командир корабля — в штаб. (Штаб на аэродроме.) Аэродром отвечает, что все самолеты на месте. Никаких полетов нет. И вдруг с одного самолета груз взорвался. Оказывается, они сбрасывали мины на парашютах. Зенитчики открыли огонь по самолетам. Вот так началась война. В общем, «Марат» первым и принял войну.

Казаев Петр

Месяца за два до начала войны, как только сошел лед, у нас на Балтийском флоте (и по всем флотам) начались учения. Помню, 25 мая 41-го года я смотрел открытие Петергофских фонтанов. Это было мое последнее увольнение на берег, после него до начала войны я на берег не ходил, все время проводились боевые подготовки. Увольнение личного состава запретили. Нарком

Военно-морского флота Кузнецов объявил по всем флотам готовность номер один. Многие базы сухопутных войск пострадали от неожиданного нападения, сухопутные войска несли большие потери. А из военно-морских баз флота ни одна в начале войны не пострадала. Ни один корабль не пострадал, потому что все были готовы к бою.

Начало войны застало меня в Кронштадте, в должности командира «морского охотника» за подводными лодками. Еще никто не знал о начале войны, а мне уже пришлось в три часа ночи с 21-го на 22-е провести бой с самолетами противника. Меня послали в дозор, в район Шепелевского маяка (между островом Сескар и Выборгским заливом, это точка перекреста фарватеров). В три часа ночи увидел, что со стороны Финляндии летят три самолета в сторону Кронштадта. Запросил опознавательные, опознавательные не ответили. Один попытался пикировать на меня. Я приказал открыть огонь. Самолет задымился. Тогда они повернули и ушли в сторону Финляндии. Таким образом, до Кронштадта я им не дал долететь.

Меня к 12 часам дня отозвали, пришел на Кроншлот, иду докладывать командованию, что провел бой с самолетами противника. Сам сомневался еще тогда. Думаю, боже мой, как докладывать? А ну как своего сбил? Но тут объявляют о начале войны. Все, отлегло. Начальство мои действия признало правильными, поблагодарило: молодец. Вот так началась для меня война. За первые два месяца мой «морской охотник» только в подобных одиночных боях сбил три самолета противника.

После падения оборонительной линии вдоль старой советской границы 1939 года, так называемой «Линии Сталина», между Псковом и Ленинградом не оставалось никаких серьезных оборонительных рубежей. Город давно готовился к нападению. Но не с юга, а с севера. Кадровые части, обстрелянные в Зимней войне, располагались вдоль финской границы. 25 июня 1941 года советская авиация нанесла бомбовый удар по аэродромам Финляндии, которая формально еще не находилась в состоянии войны с Советским Союзом. Финны активных боевых действий не предпринимали, и часть советских войск перебросили на юг, навстречу немецким армиям. Но 10 июля, на следующий день после взятия немцами Пскова, финские войска, под командованием маршала Маннергейма, перешли в наступление. Для них путь на Ленинград вдвое короче, чем для немцев — 120 километров.

Маннергейм был крайне недоволен приказом Гитлера, особенно словами о том, что немцы стоят плечом к плечу с финскими дивизиями. Он заявлял: «Рейхсканцлер своей формулировкой не посчитался с международно-правовыми реалиями, не говоря о том, что явно забегал вперед». В переговорах с послом Германии Маннергейм говорил: «Мы ничего не желаем завоевывать, и Ленинграда тоже». На международ-

ной арене Финляндия тяготела к Англии и США. С самого начала бывший генерал русской армии скептически оценивал шансы Гитлера на победу во Второй мировой войне. Главная цель Маннергейма — добиться независимой Финляндии в границах 1939 года как можно меньшей кровью. Советская бомбардировка 25 июня не оставила Финляндии шанса отсидеться в стороне. Всю страну охватила жажда реванша за территории, потерянные в результате Зимней войны. Финские националисты требовали большего — захвата советской Карелии. В Хельсинки, у здания парламента проходили бурные манифестации. Самый популярный лозунг — «Свобода Карелии и Великая Финляндия». 10 июля 1941 года маршал Маннергейм принял должность главнокомандующего. В его приказе о наступлении говорилось: «Свобода и величие светят нам».

ВОСПОМИНАНИЯ:

Кашин Иван

До войны я жил в Малой Вишере, под Ленинградом. На второй день войны мы, комсомольцы, двинулись в военкомат, чтобы нас призвали на фронт. Мне было 14 лет, другим мальчишкам примерно также, но ростом я походил на семнадцатилетнего. Паспорта у меня еще не было. В военкомате спрашивают: «Сколько вам лет?» Я говорю: «17 на днях исполняется». Меня направили к врачу. Врач осмотрел, улыбнулся и говорит: «Годен». Вот так я попал в армию.

Из комсомольцев сформировали отряд в 300 человек, и отправили нас строить аэродром между поселком Койвисто и Выборгом. Мы валили деревья, выкорчевывали корни и ровняли землю. Почти два месяца работали. А потом финны двинулись на нас. Была мясорубка такая, что не передать. Всем, кто работал на аэродроме, был отдан приказ — отступить, а наш комсомольский отряд оставили прикрывать отступление. Вот там я и принял первый бой.

У нас были автоматы и винтовки — и все. Финны нас окружили, выбраться не было возможности. Когда нас взяли, раненых разместили на площадке, а убитых — сбросили в траншею. Я был ранен. К каждому стал подходить финский капитан. Что-то спрашивал. А когда ко мне подошел, я плюнул ему в лицо. И вот это меня спасло. Финны накинули петлю мне на шею, а веревку привязали к машине и поехали, но я успел подсунуть под петлю руки. В какой-то момент от боли я потерял сознание и шофер решил, что я мертв. Меня сбросили в канаву мертвого, а я был живой. Шрамы на шее остались у меня на всю жизнь.

Ночью я пришел в себя и стал пробираться к своим. Десять дней шел. Без пищи, без всего. Что было в лесу, тем и кормился. Дошел до Белоострова, а там река широкая. Я — через реку, поплыл, но сил не было, стал тонуть. Меня

спасла девушка. Помогла дойти до своего дома в Белоострове и стала лечить. И уже поправившись, я снова побрел к своим. Там меня проверили и отправили воевать под Красный Бор.

К 1941 году Ленинград — второй по величине город страны: 3,5 миллиона человек. Крупнейший центр оборонной промышленности. После 1918 года, когда правительство переехало в Москву, город сильно «ощипали». В Москву отправлена большая часть императорских сокровищ, Академия наук, многие издательства, на рубеже 20—30-х гг. варварской чистке подвержены Эрмитаж, великокняжеские и императорские резиденции. Ленинградские большевики, — те, кто делал революцию 1917 года, трижды испытали на себе уничтожительные кампании: в 1926 году, когда Григорий Зиновьев проиграл войну со Сталиным; в 1934-м, после загадочного убийства Кирова; и в 1937-м. Тем не менее, ни Сталин, ни Гитлер не рассматривали Ленинград как провинцию.

Во главе ленинградской партийной организации с 1934 года Андрей Александрович Жданов. При этом Жданов — член Политбюро ВКПб, Секретарь ЦК и Председатель Верховного Совета РСФСР. Поэтому повседневное руководство городом он передоверяет своим заместителям Алексею Кузнецову, Якову Капустину и председателю Исполкома Петру Попкову.

Жданова война застала на отдыхе в Сочи, где он несколько дней безуспешно ожидал вызова в Москву к Сталину. Однако Сталин приказал ему немедленно отправляться в Ленинград без заезда в столицу. Жданов хорошо понимал, что это могло означать опалу. С 1939 года он считался одним из самых пылких сторонников союза с Германией. Именно Жданов, будучи с 1935-го членом Военного совета Ленинградского военного округа, был персонально ответственен за подготовку города к обороне. Только 1 июля 1941 года состоялось первое заседание Комиссии по вопросам обороны Ленинграда под председательством Жданова.

Верховное командование защите Северной столицы уделяет особое внимание. 11 июля в Ленинград прибыл литерный поезд маршала Ворошилова. Ему поручено командование обороной Ленинграда.

После финской кампании, Ворошилову ответственных дел не поручали. Теперь у «первого маршала» появился шанс вернуть былую славу и стать спасителем Ленинграда. Ворошилову подчинены войска Северного фронта, которые растянулись от Ленинграда до Мурманска, Северо-Западного фронта, беспорядочно отступающего к Таллину и Луге, Балтийского и Северного флотов. И этого слишком мало, чтобы

отразить удар с юга. Что мог противопоставить Ворошилов немцам? Кадровые части выбиты в приграничных сражениях. Войска состоят в основном из новобранцев — деревенских парней, никогда не бравших в руки оружия. Большинство командиров — недавние выпускники училищ. Меж тем, по Киевскому шоссе от Пскова к Луге приближалась 4-я танковая группа Гепнера — боевой кулак группы «Север». На реке Плюссе немецкие танки столкнулись с частями Красной армии и неожиданно получили отпор.

ДОСЬЕ:

Маршал Ворошилов Климент Евфремович, 60 лет. Родился в крестьянской семье. Образование: 2 класса земской школы. После Октябрьской революции — один из организаторов ВЧК, член Реввоенсовета. В 1918 году во время боев за Царицын сблизился со Сталиным. В 1925 году — глава военного наркомата. С 1936 года участвовал в чистках комсостава Красной армии. Во время большого террора при его участии репрессировано 40 тысяч кадровых командиров. За неудачи в Советско-финской войне в 1940 году снят с поста наркома обороны. По отзывам современников, сочетал личную отвагу и решительность со слабым знанием стратегии и тактики. В июле 41-го назначен главнокомандующим войсками Северо-Западного направления.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Муштаков Порфирий

Начало войны я встретил в Лужском лагере, где располагалось Первое Ленинградское артиллерийское училище. Я там преподавал топографию и приборы.

На фронт я попросился добровольно, вместе с друзьями — лейтенантами Володи Дубовым (он погиб под Тихвином) и Филиппом Шелегом. Начальник Артиллерийского училища вручил нам предписания, пожал крепко руки, и мы,

каждый с маленьким чемоданчиком и шинелью, отправились. Мама со мной попрощалась и дала соли: «Сынок, соль возьми, пригодится!» И действительно, мама оказалась права. Так пригодилась потом соль!

Меня назначили командиром гаубичной батареи. Было тяжело, потому что немецкая авиация господствовала. Пригнали к нам коней, а тут бомбежка — и кони разбежались, со слезами пришлось собирать. Часа два по всему лесу их искали. Наконец собрали и начали упряжки создавать, торопились, потому что уже и орудия привезли. Солдат пришлось обучать, как окоп выкопать, как орудие проверить перед стрельбой. Многие были совсем необученные, а я — профессионал все-таки.

Уже 11 июля мы вступили в бой. Это было между Лугой и Псковом на реке Плюсса. Главная полоса проходила в населенном пункте Городец. Наш артиллерийский 710-й гаубичный полк 177-й стрелковой дивизии⁴ стоял в этом месте. Мой наблюдательный пункт находился чуть-чуть севернее Городца. Когда фашисты начали наступать, у нас все было уже пристреляно. Я только успевал командовать. Мы хорошо побили их там.

Боеприпасов хватало. На тяжелых ЗИСах их подвозили прямо на огневую позицию. Помню ночные удары по населенному пункту Наволок, где размещался штаб немецкой разведки. Мне командир артиллерийского дивизиона поставил задачу — ударить ночью, километров на десять по дальности стрельбы. А гаубицы у нас — 122-миллиметровые, у них дальность стрельбы — 11 километров 800 метров. Мы удары нанесли точно, разведчики сказали: «Машины немецкие так загорелись в Наволоке, что фашисты забежали, как угорелые».

Встретив организованное сопротивление, генерал Гепнер принял смелое решение. Дорога вдоль реки Луги считалась непроходимой для танков. Но Гепнер бросил свои основные силы по бездорожью. Пройдя 150 километров на север, немецкие танки с ходу форсировали Лугу у Большого Сабска и захватили пустующие советские укрепления на правом берегу. Ворошилов бросил в бой курсантов пехотного училища и 2-ю дивизию народного ополчения. Но контратаки ополченцев и курсантов — безуспешны. Гепнер доложил фон Леебу: дорога на Ленинград открыта.

Однако 15 июля Ворошилов нанес под Сольцами неожиданный контрудар танками во фланг немцам. Три немецких дивизии оказались прижаты к озеру Ильмень. Вермахту пришлось направить танки под командованием Манштейна на выручку полуокруженной у озера Ильмень группировке. Фон Лееб вынужден приостановить наступление на Ленинград.

Темпы наступления группы армий «Север» сегодня кажутся невероятными. Но наиболее прозорливые немецкие генералы уже поняли: что-то не так. В конце июля вермахт только готовится захватить Ле-

нинград. А ведь за это же время войны с Польшей и Францией уже были выиграны. Все германские мемуаристы отмечают неожиданную стойкость советских войск в обороне и отличное вооружение. Один из самых неприятных сюрпризов — тяжелый танк КВ-1, броню которого не могла пробить ни одна немецкая противотанковая пушка. Немцы называли все, что происходило в бою с ними, «эффектом колотушки». Снаряды стучали по броне, не причиняя вреда. В немецких мемуарах атаки КВ описываются как нашествие марсиан из романа Уэллса: чудовищные монстры, безнаказанно уютящие позиции противотанковых батарей. В борьбе с КВ выручала немцев лишь тяжелая артиллерия и 88-миллиметровые зенитные пушки.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Мельников Владимир

В начале войны мы на КВ воевали довольно-таки своеобразно. Мы не боялись немецкой противотанковой артиллерии. Даже иногда командир засекал огневую точку, давал команду зарядить орудия осколочными снарядами и отправлял танк на пушку. И мы давили немецкие пушки. Потому что не брали броню КВ немецкие снаряды в начале войны. Примерно до середины сентября они ничего не могли с нами сделать. Наверное, я должен отдать должное немецким артиллеристам, они все-таки подбивали наши машины. Есть лобовая броня и броня боковая, так они били в место сварки, — представляете, 10 миллиметров! Это просто снайперская стрельба. Либо они били под башню, разбивали поворотное устройство и застопоривали башню; либо в саму пушку стреляли; либо в люльку пушки. По горизонтали мы за счет поворота башни стреляли, а по азимуту за счет этой люльки. (Она поднималась вверх-вниз.)

Танку было не страшно, когда по нему била артиллерия, а вот находиться в это время внутри машины — настоящий ужас, потому что окалина летела, отбивалась от брони, и лица, и руки, — все было побито этой окалиной. И, вторых, глухли мы.

31 июля финская армия начала наступление на Приозерск и Сортавалу. К 9 августа она прижала часть советских войск к Ладожскому озеру. Позже их удалось эвакуировать на остров Валаам, а потом в Ленинград. 11 августа финны развернули наступление на Выборг.

Советская оборона сильно обескровлена. Несколько дивизий уже переброшены на юг, а оставшимися силами 120-километровый фронт не удержать. Это хорошо понимал командующий Ленинградским фронтом Маркиан Попов.

ДОСЬЕ:

Генерал-лейтенант Попов Маркиан Михайлович, 39 лет. Родился в казачьей станице. Участвовал в Гражданской войне. Окончил пехотные командные курсы и Военную академию имени Фрунзе. Проявил путь от командира взвода до командующего войсками Ленинградского военного округа. Чудом уцелел в «чистках». На Халхин-Голе - заместитель Блюхера. Одаренный, грамотный военачальник, в боевых действиях берег личный состав, пренебрегая указаниями сверху. Высокие моральные качества сочетал со склонностью к бытовому пьянству. В августе 41-го - командующий Ленинградским фронтом.

Чтобы сократить линию обороны на Карельском перешейке, Маркиан Попов просил разрешения отвести войска на линию Маннергейма к реке Вуоксе, но Ставка требовала: ни шагу назад!

Финские войска прорвали оборону и теснили советские части к Финскому заливу, грозя окружением. Еще не поздно было отступить на выгодные рубежи, но Москва медлила давать разрешение. Наконец пришел ответ Сталина: «Вас запугивают командующие армиями. Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всякими ужасами насчет прорыва, обострения положения и прочее. Ставка требует, чтобы вы, наконец, перестали быть статистом и специалистом по отступлению и вошли в подобающую вам роль командующего, вдохновляющего армии и поднимающего дух войск».

В конце концов, Сталин разрешил отступление, но слишком поздно. 24 августа Выборгская группировка уже была окружена. 29 августа Выборг взят финнами.

Когда финские войска вошли в Выборг, раздались страшные взрывы. Взорвался телеграф, вокзал, крепостной мост. Выборгский замок оказался тоже заминирован. В Выборге финские саперы обнаружили радиоуправляемые мины. Они должны были взорваться по радиосигналу. Финские инженеры вычислили частоту, на которой они работали — 715 килогерц. И трое суток, пока разминировали, крутили на этой частоте знаменитую финскую польку «Сяккиярве».

Финские войска. Август 1941-го

Финские артиллеристы надписывают на снаряде название деревни, где началась Зимняя война

Маннергейм на реке Свири. 8 сентября 1941 года

1 сентября финская армия вышла к границе 1939 года и уперлась в Карельский укрепрайон. Карельский укрепрайон — один из старейших в стране. Его стали строить в 1928 году по приказу Ворошилова. 100 пулеметных и 20 артиллерийских дотов. Сплошная линия обороны от моря до моря, от Финского залива до Ладоги.

Маннергейм отдал приказ штурмовать этот рубеж. Старая советско-финская граница проходила по реке Сестре. Река совсем неширокая, но форсировать финским войскам ее оказалось не так просто. На стол маршала Маннергейма ложились донесения: «3 сентября. При форсировании реки Сестры 9-я рота седьмого пехотного полка в полном составе отказалась перейти реку. 14 сентября. Двести солдат и унтер-офицеров 48-го пехотного полка отказались перейти реку. Помимо отказа солдаты говорили, что они готовы защищать родину, но не готовы воевать на чужой территории». Такие случаи неповиновения были зафиксированы в каждом втором пехотном полку.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер записал в своем дневнике: «Командование финской армии не хочет, чтобы ее войска наступали с Карельского перешейка дальше старой государственной границы».

В результате наступления финнам удалось занять Петрозаводск, Лодейное поле и захватить весь Карельский перешеек. На этом финны свои задачи в войне посчитали выполненными. Аннексия советской Карелии исполняла давнюю мечту финских националистов о создании Великой Финляндии, где реки Сестра и Свирь должны служить естественными границами нового государства. Финляндия предоставила почетное право разгромить Советский Союз своим немецким союзникам. На Карельском перешейке фронт стабилизировался на долгие три года. Но об этом наше командование еще не знало.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Шуркин Сергей

В Ленинграде я работал на заводе. 4 июля я записался в народное ополчение, 5-го был уже в войсках. Мы 10 дней занимались боевой подготовкой, потом наш батальон погрузили в эшелон и перебросили за Приозерск, где проходили бои с финско-немецкими войсками. Вместе с пограничниками мы отходили к старой границе, причем нам очень помогала их система организации обороны. Они нам здорово помогали и в огневой подготовке, и в отражении атак противника. Надо отдать должное.

Вот мы говорим сейчас о заградотрядах. Когда после тяжелого боя мы начали отходить, причем отход стал беспорядочным, пограничники выстроились в це-

почку, останавливали нас, приказывали занять оборону. Таким образом, мы пришли в себя и успокоились. Когда противник подошел, вместе с пограничниками мы отразили эту атаку. Но все равно потом отступали и вышли на старую границу, которая существовала до 39-го года.

Самый тяжелый бой — первый. Когда мы вышли из поезда и заняли рубеж обороны, финны начали наступать. Естественно, была какая-то робость. Я впервые близко увидел раненого и понял, что и со мной такое может случиться. А потом бой начался.

И вдруг разорвался сзади снаряд. Один из бойцов получил тяжелое ранение в ноги. Мы вынесли его на дорогу (там танкетка с фельдшером была), положили на танкетку, отошли метров сто, и вдруг слышим — взрыв. Прямое попадание в танкетку. Все, кто был на ней, погибли. Вот это самое страшное — видеть такое.

Финны хорошо воевали. Надо отдать им должное. Они были всегда хорошо вооружены и хорошо сражались. Но только на этой старой границе они остановились.

В середине августа на южном рубеже Ленинградского фронта назревал новый кризис. До сих пор на Ленинград наступала одна 18-я армия немцев. 16-я армия была занята в Прибалтике. Однако 17 августа немцы захватили Нарву и начали осаду Таллина. Гитлер заявил: «Невод заведен. Рыба находится внутри невода. Можно считать, русской армии и Балтийского флота больше не существует».

Войска Прибалтийского фронта и корабли Балтийского флота оказались под угрозой полного уничтожения. Но все попытки добиться разрешения на вывод армии и флота в Кронштадт Москва игнорировала. В результате, войска грузились на суда уже под обстрелом немецкой артиллерии. 28 августа в море вышли четыре конвоя транспортов и боевых кораблей. По ним тут же ударили немецкие бомбардировщики. Фарватер оказался нашпигован минами, тральщиков не хватало, корабли один за другим подрывались на минах. Вечером из штаба Балтийского флота пришел приказ встать на якорь и дожидаться утра. А с наступлением рассвета произошло необъяснимое. Все боевые корабли снялись с якоря и полным ходом ушли в Кронштадт. Тихоходные транспорты, битком набитые войсками и эвакуировавшимся гражданским населением, оказались брошенными на растерзание немецкой авиации. Жители Кронштадта вспоминали, что видели наши боевые корабли, а немецкая авиация, их обходя, летела бомбить безоружный транспорт. Еще десять суток спасали уцелевших. Всего спасли 12 тысяч человек. В Таллинском переходе потеряно 65 судов, в водах Финского залива навсегда осталось около 10 тысяч человек.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Макеев Петр

Когда началась война, я учился в Военно-морской академии имени Ворошилова на Васильевском острове. Нас на третий день войны досрочно выпустили, и я был назначен в оперативный отдел Балтийского флота, главная база которого в это время находилась в Таллине.

Когда мы прибыли в Таллин и явились к начальнику штаба флота, он сказал: «Ага, академики прибыли, прекрасно, вникайте в обстановку и принимайтесь за работу». А обстановка в это время была следующая: немецкие войска в первых числах августа захватили все наши военно-морские базы и подошли к Таллину. Наша армия была разрезана, и враг клином прорвался на южное побережье Финского залива. Продолжалась Таллинская оборона до 26 августа. На неоднократные просьбы командующего Балтийским флотом адмирала Трибуца разрешить постепенную эвакуацию ненужных частей и учреждений в Кронштадт отвечали запретом. Только 26 августа было получено разрешение на эвакуацию.

Макеев Петр

Спланировали, в какой транспорт погрузятся тыловые учреждения, в какие — войска, отходящие с фронта. Подготовка была очень большая, но она проводилась скрытно, потому что уже был приказ «не отходить, ни шагу назад». Мой одноклассник Юра Афанасьев командовал эсминцем «Ленин», который стоял в Либаве в ремонте. А Либаву на 6-й день войны заняли немцы, и поэтому Юра приказал взорвать эсминец. Он на катере прибыл в Таллин, а военная прокуратура уже обвинила его в поспешности, и он был расстрелян. Через некоторое время вышел приказ Сталина: не оставлять ничего врагу, все взрывать, но уже после того как Юру расстреляли. Потом его реабилитировали, потому что действия были правильные.

В ночь на 27-е начался отход войск и техники. Технику, которую нельзя было взять с собой, уничтожали на берегу. Я сам видел, как наши солдаты разбивали машины, чтобы они не достались немцам.

Было создано 4 конвоя, в каждом по 8–10 транспортов. Меня назначили тогда начальником походного штаба первого конвоя. Шел я на учебном корабле «Ленинградсовет»⁵. Но к этому времени на Балтике разыгрался шторм, подул норд-ост, в такую непогоду не могли выйти малые корабли. Пришлось ожидать. В это время наш крейсер «Киров» и другие обстреливали немцев и не давали им помешать погрузке. Наша морская артиллерия поработала здоро-

во. Только к утру 28-го море успокоилось и в 12 часов дня на эскадренном миноносце «Калинин», где находился командующий арьергардом, вице-адмирал Ралль Юрий Федорович, был поднят сигнал: первому конвою начать движение.

К вечеру 28 августа совершились первые налеты вражеской авиации на наши корабли. В сумерки мы подошли к минным заграждениям, которые выставили немцы еще до войны. По плану намечалось, что мы пройдем их днем 27-го, а вышло, что пришлось форсировать ночью, что осложнило обстановку. Эта ночь (с 28-го на 29-е) была самой тяжелой, самой ужасной. Много кораблей погибло на минном заграждении.

Мой однокашник шел на эсминце «Калинин», на котором находился вице-адмирал Ралль. Он потом рассказывал, что Юрий Федорович говорил: «Вторая Цусима».

Позже, уже после войны, в 62-м году, я был в ГДР назначен советником и интересовался таллинским переходом. Я узнал, что до 10 тысяч мин немцы поставили посреди Финского залива, на центральном фарватере, в который мы вошли. Много судов погибло на минах.

На нас совершались атаки немецкой авиации. Немцы выбирали самые крупные транспорты. Я видел, как «Вирония»⁶ от попадания бомб выкатилась из протраленной полосы. Я приказал капитану уменьшить ход до малого и послал катера подбирать тех, кто оказался за бортом. Но долго оставаться было нельзя, так как приближались сзади идущие корабли.

Командир «Ленинградсовета» удачно маневрировал. Как только из бомболюка самолета вываливались 4 бомбы, он командовал «право на борт». До этого отворачивать было нельзя, потому что летчик мог скорректировать на наш поворот. Вот так благополучно несколько раз командир то вправо, то влево отворачивал корабль. А бомбы ложились впереди по старому курсу.

Утром 29 августа, когда начались налеты на конвои, я дал несколько телеграмм с просьбой прикрыть суда авиацией. И только когда мы прошли Гогланд, когда уже большинство транспортов потонуло или было повреждено, мы увидели, что летят наши истребители из Кронштадта нам навстречу. А в это время появились немецкие Ю-87. Увидев истребители, они повернули обратно. Остальное спасение шло с острова Гогланд. К этому времени был организован отряд под управлением контр-адмирала Святова Ивана Георгиевича, с большим количеством малых кораблей и катеров. Этот отряд спас 12 тысяч солдат и гражданских, доставив их на остров Гогланд.

Новоселов Николай

22 июня 1941 года я находился на эскадренном миноносце «Яков Свердлов»⁷ краснознаменного Балтийского флота, в шхерах, где мы испытывали торпеду самонаведения. По радиосвязи объявили, что началась война. Наш корабль приписали к главной базе Военно-морского флота в Таллине. Он вошел в бое-

вое ядро, которое несло патрульную службу в море. Когда фашисты приблизились к Таллину, нависла опасность кораблям, находящимся в главной базе. И было решено все боевые суда собрать и двинуться в Кронштадт. Эвакуация проходила с 24 августа 1941 года. 28-го утром, в 4:20 примерно, мы начали движение. Наш миноносец получил задание охранять правый борт крейсера «Киров».

По левому борту старшина сигнальной роты Быховец Аркадий обнаружил перископ подводной лодки. Не прошло пяти минут, как подводная лодка противника выпустила торпеду по нашему кораблю. Но наш командир, капитан 2-го ранга Спиридонов Александр, сделал правильный маневр, торпеда прошла за бортом. А вот вторую торпеду мы намеренно приняли на себя, потому что она шла прямо на крейсер «Киров». Корабль наш за каких-то 10 минут погиб. Удар торпеды пришелся в первое котельное отделение, там же недалеко находился склад боеприпасов, и корабль взорвался. Личного состава остались единицы, остальные все погибли. Те, что находились на ходовом мостике, последними с корабля нырнули в воду. С сигнальщиком Николаем произошла трагедия. Он подплыл к катеру, а на море было волнение, и его отнесло, и попал он как раз под киль катера МО № 214. Меня катер подобрал. Как спасся, сам не понимаю. Я был ранен, вдобавок — контузия головы, долго не слышал ничего.

Новоселов Николай

Наше движение по северному фарватеру было очень опасным. Тральщикам приходилось нелегко. Когда мина всплывала, даже личный состав боевых кораблей, ложась на живот, шестом отталкивал эти мины.

Саксин Иван

Я пришел на флот сразу после финской войны, она не принесла нам большой славы и пользы. Поэтому в Народном комиссариате обороны проводились большие замены. Старого наркома Клим Ворошилова сняли и назначили Маршала Советского Союза Тимошенко. Тимошенко сразу стал вводить новые уставы: усилил требования к воинской дисциплине, к боевой подготовке, повысил роль младшего командного состава. Поэтому, когда я прибыл в учебный

отряд школы связи имени Попова, и мы стали заниматься строевой подготовкой (на это давалось 2 месяца), то сразу ощутили, что готовимся не по старой системе.

После окончания школы связи меня назначили на корабельную практику и послали на сторожевой корабль «Циклон». Тогда в Кронштадте и Ломоносове базировались корабли дивизиона, которые назывались «кораблями плохой погоды». Это «Вихрь», «Буря», «Туча» и «Циклон», на котором я ушел на Балтику. На этом корабле стояло два артиллерийских орудия — две «сотки», один 37-миллиметровый зенитный пулемет, торпедный аппарат, — так что мы могли выходить и в торпедную атаку на неприятельские корабли.

Наша эскадра (отряд легких сил) собралась в Рижском заливе: корабли охраны водного района и часть подводных лодок. Там 22 июня мы и узнали о начале войны. На следующий день все отправились на постановку минного заграждения, которое должно было перекрыть горло Финского залива. Заграждение планировалось от Моонзундского архипелага с южной части до полуострова Ханко на севере.

Вышли минные заградители, эсминцы, тральщики и отряд поддержки, в котором были крейсер «Максим Горький» и эсминец «Гневный». Сначала взорвался «Гневный», а через некоторое время на мину наскочил и «Максим Горький». Оказалось, что накануне войны или в первый день немцы сумели поставить там минное заграждение. По всей видимости, плохо сработала наша разведка.

Все первые недели войны мы были заняты обороной Финского залива. Делалось все для того, чтобы не пропустить немецкие корабли в восточную часть, в сторону Кронштадта и Ленинграда. Но немецкий флот не пошел в залив, немцы пустили сухопутные дивизии.

Ядро кораблей понемногу стало уходить из Таллинской гавани в Кронштадт. Начали перевозить часть ценного инженерного имущества. А когда немцы приблизились к Таллину, начался так называемый Таллинский переход.

Во время перехода наш корабль наскочил на мину. Мы попрыгали в воду. И вот когда я плыл, случайно под руку попался какой-то обломок бруса. Или доски. Я взял ее под левую руку, а правой немножко подгрел. И вот это меня спасло. Через некоторое время слышу — где-то в стороне раздались голоса. Нас подобрал какой-то корабль. Привели нас в машинное отделение — так сразу захотелось спать. Уснули. Через некоторое время нас разбудили, мы поднялись на верхнюю палубу, смотрим, — какой-то остров. Говорят, это Гогланд.

После взятия Таллина обе немецкие армии были готовы к броску на Ленинград. Решающее наступление планировалось по трем направлениям. На востоке: на Новгород и Чудово с целью перерезать Октябрьскую железную дорогу между Ленинградом и Москвой. В центре: через Лугу с выходом на Киевское шоссе, ведущее через Гатчи-

ну в Ленинград. С запада: через Кингисепп по шоссе вдоль Финского залива.

Немцы начали наступление 8 августа. Авиация вермахта бомбит непрерывно. Танковые клинья врезались в Лужский рубеж. Курсанты, ополченцы, кадровые части сражались яростно и умело. Из донесения немецкого командования: «Советы приходилось буквально выжигать огнем из их дотов и укрепрайонов. Полицейская дивизия СС заняла Лугу, но потери ее были столь велики, что дальше она не могла продолжать наступление». После упорных боев немцы пробили Лужский рубеж с флангов и устремились к Ленинграду. Приказ отходить был дан лишь тогда, когда наши войска оказались в окружении. 20 тысяч человек попало в плен.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Пчелов Борис

Призвали меня в армию 30 июня и направили в город Красногвардейск, нынешнюю Гатчину, в батальон связи. Наша 70-я ордена Ленина дивизия⁸ (она за финскую войну еще получила орден) была направлена вместе с другими соединениями отстаивать Лужский рубеж. Боевой подготовки у нас, по сути, не было — дней десять учили стрелять, пользоваться противогазом, лопатой окопы копать. Вооружение тоже было слабенькое — трехлинейка 1891 года. В траншее не повернуться с ней. У фашистов — автоматы, короткие, а мы вот с этой трехлинейкой. Потери были большие.

Бои шли кровопролитные. Численность нашей дивизии уменьшалась. Связи настоящей не было, мы просто не знали обстановки и оказались в кольце. Выходили ночами, по топким болотам, тащили раненых с собой. Боеприпасы закончились, обмундирование все дряхлое. Вывел нас в районе Вырицы будущий командир дивизии Краснов Анатолий Андреевич. Тогда он майором был, командиром полка. Когда мы выходили из окружения, нас засыпали листовками: «Сдавайтесь в плен»; «Спротивление бесполезно». Краснов построил нас всех голодных, ободранных, и сказал: «Кто со мною пойдет, того я выведу из окружения». И в этот момент с фашистского самолета сбросили листовку: «Вы знаете, кто это, на снимке? Это сын Сталина, Яков, который сдался, потому

Пчелов Борис

что ваше сопротивление бесполезно». Краснов дает команду «направо», и пошли выходить из окружения. Вывел все-таки! Мы вышли к своим дивизионным тылам, нас накормили, обмундировали, дали немножко отдохнуть.

Первый период войны был самым трагическим. И героическим. Потому что мы все-таки не дали взять Ленинград.

Для 4-й немецкой танковой группы кратчайший путь к Ленинграду лежал через Гатчину, которая тогда называлась Красногвардейском. Превосходство в танках, самолетах, живой силе дало немцам возможность уже на четвертый день боев подойти к внешнему оборонительному обводу Красногвардейского укрепрайона. Глубина Красногвардейского укрепрайона составляла от 35 до 45 километров. Он проходил от Финского залива до среднего течения Невы и создавался в предвоенные годы под руководством Алексея Александровича Кузнецова. К моменту подхода фашистских войск к укрепрайону здесь силами гражданского населения — женщин, подростков, стариков — построили 335 дзотов и дотов, 127 бронеточек, вырыли 205 километров противотанковых рвов, подготовили 275 артиллерийских площадок. От Гатчины до Пулковских высот было прорыто три противотанковых рва и созданы минные поля.

Но немцы не собирались брать укрепрайон в лоб. Они обтекали его с запада и с востока. Прорывались там, где им противостояли только что сформированные, плохо вооруженные дивизии народного ополчения или потерявшие большинство своего состава в боях кадровые части. Нового вооружения и опытных командиров Красной армии катастрофически не хватало. Но там, где они появлялись, вермахту приходилось нелегко.

18 августа приказ перекрыть тяжелыми танками КВ подступы к Гатчине получила танковая рота старшего лейтенанта Зиновия Колобанова. За день до этого на Кировском заводе рота получила новенькие танки КВ-1, только что сошедшие с конвейера.

Рота Колобанова должна была закрыть три дороги, ведущие в Гатчину со стороны Кингисеппа, Таллина, Луги. Все эти дороги перекрещивались в одном месте — поселке Войсковицы. В роте Зиновия Колобанова — пять танков КВ-1. В каждый танк загружено по два боекомплекта бронебойных снарядов. Колобанов приказал двум экипажам — лейтенанта Сергеева и младшего лейтенанта Евдокименко — занять оборону на Лужской дороге. Два других экипажа — лейтенанта Ласточкина и младшего лейтенанта Дегтяря — должны были перекрыть дорогу, ведущую в Волосово. Танк самого Колобанова встал в засаду у поселка Учхоз. В районе Войковиц дорога, ведущая от Тал-

линского шоссе к Мариенбургу, пригороду Гатчины, делает крутой поворот почти на 90 градусов, и поэтому немцы не могли показаться на ней неожиданно. Еще одна особенность дороги — по левую сторону от нее и по правую — болото. Этот перешеек — очень удобное место для танковой засады. По приказу Колобанова для танков выкопали капониры (укрытия) по самую башню.

В 1941 году у дороги находилась птицеферма (она и сейчас на этом месте). Работники фермы разбежались. Танкисты поймали гуся и, чтоб он не достался оккупантам, сварили его в ведре, отужинали и стали дожидаться подхода немецких танков.

Утром 19 августа танкисты Колобанова услышали надвигающийся шум, потом канонаду. Первыми вступили в бой танки, что стояли на Лужском шоссе, немцы атаквали и со стороны Волосова. На связь вышел комбат Шпиллер и сообщил, что скоро танки появятся на Мариенбургской дороге.

Из-за поворота выехали три немецких мотоциклиста — голова колонны, за ними — штабные машины, потом танки. Наводчик сосчитал — танков 22.

Колобанов приказал огонь не открывать. Он дождался, пока мимо него проедут мотоциклисты, штабные машины, и только когда головной Т-3 оказался под прицелом орудия, Колобанов приказал: «бронейным — пли».

Экипаж Колобанова подбил первый немецкий танк, потом замыкающий. Затем стал расстреливать их один за другим. Немцам деваться было некуда. Справа болото и слева болото. Гитлеровцы не сразу обнаружили замаскированный КВ. Затем открыли по танку Колобанова шквальный огонь. Но броня КВ выдержала удары снарядов. Танк получил 156 вмятин от попадания бронебойных снарядов, но продолжал уничтожать немецкую технику. Когда бой закончился, КВ своим ходом вернулся в расположение батальона.

Об этом бое поэт Александр Гитович написал поэму «Танкист Зиновий Колобанов». Под поэмой подпись — «26 сентября 41-го года. Действующая армия».

Все это было так:
В молчании суровом
Стоит тяжелый танк,
В леске замаскирован.
Враги идут толпой
Железных истуканов,
Но принимает бой
Зиновий Колобанов.

И сквозь разрывов грохот
 Мир смотрит на равнину,
 Где старший лейтенант
 Повел на бой машину...
 И вот он немцев бьет,
 Как богатырь былинный.
 Вокруг него лежат разбитые машины,
 Уже их двадцать две, как буря разметала,
 Они лежат в траве осколками металла...

Сегодня на месте боя установлено панно. На нем изображена звезда Героя Советского Союза, хотя никто из танкистов Героя так и не получил. Зиновий Колобанов был награжден орденом Красного Знамени. Еще он попал в Книгу рекордов Гиннеса как человек, поставивший абсолютный мировой рекорд: в одном бою подбил 22 вражеских танка. Всего под Войковицами рота Зиновия Колобанова уничтожила 43 немецких танка.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Мельников Владимир

Попал я в поселок Тайцы. В 1-ю танковую дивизию⁹, в 1-й танковый полк, в 1-й танковый батальон 3-й роты тяжелых танков. Командир роты — старший лейтенант Колобанов. У нас должно было быть тяжелых танков KB тринадцать штук, но оставалось к тому времени только пять. На одном из них, у лейтенанта Ласточкина, я был радистом. 18 августа нас подняли по тревоге, и мы вышли на исходные позиции под Красногвардейск (Гатчину). Нам объявили, что командование дало приказ не пропустить крупную группировку танковых войск. Колобанов сказал, что мы будем вести бой из засады. Приказал копать капониры (это углубление, куда танки спускались), основной и запасной на всякий случай. А сам ушел на разведку. Все, что было дальше — это заслуга Колобанова. Он опытный командир. Накануне боя он, наверное, часа три обходил линию обороны, выбирал для всех пяти танков позиции.

Мельников Владимир

Танки мы закопали, над уровнем земли осталась только башня, которая могла вращаться на 360 градусов. Замаскировали их хорошо. Командирами танков были: лейтенанты Сергеев, Евдокименко, Ласточкин, младший лейтенант Дегтярь и Колобанов (он сам тоже был командиром экипажа). Колобанов три танка поставил в районе Лужского шоссе, свой танк — около Войковиц (там, где сейчас памятник этому бою, буквально в ста метрах), а наш танк поставил недалеко от железной дороги. И стали мы ждать. Я как радист, слышал переговоры Колобанова с другими экипажами и с командиром батальона, капитаном Шпиллером Иосифом Борисовичем.

Ночь прошла более или менее спокойно, все время кто-то дежурил возле танка. Утром 19-го дежурил Роденков и вдруг услышал шум. А бой на Лужском шоссе начался раньше. Мы даже слышали разрывы снарядов. Лейтенант Сергеев передал, что вступил в бой с крупной группировкой, бой ведет успешно, подбили 8 танков. Где-то около двенадцати или двух часов (я не могу точно сказать время) Роденков услышал шум моторов. Колобанов ему приказал сесть в танк. Через некоторое время пошел авангард колонны: несколько мотоциклистов и бронемашин двигались по направлению к Войковицам. Я слышал, Шпиллер в это время отругал Колобанова: «Что ты пропускаешь немцев?!» А Колобанов ему даже ничего не ответил на это. Он был умный командир, знал, что сейчас пойдут танки. И действительно, через некоторое время они выдвинулись из-за леса. Насчитали 22. А у наводчика Андриуши Усова был выбран ориентир на дороге. И когда танки подошли к этому ориентиру, по ним открыли огонь. Андрей классный был артиллерист. Он с одного снаряда подбил первый танк. Тот загорелся, развернулся и запер всю колонну. Там были Т-3, Т-4. Потом он подбил последний танк, тот тоже загорелся. В общем, дорога была заперта, немцам деваться было некуда. Справа болото и слева болото. И начался методичный расстрел всех танков. Немцы, конечно, открыли огонь, но они Колобанова не видели. Потом обнаружили, было примерно 150 попаданий в него снарядов. Бой закончился где-то часа через полтора. И все 22 танка были подбиты.

Наш танк стоял в направлении железной дороги, мы ждали появления немецких танков. А они с Лужского шоссе выскочили на какую-то проселочную дорогу и зашли к нам в тыл. Иван Иевлев, механик-водитель, быстро вывел танк из капонира, а Коля Сливов, командир орудия, сумел подбить первые два танка, но еще два шли на нас. Одним из снарядов нам повредили люльку орудия, то есть мы уже не могли управлять пушкой. Командир приказал Иевлеву бить эти танки тараном. Сперва разбили танк, который был к нам ближе. Но это страшное дело. Конечно, все были контужены внутри. А второй танк стал разворачиваться, чтобы уйти. Коля Сливов сориентировался, и в момент, когда орудие его смотрело на немецкий танк, выстрелил. Танк загорелся. Таким образом, на нашем счету было 4 подбитых танка. На счету лейтенанта Сергеева — 8 танков. На счету Евдокименко — 5 танков. И на счету младшего лейтенанта Дегтяря тоже 4 танка. А командир наш, Колобанов, подбил 22 танка. Это исторический бой, который удивил всех!

После боя приехал командир бригады генерал Баранов¹⁰, командир полка полковник Погодин. Приехал Шпиллер, наш командир батальона. Приехал репортер газеты «Известия» Майский. У него была кинокамера, он заснял все, но я до сих пор не знаю, есть ли этот кадр с 22-мя подбитыми танками.

Колобанов был героем Советского Союза еще в финскую войну. Мы с ним встретились здесь, в Ленинграде, после войны уже, он приехал к нам домой. Сидели за чашкой чая с супругой, он вдруг вынимает фотографию. Фотография шесть на девять, и там он с одной шпалой (то есть капитан) и со звездой Героя Советского Союза. Я говорю: «Зиновий Григорьевич, а почему сейчас-то не герой?» «Ну, так, — говорит, — получилось». Причина в чем. Когда кончилась война финская, был дан приказ «не стрелять». Его рота стояла на исходных позициях. Вдруг идет с белым флагом группа финнов. Подошли к какому-то танку из его батальона. Даже не из роты, а из батальона! Как потом он мне рассказывал, обменялись сигаретами. Они по-русски не понимают, наши фински не понимают. Те развернулись и ушли. А политработники доложили наверх, и за это Колобанов был разжалован и посажен. Почему он не получил второй раз звезду Героя? Естественно, должен был, вся заслуга его в этом бою. Когда Баранов доложил командующему фронтом и политработникам, которые там были, что Колобанов заслуживает звания Героя Советского Союза, ему сказали: «Ты что? Он только что из тюрьмы вышел. Дискредитировал нашу армию на финском фронте». И ему и здесь не дали. Обещали, что его сделают почетным гражданином города Гатчины. Обещали назвать в Ленинграде одну из улиц его именем. И ничего не сделали. Назвали в Войсковичах бывшую Учхозовскую улицу, на которой стоит гимназия, улицей Колобанова. А вот в Петербурге — комитет по топонимике, который определяет название улиц, одобрил, губернатор тоже одобрил, пять лет прошло — и ничего. Уже никого нас не осталось, и ходатайствовать дальше будет некому.

Немецкое наступление по всем трем направлениям остановить не удавалось. 19 августа врагу сдан Новгород. В плен попали 12 тысяч красноармейцев. Командующий обороной Новгорода генерал Качанов расстрелян с формулировкой «за самовольное оставление поля сражения». От Новгорода немцы повернули на север, перерезали Октябрьскую железную дорогу. С 30 августа шли яростные бои за Мгу — последний железнодорожный узел, связывающий Ленинград с Россией. Несмотря на ожесточенное сопротивление 1-й дивизии НКВД, 2 сентября Мга взята. Уже тогда Ленинград фактически оказался в блокаде.

12 августа танки под командованием Гепнера перерезали шоссе Ленинград — Нарва и взяли Кингисепп. 24 августа немцы взяли Чудово, 25-го заняли Любань, развивая наступление на юго-востоке. В результате действий восточного и западного флангов группы армий «Север», советские войска в Красногвардейском оборонительном районе оказались фактически в окружении. Командующий оперативной группой

генерал Астанин получил разрешение на выход из окружения слишком поздно. 24 августа немцы вошли в Лугу.

Ворошилов и Жданов боялись докладывать о происходящем в Кремль. Чтобы выяснить ситуацию под Ленинградом, Сталин послал в город комиссию с чрезвычайными полномочиями. В составе комиссии — Молотов, Маленков, Косыгин. Они были поражены растерянностью командования города. Ворошилов метался по фронту и самостоятельно поднимал солдат в атаку, Жданов проводил в Смольном бесконечные заседания.

Комиссия на месте утверждает план эвакуации и принимает решение о создании в городе полуторамесячного запаса продовольствия. Последняя мера крайне своевременна. 8 сентября немцы заняли Шлиссельбург, полностью окружив город. Начался отсчет дней ленинградской блокады.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Смирнов Юрий

Когда началась война, я работал на заводе в Ленинграде. 22 июня мы изготавливали миноискатели. Митинга не было, но нас до утра никуда не выпустили с завода. Сидели, ждали какие-то указания. Мы, комсомольцы, решили идти на фронт добровольцами. Числа 26-го мы подали заявление, 4 июля нас вызвали получить расчет и отправили в школу № 24, это на Васильевском острове, на Среднем проспекте. Там уже были офицеры, которые нас записывали по очереди. Первый взвод — Иванов, Сидоров, Петров и так далее. Нас строем повели в здание Ленинградского государственного университета. И там, в этом длинном коридоре, на втором этаже, где биологический и, по моему, геологический факультеты, завели в аудиторию. На столах мы устроились, ночь переспали, утром подъем, на физзарядку. Так началась военная служба.

Мы пробыли в университете до 18 июля. Утром нас дообмундировали, организовали митинг во дворе (выступил секретарь райкома партии Шишмарев Алексей Андреевич), пожелали скорейшего возвращения с победой, и мы стартовали в Красное Село. Оттуда нас 3 августа направили в Гатчину. После того как Лужский рубеж прорвали немцы, нашему батальону дали команду выставить боевое охранение в Вохонове, Елизаветине и Войковицах. Там, в Вохонове, первое боевое крещение получил взвод младшего лейтенанта Генусова. Когда пошли немецкие танки, он орудие свое выставил на прямую наводку и подбил первый танк, за что его представили к ордену Красной Звезды. Там же мы потеряли Каспарова, нашего командира взвода.

Самый тяжелый для батальона бой состоялся 10 сентября. Наш отдельный артиллерийский пулеметный батальон Василеостровской дивизии народного

ополчения держал оборону в районе Пудости и Мариенбурга. Там ширина по фронту — порядка пяти километров. Артиллерия у нас была малочисленна, танкоопасные направления недостаточно заминированы. Все это сказалось, когда на нас двинулись немецкие танки. Артиллерия подбила несколько машин. Танки повернули обратно, но на следующий день вернулись с подкреплением и стали уничтожать по одной наши огневые точки. К вечеру 11-го немцы взяли Пудость. Но и немецких танков много побили тогда.

Батальон был сформирован в основном из василеостровцев, трудящихся завода Козицкого, Калинина, других предприятий, а также студентов, аспирантов и преподавателей Ленинградского университета и Горного института. Батальон потерял больше половины своего личного состава в этом бою. Но мы с задачей справились: не дали отсечь пехоту от танков. 11 сентября меня ранило, и поэтому я не знаю, как было дальше. Батальон расформировали 21-го по приказу командующего Ленинградской армией народного ополчения, в связи с большой потерей личного состава.

Устиновский Юрий

Война меня застала под Ленинградом, на станции Александровская. Я в то время был курсантом Ленинградского технического авиационного училища имени Ворошилова, это на улице Красного Курсанта, где сейчас находится Военно-космическая академия имени Можайского. В 12 часов прозвучало выступление Молотова и практически сразу мы услышали вой немецких самолетов (в тот же день). Лагерь свернули, и мы вернулись в Ленинград. А потом примерно через две или три недели наш курсантский батальон отправили в район Чащи под Лугу. В то время это место называлось седьмым районом. Нам была поставлена задача — ловить диверсантов, факельщиков, парашютистов, если таковые будут обнаружены. Нескольких мы обнаружили — тех, что сигналили ракетами. Это в основном были русские, из местного населения, завербованные в свое время немецкими разведками. Они обозначали объекты для бомбардировки, объекты, на которые можно было высадить десант.

Шу Мария

Война меня застала в Ленинграде. Я очень хорошо помню выступление Молотова и тот шок, который испытало старшее поколение. Мне было 16 лет, и я как-то не очень переживала, я была уверена, что война быстро закончится.

Первая встреча с боевыми действиями произошла на станции Сиверская. Когда я пошла на вокзал, то была просто ошарашена. На вокзале — столпотворение. Расписание поездов нарушено. Через какое-то время подошел поезд из Луги. И вдруг неожиданно — налет немецкой авиации. Бреющим полетом на нас шел самолет. Я видела лицо летчика, до сих пор стоит перед глазами. Он летел очень низко и из пулемета расстреливал толпу. Я не знаю, сколько было жертв. Кто-то скомандовал: «Всем лечь!» Все легли покорно. Отстрелявшись,

самолет улетел. Рядом со мной лежала убитая женщина, вся в крови, а рядом ползал ребенок. Я вернулась на дачу, потому что решила, что уезжать нельзя. На следующий день приехал глава семьи моих приятелей и всех увез в Ленинград. Собирались быстро, потому что на станции уже пошел слух, что около Луги немцы. Второпях сели в набитый поезд. Два раза высаживались из-за бомбежки, но все-таки добрались до Ленинграда. В городе готовились к войне. Население закупало продукты, вначале они были в свободной продаже, карточки ввели позже. Потом продукты начали исчезать. По карточкам отпускался какой-то минимум. Очереди выстраивались огромные.

Шу Мария

Потом начались обстрелы. Первые бомбы были зажигательные. На крышах домов установили дежурства, чтобы гасить их. Началось переселение людей из районов, более подверженных бомбежкам. Помню, что в Петроградский район из Октябрьского переселяли. Это в обязательном порядке. Первые фугасные бомбы появились перед пожаром на Бадаевских складах. Я помню, что ощутила содрогание дома, и помню, какое напряженное лицо было у мамы. В отличие от меня, она сразу поняла, что все очень серьезно. Сначала мы с первыми звуками воздушной тревоги спускались в бомбоубежище, потом уже так к ним привыкли, что оставались в квартире. Мама говорила: «Будь, что будет!»

Сидоров Александр

Когда началась война, я был в воинской части 48-й автомобильной бригады. Базировалась она в Новом Петергофе. Буквально на следующий день нас подняли по тревоге и вывели в район Ропши, в так называемый пункт сбора, где ждали дальнейшего приказа. А приказ был такой: на складе загрузиться боеприпасами и подвезти их нашим кораблям, которые базировались в Таллинском порту. Что мы и сделали, а потом сразу же вернулись в Ленинград, где полным ходом шла подготовка к обороне.

Наш 387-й батальон дислоцировался на улице Воинова (Шпалерной). Когда кольцо блокады замкнулось, нам приказали обеспечивать город продуктами.

Мы подвозили ленинградцев к Ладожскому озеру (бухта Мария, Осиновец, Вагановский спуск), там корабли Ладожской флотилии перевозили эвакуированных на другой берег, в район, где еще функционировала железная дорога. Это через Волховстрой. Обрато в город везли пополнение с Большой земли, боеприпасы и продукты. Порожние машины, идущие в город, на КПП не пропускали.

Ганелина Ирина

22 июня 1941 года у меня был экзамен по физиологии. Я заканчивала второй курс Первого медицинского института. Когда услышала, что началась война, большого страха не ощутила, мы ведь тогда думали, что наша армия быстро победит.

После экзамена по физиологии у нас был еще один экзамен, и я больше волновалась из-за учебы, чем из-за войны. А потом, в конце июля, нас, студентов, послали рыть окопы. Была хорошая, жаркая погода, студенческая компания, — рыли окопы с удовольствием.

Через некоторое время в городе началась эвакуация, и за мной приехал отец. Мать у меня была врачом и еще в конце июня уехала на фронт под Мурманск. Дядя тоже был врачом в госпитале, и их собирались эвакуировать. Отец решил отправить меня вместе с дядей. Я очень не хотела уезжать, ведь тогда, в августе мы не понимали, какая опасность нависла над Ленинградом. И вот нас

погрузили в вагоны, и мы ждали отправления, а тут немцы взяли Мгу. Путь по железной дороге перекрыт. Вы знаете, у человека бывают дни, которые он считает счастливыми в своей жизни. В тот момент, когда отложили отъезд, я почувствовала себя очень счастливой, потому что осталась здесь.

Я знала многих людей, которые не эвакуировались, хотя могли. Друзья моего будущего мужа учились в университете, они могли уехать еще в августе, но остались из-за госэкзаменов. Они говорили: «Мы немцев боимся, но госэкзаменов больше». И остались. А я, когда эвакуация отменилась, вернулась к своим товарищам, туда, где мы рыли окопы. Потом уже, после войны, мой бывший начальник госпиталя рассказал, что эти окопы заняли немцы и оттуда их очень трудно было выбить. Вот так бывает: рыли для своих, а заняли немцы.

Ганелина Ирина

Галибин Константин

Я учился в институте имени Лесгафта. Большая часть наших студентов, включая девушек, ушли в партизанские отряды. Мне туда путь был закрыт — у меня был «белый билет» — поэтому я со своим приятелем Анатолием Филипповым определился в добровольческий отряд из спортсменов Ленинграда. Там насчет здоровья никаких разговоров не было.

Меня зачислили в качестве рулевого сигнальщика на одну из крейсерских яхт, потом списали на катер КМ-4 и отправили в Новгород в составе небольшого отряда. Я видел, как оттуда уходили на пароходах многие руководители.

Когда мы подходили к Новгороду, навстречу попались буксиры. Мне один очень запомнился: на палубе стоял громадный фикус в кадке, а вокруг него сидели, чаевничали. За ним второй, третий буксиры. Подошли к городу, видим, на берегу народу — тысячи, бегают, ждут эвакуации. А катер может взять 10–20 человек.

Наш командир, старший лейтенант дал команду догнать эти буксиры (у нас скорость была побольше) и возвратить назад. Мы догнали, вернули. А у берега стояли громадные баржи бревенчатые, заполненные людьми. Заставили их взять на буксир баржи, но они не смогли их сдернуть, не хватало сил.

Утром налетели самолеты, начали бомбить Новгород. Мы по этим самолетам стреляли, но они вооружены были лучше. Когда город сдали, мы должны были не допустить форсирования Волхова немцами. Но катерам с одним пулеметом трудно было это сделать.

Среди нас никогда не было речи о том, что Ленинград может быть сдан. О Москве даже говорили. Но чтобы Ленинград! С кем бы ни общались — такого не было. Я не знаю, как считать в процентах, но то, что за нами был Ленинград — это в немалой степени помогло одержать победу.

Глава 2

Враг у ворот

8 сентября в 7:40 утра фельдфебель 3-й роты 424-го пехотного полка поднял на колокольню Шлиссельбургской церкви немецкий флаг. Кольцо блокады замкнулось. Однако покорителей Шлиссельбурга ждал неприятный сюрприз. Из старинной крепости Орешек, расположенной в истоке Невы на острове в двухстах метрах от Шлиссельбурга, по немцам ударили две пушки. В тот день в Орешек было отправлено 10 моряков — забрать со склада принадлежащие Ладжской флотилии запасы. Пока занимались погрузкой, немцы уже ворвались в район порта. Моряки оказались свидетелями того, как в порту фашисты расстреливали людей. Не в силах сдержать себя, краснофлотцы стали искать в казематах что-нибудь пригодное для стрельбы. Нашли два орудия без прицелов и боеприпасы, установили их на башне, и Николай Канушкин, имевший опыт артиллериста, выстрелил по немецкой батарее. Так началась оборона крепости Орешек. Немцы решили, что крепость защищает большой гарнизон, и не стали сходу штурмовать. В Ленинграде быстро поняли, в чем дело, и прислали подкрепление: капитана Алексея Морозова с группой из 13 краснофлотцев. Они привезли семь 44-миллиметровых пушек и 6 станковых пулеметов, оборудовали стрелковые точки. Балтийцам в крепости пришлось выдержать невероятные испытания. Только во время одного обстрела немцы выпустили 248 тяжелых снарядов и 1000 мин. Но Орешек держался всю ленинградскую блокаду.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Канашин Иван

Отправили меня в крепость Орешек. Нас было пять человек, погрузились мы в шлюпку и поплыли. Немцы нас заметили с другого берега и открыли шквальный огонь. Шлюпку перевернуло, мы все оказались в воде. Течение там силь-

Оборона крепости Орешек

ное, и трое из нас сразу утонули. А я кое-как, через силу, поплыл к ближайшему берегу и оказался на островке крепости. Весь гарнизон крепости — 260 человек, не считая морской батареи (тех, наверное, еще человек 30): пулеметный взвод, артиллерийская батарея и 2 взвода противотанковых ружей. Все необходимое доставляли на лодках, ночью. И боеприпасы, и медикаменты, и сухой паек. Выдавали 250 граммов хлеба и кое-какие консервы.

В Орешке я был наводчиком знаменитого орудия «Дуня». Оно стояло на крепостной стене. Мы сделали над ним укрытие и били по немцам прямой наводкой. Снарядов сначала хватало, а потом стало мало. К нам ночью шел катер с ящиками снарядов. Немцы его утопили. И мы ночью на шлюпках подходили к этому месту, ныряли, ящики оттуда доставали, грузили на шлюпки и возили в крепость.

Немцы время от времени пытались крепость взять. Зимой они подходили по льду, но мы такой шквальный огонь открывали из пулеметов, что они отходили обратно. И летом пытались. И снова мы их отгоняли. Но фашисты, в отличие от наших, жалели своих солдат и не хотели, чтобы они зря погибали. Они прекратили попытки брать штурмом и стали постоянно бомбить. Мы, чтобы пройти по территории крепости, вырыли повсюду траншеи, а жили в башнях.

В крепости я стал комсоргом батареи. Я командиром отделения был, а по званию — старший сержант.

Кольцо блокады сомкнулось стремительно и внезапно. В Ленинграде уже казалось чудом, если кто-то может остановить сокрушительный марш германской армии. Боевые части Красной армии, способные противостоять вермахту, были наперечет. 31 августа ленинградские газеты вышли с заголовками «Слава отважным воинам части Бондарева! Сражайтесь, как бондаревцы!» К этому моменту дивизия Бондарева воевала на Ленинградском фронте всего 2 дня.

В июле 1941-го дивизия Бондарева была прижата финскими войсками к Ладожскому озеру в районе Сортавалы. В сводках финского командования она значилась как уничтоженная. Однако Бондарев сумел на кораблях Ладожской флотилии с минимальными потерями эвакуировать весь личный состав, технику и даже артиллерию на остров Валаам. Оттуда дивизию переправили под Ленинград, и в тот же день она вступила в бой в районе Тосно. 29 августа передовой 407-й полк 121-й пехотной дивизии вермахта, марширующий к Ленинграду, был застигнут врасплох. Противник был не только остановлен, но окружен и разбит. Бондаревцы захватили 300 пленных, 46 орудий, десятки автомашин и полковое знамя.

После этой победы по Ленинграду разошлись слухи о целой армии Бондарева из Сибири. Впрочем, немцы тоже скоро оценили, с кем имеют дело, и в своих листовках называли 168-ю «дикой дивизией ге-

нерала Бондарева, обманутого большевиками». Оказалось, профессиональная, кадровая часть с грамотными командирами способна творить чудеса. Но все же, не способна спасти фронт.

ДОСЬЕ:

Бондарев Андрей Леонтьевич, полковник, 40 лет. Участник Гражданской войны. Командовал дивизией в Финской войне, награжден орденом Красного Знамени. По отзывам сослуживцев, в любой ситуации сохранял спокойствие, командовал «без голосовых связок». Не терпел действий по шаблону, в боях берег личный состав. В 1941 году командир 168-й стрелковой дивизии.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Краснопеев Иннокентий

Начало войны меня застало на четвертом курсе Военно-медицинской академии. Нас сразу же перевели на сокращенную программу пятого курса. 9 сентября, когда началась блокада Ленинграда, весь мой курс (а это 262 человека) досрочно выпустили из Академии без дипломов, выдали справку об окончании курса и отправили на фронт. Таких, как мы, называли еще в Первую мировую войну зауряд-врачами. У меня было назначение в одну из дивизий, в медсанбат, командиром хирургического взвода, но когда я добрался до медсанбата, его уже расформировали, — вывозили последние повозки с имуществом. Я говорю: «Отправляйте меня в любую часть». И меня отправили в 168-ю дивизию¹¹ Бондарева, которая знаменита тем, что насмерть стояла в обороне Ленинграда. Это была кадровая дивизия. Она воевала на Карельском перешейке и, когда ее перевели под Ленинград, все свое оружие привезла. А как

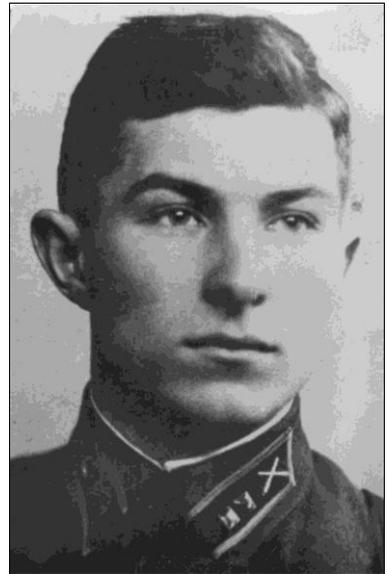
встала под Пушкиным, так немцы ее не могли стронуть с места, — она сама отступила, когда получила приказ оставить город.

Я был врачом 402-го стрелкового полка. Полковой медицинский пункт находился в Пушкине, на Слуцком шоссе (ныне — Павловском), дом 26. У меня память не очень хорошая на адреса и имена, но этот адрес я запомнил на всю жизнь, потому что там началась моя служба. К нам поступало много раненых. Медикаментов хватало, но ими почти не пользовались. Солдатам давали водку для обезболивания, перебинтовывали и отправляли в тыл. Лечить было некогда. Бои шли очень напряженные. Пушкин сдали 18 сентября.

Немцы на передовой разбрасывали листовки и пропуска через линию фронта. В одних листовках они гарантировали, что будем у них жить свободно, другие были со словами: «Питерские дамочки, не ройте ямочки, придут наши таночки, заткнут ваши ямочки». Кидали листовки со снимком сына Сталина, Якова (он был артиллеристом, командиром батареи и попал в плен), но мы их использовали на самокрутки, либо на ветер ходить. Бумага-то хорошая, мягкая.

Муштаков Порфирий

Мою батарею часто перебрасывали с одного места на другое, потому что она дальнобойная. Однажды забрались мы на дерево, наблюдательный пункт себе там сделали. Стелотрубу прикрепили и смотрим: выезжает немецкая батарея на конной тяге, как и у нас, и начинает разворачиваться. Я сразу накалываю точку на карте и докладываю командиру дивизиона. Он мне приказал немедленно открыть огонь. Я начал стрелять залпами. Через три залпа уже «вилку» (есть такой термин в артиллерии) захватил. Потом — беглый огонь прямо по орудиям. Там взрывы, темные клубы — точное поражение было. Вообще, наши артиллерийские орудия на высоте были. Я как кандидат военных наук считаю, что недаром Сталин называл артиллерию богом войны. Ведь наша артиллерия была более качественная, чем немецкая. 105-миллиметровая немецкая пушка по калибру меньше, чем наша, но она неуклюжая.

Муштаков Порфирий

Я это и до войны знал, и во время войны видел. Немецкая — тяжелая, в два раза тяжелее, чем наша 122-миллиметровая. Но, несмотря на это, нам пришлось отступать на Лужском рубеже. Наши танки КВ и Т-34 — лучшие в мире, но их не хватало. Ведь у нас перед началом войны было только 1142 танка. А у немцев — 5 с лишним тысяч.

КОМАНДИРЫ И БОЙЦЫ!

Германские войска стоят под Ленинградом. Киев ими уже взят. Москва эвакуируется. Положение Красной армии безнадежно. Скоро советская власть исчезнет!

Прекращайте бессмысленное кровопролитие! Подумайте о вашем будущем. Уничтожая при своем отступлении города и села, мосты, железные дороги и склады, вы уничтожаете тем самым средства, необходимые для восстановления вашей родины.

ГЕРМАНСКАЯ АРМИЯ

борется исключительно против террора и произвола коммунистов. Германская армия обещает вам хорошее обращение. Бросайте оружие и переходите на нашу сторону!

Гоните в шею комиссаров,
которые снова восстановлены
в правах, для того чтобы
сорвать дело мира!

Да здравствует мир и процветание свободных народов
вашей родины!

157 RA

Пропуск действителен для неограниченного количества перекладывших на сторону германских войск командиров и бойцов РККА.

ПРОПУСК

Предъявитель сего, не желая бессмысленного кровопролития за интересы жидов и комиссаров, оставляет побежденную Красную Армию и переходит на сторону Германских Вооруженных Сил. Немецкие офицеры и солдаты окажут перенедеющему хороший прием, накормят его и устроят на работу.
(Черепол на немецкий язык смитри рядов)

Passierschein

Vorziger dieses wünscht kein stummes Blutbad im Interesse der Juden und Kommissare. Er verläßt die geschlagene Rote Armee und geht auf die Seite der deutschen Wehrmacht über. Die deutschen Offiziere und Soldaten werden den Überläufer gut behandeln. Sie versorgen und für Beschäftigung sorgen.

Der Passierschein gilt für eine unbeschränkte Anzahl von Offizieren und Soldaten der Roten Armee, die zur Deutschen Wehrmacht übergehen.

Самохвалова Татьяна

Когда началась война, я училась на агронома в институте в Пушкине. После 22 июня нас стали отправлять по домам. А мне сказали остаться, так как я в 1940-м окончила курсы медсестер от Красного Креста. В комсомольской организации сразу после объявления войны составляли списки тех, кто может работать в подполье. Я записалась туда. Но уже 10 июля приехали два майора из 10-й артиллерийской дивизии — им нужны были две сандружинницы. Так я и попала в 62-й полк, 3-й дивизион 10-й дивизии¹² под командованием капитана Викторова.

Первое боевое крещение получила под Петергофом: первые раненые, первые бои. Второе — в лесу Ораниенбаума. Там было столько раненых, что трудно представить. Я была вся в крови — руки, гимнастерка, штаны. Помню, как из леса прибежали два моряка и кричат: «Сестричка, сестричка, давай к нам, у нас там полно моряков раненых». И я ушла их перевязывать. Тогда я впервые увидела моряков. У них ленты с патронами крестами по всей груди и автоматы (забирали их у убитых немцев). Я до этого автоматов совсем не видела.

Я перевязывала группу раненых, когда началась атака немцев. А у моряков было мало патронов, и они развязали свои ремни и начали бить немцев пряжками. Такого я больше не видела за всю войну.

Хомивко Иван

Я учился в электромеханической школе, расположенной в Кронштадте. На второй день войны мы, большинство курсантов, из патриотического порыва начали подавать рапорты, чтобы отправили на фронт. Меня (после третьего рапорта) и еще 12 курсантов зачислили в морскую пехоту, в 7-ю морскую бригаду¹³ полковника Парфилова. Но это было уже в сентябре, когда враг подошел к стенам Ленинграда. Бригада состояла из личного состава кораблей Балтийского флота и учебных отрядов. Там было около 5 тысяч человек. Нашим командиром батальона был капитан Чапаев, так что мы в шутку называли себя чапаевцами.

Заняли мы оборону между Пушкиным и Колпино: правое крыло упиралось в Пушкин, а левое — в Красный Бор. Наш взвод стоял на Московском шоссе. Моя стрелковая ячейка располагалась буквально в кювете. Ночью пришли, расставили бойцов по окопам, по ячейкам, и наш командир взвода лейтенант Михайлов стал переходить с бойцами через Московское шоссе, его здесь шальная пуля скосила. Там местность ровная, никаких кустов, только капустное поле. У нас не было землянок, были капониры в окопах. Немцы обстреливали ежедневно, с утра до вечера. Не давали даже покушать, все время был обстрел. Накрываешь себя шинелью, котелок держишь и кушаешь. Они стояли буквально в 120 метрах. Они на штык поднимали буханку хлеба и кричали: «Матрос, кушать хочешь — переходи к нам!» Оружия, боеприпасов не хватало. Выдавали по 4 гранаты и винтовку. У немцев были автоматы, а у нас — винтовки.

В начале сентября 1941 года немецкая пехота — под Ленинградом. Захватчики уверены, они не зря прошли с боями 800 километров от границ Восточной Пруссии. Теперь будут гулять по улицам и набережным бывшей царской столицы. Линия фронта уже в районе Сосновой Поляны. Разведка вермахта на мотоциклах достигла Кировского завода. 11 сентября Восточно-Прусская 1-я дивизия штурмом взяла Красное Село.

Ближе всего враг подошел к городу на двух направлениях: со стороны Кировского завода и Средней Рогатки. Но если на юго-западе немцы прорывались через плотную городскую застройку, то с юга их ждали лишь поля совхоза «Шушары» и редкие цепи красноармейцев.

Дороги были заполнены беженцами и солдатами, отступающими из Пушкина, Павловска, Гатчины. Тысячи людей тянулись по равнине. И все они — легкая добыча для немецкой авиации. В Ленинграде 3 дня пылали разбомбленные Бадаевские склады, где хранились 3 тысячи тонн муки и 2,5 тысячи тонн сахара.

В Ленинград стекались вооруженные, деморализованные солдаты и матросы, потерявшие своих командиров. И казалось, что город уже открыт, никто его не защищает, завтра в Ленинград придут немцы.

Все ждали решающего штурма. Блокадный Ленинград превратили в крепость. Укрепления строились не только на окраинах, но и в самом центре. Даже Невский проспект стал линией обороны. Немцы наступали с юга. Поэтому на северной стороне Невского все угловые дома оборудовали для уличных боев. Занимались этим бойцы специальных частей НКВД.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Юркин Григорий

Нашему полку было приказано готовить оборону внутри города на случай прорыва немцев. На Литейном проспекте в угловых домах мы оборудовали огневые точки для пулеметов и минометов. Делали скрытые проходы между домами по подвалам и крышам, создавали отдельный командный пункт. Мы даже обучали жителей этих домов, на случай если придется вести бои. Даже сейчас, проезжая по Литейному, я смотрю, где были у нас установлены эти точки. Даже в Большом доме устроили пулеметные гнезда.

Оборону организовали по всему городу. Московские ворота были разобраны, большими металлическими фрагментами перегородили улицы. А Московский проспект был покрыт маскировочной сеткой, потому что на фронт шли машины, а немецкие летчики их все время расстреливали. До самого Пулково эта сетка была установлена.

Жители Ленинграда!

Слушайте нас, пока не поздно. Ваши управилы призывают вас на защиту Ленинграда. Если вы последуете этому приказу, вы обречете сами себя на верную гибель.

Германцы за эту войну заняли столицы многих государств. Все большие города, население которых отказалось от бессмысленной защиты, остались целыми, их жителям не было причинено никакого вреда.

Например Париж:

Эта фотография изображает столицу Франции после передачи города немецким властям.

Города же, жители которых, слушаясь преступных советов, решились на укрепление домов и на военную оборону, были уничтожены ураганом германских бомб и снарядов.

Например Варшава:

Эта фотография показывает столицу Польши после бомбардировки.

Жители Ленинграда, хотите ли и вы погибнуть под развалинами вашего города? Нет! Вам хочется жить. Поэтому не содействуйте сопротивлению и требуйте мирную передачу Ленинграда германским властям.

Германцы не являются врагами народов СССР. Не верьте наглой лжи, которой вас запугивают ваши комиссары. Германцы - народ культурный и уважают мирное население.

Долой войну!

Листовка, обращенная к населению блокированного Ленинграда с призывом требовать мирной передачи Ленинграда германским войскам
1941 г.

Москаленко Нина

Трое суток по направлению к Пулковской горе шли наши мужчины-ленинградцы, колонна за колонной. Мне казалось, что это целая стена, целый город выстроился и идет на защиту своего Ленинграда.

Когда началась канонада, было похоже на землетрясение силою 6 баллов, потому что почва тряслась под ногами. Я перепугалась и побежала к трамвайной остановке, чтобы добраться в центр города (трамвай у нас был № 39). За мной бежали мама и братья. Трамвай стоял на кольце, водителя не было, людей тоже не было. От тряски трамвай скользил по рельсам взад-вперед. «Мессершмитт» летел, издавая страшный, противный вой. От этого воя можно было сойти с ума. На бреющем полете он строчил из пулемета по бегущим людям. Мы упали в канаву. Как выбрались, не помню. Но добрались до города. Всем беженцам давалась в центре жилплощадь эвакуированных людей. Мой муж определился на Лиговке, 124. Там, в основном, проходило мое блокадное время.

Королева Зинаида

Война меня застала на рабочем месте (я портниха), по радио услышала речь Молотова о начале войны. Примерно в конце июля — начале августа я уже была на оборонных работах в Копорье — копали противотанковый ров. Из Копорья нас отправили копать рвы в Петергоф (мы пешком добирались), а потом в Стрельну. В Стрельне ужас: гонят скот — ржание лошадей, блеяние овец, крики детей. Начальник наш сбежал, и мне пришлось руководить сотней рабочих. Рабочие там делились на сотни, у меня, по моему, была одиннадцатая. Ров мы рыли зигзагами, на случай высадки десанта с моря, это примерно там, где Константиновский дворец. Мы ушли из Стрельны за два часа до того, как ее заняли немцы.

Королева Зинаида

Потом я строила баррикады около Кировского завода. А затем работала по специальности — выполняла военный заказ: шила шинели, ватники.

Однажды мы с мамой пошли в Гостиный Двор. И в это время начался обстрел. Один снаряд попал в Гостинку — со стороны Садовой между первой и второй колоннами. Мама попала под этот снаряд, сзади нее женщине оторвало нижнюю челюсть. Мама за меня волновалась, она ее приставила к витрине и пошла меня искать. Мы перебежали Невский и переждали эту тревогу в бомбоубежище.

Юркин Григорий

Мы в начале войны размещались на Международном проспекте (сейчас Московском), в школе. Круглые сутки, днем и ночью по проспекту шли беженцы. Везли свой скарб на себе, на всем, что имело колеса: на тачках, детских колясках, велосипедах. Размещали их по всему городу: в спортивных залах, в пустых помещениях, а сколько прибыло точно — сказать никто не может.

Был такой случай. Чтоб бойцы не скучали, я установил турник прямо у двери. Был солнечный день, около школы собралась вся рота. На турнике показывают друг другу, на что способны. Тут солдат выходит из кухни и говорит, что в столовой все готово, можно заходить. Я построил роту и завел в столовую. Вдруг раздался страшный взрыв, вылетели окна вместе с рамами. Когда мы вышли из столовой, то на месте турника была глубокая воронка. Если бы на одну минуту позже позвали нас, то трудно представить, что бы осталось от нашей роты. Мы даже потом этого солдата благодарили.

Помню еще один случай. Там, где размещался батальон, стояли машины поливочные. «Голубки» мы их называли, по голубому цвету. Они очень здорово нам помогли. Мы к ним приделали довольно мощный пожарный насос, и наши «голубки» тушили пожары. Объявили воздушную тревогу, я взял снайперскую винтовку и встал рядом с землянкой. Смотрю, летит «юнкерс» со стороны Пулково в сопровождении истребителя. Я в оптический прицел наблюдаю, но сбить «юнкерс» из винтовки — это практически невозможно. И я заметил, что от него падает бомба и летит прямо на меня. Ну, скорость падения бомбы примерно 50 метров в секунду, а высота примерно 400 метров, значит, в моем распоряжении было 4 секунды. Я бросил винтовку и прямо ласточкой нырнул в землянку. Представляете, я никогда даже не предполагал, что земля может так качаться. И когда я потом, оглушенный, контуженный, вылез наружу, смотрю — одна из «голубок» наших заброшена на мастерскую, сверху колесами лежит. Счастливая случайность, что остался я живой.

Короткевич Нина

С первого дня войны театральный институт организовал агитбригаду. Я была зачислена в нее с танцевальным номером. Мы сразу стали выступать на мобилизационных пунктах, а потом нас направили в гатчинский гарнизон. Мы сели в машину, приехали туда уже в костюмах. Вдруг какой-то военный подлетает к нашей машине: «Куда вы приехали?! Зачем вас сюда привезли?! В пяти километрах немцы!» Мы поехали обратно. Слышали разрывы снарядов, невероятный шум. И вслед за нами самолеты немецкие летели, мы должны были с машины соскакать и прятаться в огороды. Самолеты пикировали на дорогу и делали так: «жжжжжжжжжж» и «ды-ды-ды-ды», из пулемета наверное. Три раза делали облет. Вот это было первое потрясение. Поначалу никто серьезно войну не воспринял. После этой поездки война воспринималась нами уже по-другому.

Пенкин Алексей

Конечно, не ожидали, что будет такая сильная, уничтожающая война. Народ, надо сказать, стойко переносил это, не падал духом.

Помню такой случай. Ехал я в трамвае в сторону порта, Ленинград в блокаде, кажется, еще не был. И слышу, на русском языке говорят: «Вот, что вы тут сопротивляетесь? Ленинград все равно погибнет. Сдавайтесь. Если придут немцы — они ваши освободители и всё». Ну, тут к ним подошли (видимо, сотрудники органов) и говорят: «Молодые люди, давайте выйдем». Ну, их взяли. Куда дели, я не знаю.

На стол руководства регулярно ложились спецсообщения НКВД о ситуации в городе и настроениях ленинградцев. Они не были похожи на бравые реляции советской пропаганды, зато отражали истинное положение дел.

Из спецсообщения НКВД: «За последнее время в Ленинграде возросли пораженческие настроения. Значительная часть лиц считает: войну с Германией Советский Союз проиграл, Ленинград и Москва будут сданы».

Часть населения полагала, что город можно спасти, лишь сдав его неприятелю. Эту идею даже пришлось обсуждать в советской прессе. 25 сентября 1941 года газета «Ленинградская правда» напечатала необычайно смелую статью «Старые знакомые». В статье — разговор двух подруг: «Стоит ли сопротивляться? Не лучше ли шапку снять и милости ждать. Отдать город и спастись». Подруги, конечно, решили не сдаваться. «Возьмем винтовки — будем драться на улице».

Вскоре в органы НКВД поступила информация — винтовки могут вернуться и против советской власти.

Из спецсообщения НКВД: «В конце октября начали поступать сигналы о готовящемся в Ленинграде военном перевороте. Рабочий завода "Красный треугольник" рассказал, что два командира Красной армии ему посоветовали: "Вы, рабочие, должны восстать против советской власти. Восстаньте без оружия, а мы, военные, вас поддержим"».

Силы НКВД в Ленинграде были невелики. Но штат негласных осведомителей непрерывно возрастал. Кроме того, самые обычные граждане считали своим долгом сообщать о подозрительных личностях и антисоветских проявлениях.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Москаленко Нина

Жители города были распределены по домам: кто зажигалки тушить, кто на крышу к зениткам, кто дежурить у ворот. Объявили, что высадился немецкий десант на Волково кладбище.

Люди начали смотреть друг за другом. Не ты ли шпион, не ты ли немец? Мы с мужем идем по Разъезжей. Смотрим — на площадке трамвая стоит мужчина и крутит пальцем у виска. Его схватили, потому что подозрительная личность.

Мой муж зашел в парикмахерскую, а я стою и думаю: а вдруг немцы вот с этого угла пойдут? Я заглядываю. А если с этого? Я туда поворачиваюсь. Тут меня хватают какие-то люди. И ведут. Но в это время муж выскакивает из парикмахерской, летит за мной и кричит: «Это моя жена, это моя жена!»

Муж как-то ночью шел без пропуска, так его больше суток продержали в милиции. Была обстановка очень напряженная.

Смирнова Ольга

Конечно, люди были очень подозрительны. Даже меня один раз задержали. Мне надо было для племянницы свидетельство о рождении получить, я в ЗАГС шла. На улице ребята играют, маленькие, 5–6 класс, может. Я говорю — ребята, а где ЗАГС здесь? — А, тетенька, пойдём, мы тебе покажем. И привели меня в милицию. Мы так потом смеялись.

Но что интересно, — все старались помочь городу и стране. Все, даже эти маленькие мальчишки. Задача нашего истребительного батальона была вылавливать диверсантов и шпионов. Мы и оборону несли, и, если надо было, поднимались ночью, и по болотам ходили, если там замечали парашютистов. Ну а я, медсестра, всегда с ними.

Шпионы — были. Была же Пятая колонна в городе, которая помогала фашистам. Ракеты пускали для самолетов, указывали, где что бомбить. Как-то вечером мы ехали мимо завода Воровского. Началась бомбежка. Вот с этого завода летели ракеты, а самолет бросал зажигательные бомбы.

Шу Мария

О сдаче города немцам разговоров не было. Только один раз, когда я навещала двоюродного брата, я услышала слова милиционера: «Надо готовиться, что немцы могут войти в город».

По городу распространялись разные слухи. Например, о диверсантах-сигнальщиках. Я сама слышала об этом и даже видела, как ракеты запускали в нашем районе.

Щупляков Эриксон

Начало войны застало меня в Ленинграде. Никакой паники не было. Это уже потом, когда Бадаевские склады разбомбили, — тогда поняли ужас войны. У кого были деньги, начали скупать продукты. В сентябре уже хлеб выдавали по карточкам. Начались бомбежки.

Были вредители, которые стреляли из ракетниц и указывали немцам, что бомбить. Я жил на Васильевском острове, около Дворца культуры Кирова. Там из-за котельной кто-то пустил ракету, мы, мальчишки, увидели и сразу побежали к взрослым. Говорят, его нашли и в милицию сдали.

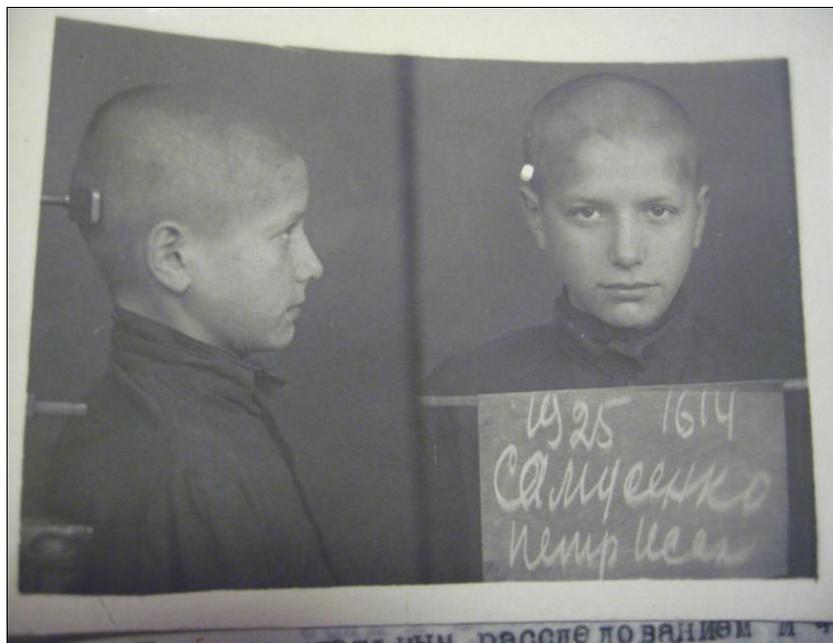

Щупляков Эриксон

Сигналы ракетами в Ленинграде видели не только простые горожане. Десятки наблюдательных пунктов документально фиксировали каждый случай. Из донесения 19 сентября 1941 года с наблюдательного пункта Исаакиевского собора: «Район порта и Балтийского завода — 5 белых ракет. Левее здания НКВД отмечена белая ракета». В этот день в разных частях города было замечено 14 вражеских сигналов.

Органы НКВД и милиция организовывали засады, проводили массовые облавы. Например, в ночь на 14 сентября в засадах участвовало около 10 тысяч человек. Однако сигнальщики-ракетчики остались неуловимы.

В архиве ФСБ сохранилось лишь одно следственное дело вражеского ракетчика. Им оказался 16-летний ученик ремесленного училища Петр Самусенко. Согласно материалам следствия, Петр Самусенко признался: он пускал ракеты по заданию немецкого офицера. Но кроме признательных показаний, в деле нет вещественных и каких-либо других доказательств виновности. Следователи даже не потрудились обстоятельно проверить показания мальчишки. Взяли его при попытке перейти линию фронта. Он хотел вырваться из голодного города и уйти к родителям в Белоруссию. Допрашивали Самусенко по ночам и подолгу. Показания его с каждым допросом разительно менялись. Возможно, следователи просто заставили подростка дать признательные показания. В 1941-м трибунал осудил его на 10 лет и дальнейшая

Осужденный как вражеский ракетчик 16-летний Петр Самусенко

его судьба неизвестна. В наше время после рассмотрения материалов дела, прокуратура пришла к заключению: Петр Самусенко подлежит реабилитации.

Версия о германских шпионах-ракетчиках не подтверждается и немецкими источниками. В архивах не найдено ни одного отчета германских спецслужб о заданиях агентуре подавать световые сигналы. Напротив, сигналы ракетами из осажденного города явились полным сюрпризом для немецкой разведки и летчиков, бомбивших Ленинград.

Из донесения немецкой разведки 16 октября 1942 года: «По ночам во время налетов немецкой авиации передаются световые и ракетные сигналы, которые в большинстве случаев не имеют никакой связи между собой и своей бессмысленностью отражают типично русский характер».

Судя по всему, этими бессмысленными сигнальщиками были люди, которые без всякого задания пытались помочь вражеской авиации. Которые с надеждой ждали прихода немцев.

В архиве ФСБ сохранилось следственное дело рабочего Константина Иванова. Он подавал сигналы немецким самолетам, но не ракетами, а с помощью фонаря. Показания свидетелей и следственный эксперимент полностью изобличают сигнальщика. Согласно заключению прокуратуры, реабилитации он не подлежит. Мотив преступления — не-

ненависть к советской власти. Иванов из раскулаченной семьи, был осужден за недосдачу продналога. И таких недовольных в Ленинграде было много. Даже лояльные к советской власти поддавались паническим, пораженческим настроениям. Этого эффекта и добивались немцы обстрелами и бомбежками. Постоянный террор должен был сломить волю к сопротивлению.

Немецкие аэродромы оказались слишком близко от Ленинграда. Посты ПВО не успевали вовремя предупредить о налетах. Но советская разведка нашла выход. В блокадном Ленинграде создали УКВ-приемники, работающие на частотах немецкой авиации. Организовали посты радионаблюдения. Для борьбы с немецкой авиацией использовали Исаакиевский собор. Офицер, знающий немецкий язык, поднялся на самый верх — на купол собора. Высота там — 100 метров. Во время авианалета он включал УКВ-приемник и отлично слышал переговоры немецких летчиков.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Басистов Юрий

С начала войны я служил в радиоразведывательном дивизионе Ленинградского фронта, в группе, которая занималась разработкой системы перехвата радиопереговоров немецкой авиации во время налетов на Ленинград. Долго выбирали место, откуда лучше всего вести перехват и остановились на Исаакиевском соборе. Там почти под самым куполом был установлен пост.

Я работал в самое холодное и тяжелое время для Ленинграда, с декабря 1941 года. Сидели во время бомбежки, каждый день с вечера и до ночи. Мы очень отчетливо слышали переговоры между экипажами немецких самолетов. У них были позывные, и я до сих пор помню: «Антон айнс. Антон цвай». Они говорили между собой о квадратах, где бомбили, об успешности операций, они даже интересовались друг у друга, с собой ли шоколад сегодня или нет. Видимо, немецкие летчики не подозревали, что их подслушивают. Эти данные нашим ПВО очень пригодились. Ведь немцы сильно бомбили город. Они стремились, прежде всего, поразить военные цели, где, как они полагали, находились штабные организации, поэтому бомбили Смольный. Во-вторых, выборочно бомбили жилые кварталы. Это были бомбежки чисто террористического плана для запугивания населения. Однажды на моих глазах бомба попала в пятиэтажный дом и пробила его сверху от крыши до подвала.

Саксин Иван

В Новом Петергофе размещался штаб и политотдел кронштадтского участка ПВО КБФ. Этому штабу была передана спецрадиорота. Нас встретил коман-

дир, полковник Поздняков. Он поздоровался со всеми за руку, что для нас было очень необычно, и сказал, что на автомобилях ГАЗ-АА находится специальная автоматическая аппаратура по обнаружению самолетов. Называется она «РУС» — радиоуловитель самолетов. И добавил: «Вам нужно в ближайшее время изучить ее в действии, мы будем направлять вас в различные районы, не занятые еще немцами, чтобы оттуда сообщать в штаб данные о самолетах». Вот мы и приступили. Несколько машин ушли в район Кингисеппа, в Волосово. А нашу — прикрепили к штабу. Штаб сначала помещался в 4 километрах от Нового Петергофа, во дворце Бельведер. Там же размещался штаб ВВС Балтийского флота. Но немцы скоро подошли к Петергофу. Весь личный состав был брошен на линию фронта. Большая часть погибла.

21 сентября мы ушли из Нового Петергофа в Ораниенбаум. В Ораниенбауме ночь переночевали в лесу и прибыли в Кронштадт в форт Шанс. Оттуда меня и еще одного бойца по фамилии Гильдин направили на новый формирующийся бронепоезд с аппаратурой, которая находилась у нас на машинах. Дали передатчик РБРФ и приемник УС на 15 диапазонов. УС — это значит унифицированный самолетный.

Бронепоезд строили рабочие Кронштадтского морского завода. А вооружали рабочие «Арсенала». Вооружение брали с погибших кораблей. В частности, при налете немецкой авиации 21–23 сентября на восточном рейде был потоплен эсминец «Стерегающий». А глубина небольшая была, и командование приняло решение демонтировать пушки и поставить их на бронепоезд. С этого же эсминца был демонтирован трехметровый дальномер — прибор управления зенитным огнем. Кроме того, на бронеплощадке поставили счетверенный пулемет М-4 и два пулемета ШКАС. Это авиационные скорострельные пулеметы. В бронепоезде были три товарных вагона, переоборудованных под жилье личного состава, специальный вагон под камбуз, вагон под санитарную часть и химическую часть.

В Кронштадте, на острове Котлин, была железная дорога от города до форта Константин. Вот по этой дороге и ходил бронепоезд.

Авербах Вениамин

Меня вызвали в горком комсомола. Пришел, мне говорят: «Вениамин Аркадьич, мы вас мобилизуем. В Ленинграде создается комсомольский полк противопожарной обороны города. Мы вас туда назначаем политруком роты. В Кировский район».

В Ленинграде были создано 16 рот. Наша базировалась у Нарвских ворот — Промышленная улица, 28. Находились мы на казарменном положении, бегать никуда не разрешалось, — мы в любое время суток должны быть готовы выйти на пожар.

Задача перед нами стояла простая — подготовить население к противопожарной обороне. Чтобы в домах были элементарные средства защиты: огнетушители, песок, шанцевый инструмент, ломы, лопаты. Рота в основном состояла

из молодежи 15–16 лет. Даже находили работу 14-летним. А командирами взводов управление назначало опытных пожарных, знающих все и способных обучить молодежь.

8 сентября на нас посыпались зажигательные бомбы. Пожары тушили, как могли. Их в тот день много было в городе, и кадровые пожарные части, конечно, едва справлялись.

Я скажу, что молодцы и девчонки, и мальчишки. Они шли на тушение огня совершенно спокойно, без всякого страха. Только наш полк принимал участие в тушении примерно 2 тысяч пожаров.

Михайлова Ольга

Я родилась в Ленинграде, в семье потомственных путиловских рабочих. Дедушка и мои дядя работали всю жизнь на Путиловском заводе, ныне Кировском. Я хорошо помню, как началась война. Был такой радостный, солнечный день. И вдруг мы слышим по радио сообщение. Сразу побежали на завод. Там было собрание, а потом люди записывались в Кировскую дивизию. Наш комсорг Яша Непомнящий сказал нам с подругами: «Оставайтесь! Здесь вы будете нужны больше. Надо кому-то работать и защищать наш завод». Так мы с подругами и остались. Когда начались бомбежки, я записалась дежурить на крыши домов — сбрасывать зажигалки.

Каждый день был обстрел, заставлял всегда по пути на работу или домой. Я пережидала его в канаве, что рядом с дорогой. Иногда по часу приходилось лежать. Немцы ведь близко подошли к Кировскому заводу и из орудий часто его обстреливали. Особенно приноровились, когда заканчивались смены рабочих. Страшно, я все время дрожала.

Наш завод танки ремонтировал, также делали бутылки с горючей смесью и снаряды. Крыша у нас в цехе обвалилась. Везде ветер. Станки работают, а люди с замерзающими руками стоят возле них. Очень холодно, и к нам в цех подвезли паровоз, который нас чуть-чуть обогревал. Вот так мы и работали. Я в шубе папиной, комсоставской, с финской войны. Потом я стала слесарем в цехе, где танки ремонтировались. Тяжело давалась работа, но все старались.

Самохвалова Татьяна

В медчасти я получила новые пакеты медикаментов и отправилась в свою часть. По дороге началась бомбежка, и я получила первое ранение. Меня отправили в госпиталь в Ленинград, на Обводный канал, 19. Там я пролежала с 17 сентября до 1 января 1942 года. Город сильно бомбили. Помню, как меня вынесли из операционной, а врач кричит: «Пожалуйста, быстрее в бомбоубежище!» Не успели меня до него донести, как бомба упала прямо в операционную. Погибли все врачи, а я осталась жива. Потом нас, раненых, перевезли в другой госпиталь — на Васильевский остров, в Дом культуры.

Москаленко Нина

Иду по Невскому, смотрю — напротив Казанского собора собралась толпа. Я тоже подошла. Люди шумят. Один голос слышу: «Зерно с грузовиков сыпается в Неву. Продукты грузятся на баржи. Отправляются в Кронштадт». Другой: «А что мы будем есть?» Но в это время над нами чернеет небо. Заполняется каким-то дымом. И все чернеет и чернеет. Люди гадают, что бы могло гореть? Я подумала — горит газовый завод на Обводном.

Я пошла на Лиговку. Вдруг, не доходя до угла Фонтанки и Невского, у Аничкова моста, раздался оглушительный гул. Вылетела стена целиком на Невский проспект. Если бы я раньше чуть-чуть прошла, то была бы под обломками. Я смотрю — висит ножка от пианино. Болтаются занавески. Если люди были, то они, конечно, остались там навсегда.

На следующий день я пошла в магазин. А там — пустые полки, абсолютно ничего нет. Я узнала, что горели Бадаевские склады. У меня кушать было нечего. Я пришла домой, посмотрела на буфет, начала искать что-нибудь съестное. Нашла старую селедочную голову, сварила ее и съела. Так начался год.

Даже в истории такой жестокой войны, как Вторая мировая, существовала практика объявления города открытым — противники негласно договаривались, что выдающиеся по культурному значению столицы передаются без сопротивления и разрушений. Открытыми городами объявлялись Париж и Рим. В Ленинграде были те, кто мечтал подобным способом спасти город и себя. Но такого выхода для Ленинграда не было. Гитлер не собирался сохранять ни город, ни его жителей.

Из речи Гитлера 16 сентября 1941 года: «Гнездо заразы — Петербург, из которого столь долго изливался яд в Балтийское море, должен исчезнуть с лица Земли».

Командующий группой армий «Север» фон Лееб не понимал, как выполнить приказ Гитлера. Ожидая капитуляции Ленинграда, он запрашивал командование, что делать с женщинами и детьми? Ответ был однозначен: «Тесно блокировать город и путем обстрела сравнять его с землей. Если будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты. В этой войне, которая ведется не на жизнь, а на смерть, нет заинтересованности в сохранении хотя бы части населения этого большого города».

Но о том, что немцы решили город не брать, в Ленинграде не знали. Город оборонялся изо всех сил, но тайно готовился к немецкой оккупации. Срочно вывозилось все самое ценное: музейные коллекции, военное оборудование, на самолетах эвакуировали ученых и деятелей искусств.

В действие был приведен секретный план «Д»: минировались важнейшие городские объекты и корабли Балтийского флота. В каждом районе собирались специальные тройки: представитель партийного руководства, сотрудник НКВД и офицер-сапер. Если город суждено сдать, то он должен быть в максимальной степени разрушен с тем, чтобы его потенциал не был использован противником.

Из мандата ГКО № 670: «Совершенно секретно. Товарищу Меркулову поручается тщательно проверить дело подготовки взрыва и уничтожения предприятий, важных сооружений и мостов в Ленинграде на случай вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района».

ВОСПОМИНАНИЯ:

Макеев Петр

5 сентября я прибыл в Ленинград. К этому времени была организована военно-морская база, а ее командиром назначен адмирал, начальник штаба флота Пантелеев. Мы размещались в Адмиралтействе. Обстановка — очень напряженная, шли слухи о скорой сдаче города. К сдаче готовились и в Смольном, наш адмирал Исаков присутствовал на заседании, где об этом говорили Жданов, Кузнецов и Ворошилов.

6 или 7 сентября меня вызвал командир базы Пантелеев, вручил секретное письмо и приказал поехать на Ржевку, к командиру научно-исследовательского артиллерийского полигона. Приехал. Полковник письмо распечатал, читает: «Подготовить все оборудование научно-исследовательского полигона к взрыву. Никаких телефонных звонков ни от кого не принимать, действовать только тогда, когда прибудет офицер с указанием о взрыве». Он прочитал, посмотрел на меня и говорит: «Ну, дорогой мой, лучше бы ты ко мне не приезжал».

Мой приятель, однокашник Николай Николаевич Ротиев, капитан 3-го ранга, был послан с таким же письмом и с боезарядом на крейсер «Петропавловск», который стоял в порту в угольной гавани.

Было выделено по 20 глубинных бомб для взрывов наших мостов через Неву, создан штаб внутренней обороны города, копали окопы, устраивали огневые точки на вторых этажах, шла подготовка к сдаче.

Если бы немцы заняли Ленинград, им бы достался город, малопригодный для жилья, с разрушенной промышленностью. На случай прихода гитлеровцев создавалось подполье. Его задача: «народное мщение немецким оккупантам в тылу врага». Тыл врага — город Ленинград. Были отобраны надежные, преданные советскому строю люди и ускоренно обучены диверсионной работе. В подполье состояло 260 человек. Чтобы избежать массового провала, организация была разбита на мелкие группы.

12 сентября на самолете в Ленинград прибыл генерал армии Жуков. На аэродроме его никто не встретил. В Смольном караульные заставили ждать. Сталин был настолько раздражен руководством города, что не предупредил о смене командующего Ленинградским фронтом. Ворошилов проводил в Смольном очередное совещание, когда в кабинет внезапно вошел Жуков. К вечеру он взял руководство Ленинградским фронтом на себя.

Штаб фронта располагался в парке Лесотехнической академии. Целая система блиндажей, надземных, подземных сооружений. Рассказывают, когда в 1941-м Жуков впервые прибыл сюда, его удивило количество охраны. «Мне охрана не нужна, — сказал он — всех на фронт».

Некоторые историки писали, что Жуков первым делом отменил минирование города и флота. Мол, город нужно защищать, а не взрывать. Но это всего лишь легенда. Ленинградские рабочие трудились на заминированных заводах до 1944 года.

20 сентября начальник особого отдела Балтийского флота докладывал Жукову: «Подготовка спецоперации проходит неорганизованно, офицеры флота относятся к ней отрицательно. Моряки говорят, что Ленинград готовят к сдаче». Особист перечислил имена. Жуков написал на донесении: «Срочно расследовать, арестовать провокаторов. Доложите, почему такая ответственная работа проходит преступно плохо».

Жуков начал свое командование в Ленинграде с введения заградотрядов и драконовских приказов. Приказ Жукова войскам Ленинградского фронта от 17 сентября 1941 года: «Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово — Колпино, Военный совет Ленинградского фронта приказывает: объявить всему командному, политическому и рядовому составу, что за оставление без письменного приказа указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу».

Из приказа Жукова войскам Ленинградского фронта: «За трусость и дезертирство с поля боя расстрелять перед строем: помощника командира 1-го полка 1-й дивизии народного ополчения, который прибыл в Ленинград с группой военнослужащих в 34 человека, как вышедшей из окружения, и распустил всю группу по домам».

В те дни, когда город был наполнен дезертирами, деморализованными солдатами и офицерами, вышедшими из окружения, такая жестокость, возможно, была необходима для наведения элементарного порядка. Она придавала стойкость обороне, но не могла помочь наступательным операциям.

Один из главных резервов Жукова — Балтийский флот. Из моряков, курсантов и частей НКВД сформировали 6 стрелковых бригад. Корабельные орудия создали артиллерийскую завесу перед наступающим противником. Зенитки вывели на прямую наводку. Германские войска теперь встречал ураган огня.

Крупнокалиберные орудия форта Красная Горка на южном берегу Финского залива близ поселка Лебяжье позволили советским войскам сохранить в своих руках огромный плацдарм площадью 1000 квадратных километров, так называемый Ораниенбаумский пяточок. Он постоянно приковывал 3—4 немецкие дивизии, но все попытки его уничтожить были тщетными. И 27 сентября немцы перешли на этом участке к позиционной обороне.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Широкогоров Иван

С августа 1941 года нас причислили к 5-й бригаде морской пехоты¹⁴ — это Приморская оперативная группа, обороняющая Ораниенбаумский пятячок. Вначале я был связистом, а потом заместителем политрука роты автоматчиков. Вооружение было хорошее. Нам выдали автоматы Шпагина, ППШ так называемые. Немцы не смогли взять Ораниенбаумский плацдарм. Боевой дух моряков, преданность Родине и наш настрой не позволили им победить. Да и отступать нам было некуда — с трех сторон немцы, четвертая сторона — залив.

Макеев Петр

Жуков приказал командующему Балтийским флотом перебазировать из Кронштадта в Ленинград боевые корабли. Пришли «Киров», «Максим Горький», «Петропавловск»¹⁵, миноносцы, подлодки. Я вместе с гидрографами делал координатные привязки кораблей для стрельбы по невидимой цели, по берегу. Для этого корректировочные посты поставили ближе к линии фронта.

Мой друг, Николай Ротин, был назначен командиром первого корректировочного поста. Он находился на судостроительном заводе имени Жданова. Я к нему потом ходил, проверял этот пост. На высоте 70 метров над эллингом соорудили наблюдательный пункт, закрытый фанерными щитами от ветра. Телефонную связь туда провели, оборудовали дальномером и стереотрубой. Второй ориентировочный пост был установлен на дворце Советов (на Московском проспекте). Морская артиллерия сыграла важную роль, она сорвала сентябрьские наступления немцев. Благодаря, конечно, гениальному руководству командующего Ленинградским фронтом Жукова.

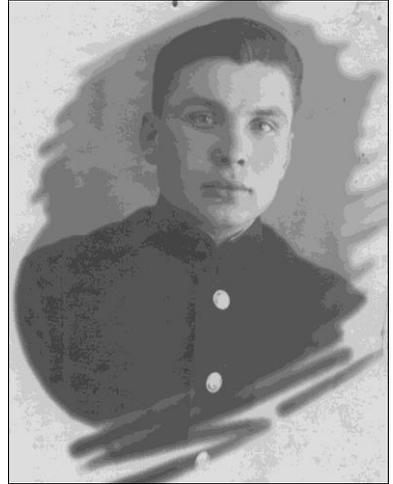
Казаев Петр

От Петергофа до Ольгино и Лисьего Носа были установлены большие деревянные баржи. Раньше по внутренним рекам на них перевозили арбузы, дыни, картошку, дрова, уголь. В войну их мобилизовали, установили зенитные батареи и аэростаты воздушного ограждения. Ночью аэростат поднимался вверх на мощном стальном тросе. Немецкие бомбардировщики крылом или хвостом задевали за этот трос и разбивались.

Пришел я на моем «морском охотнике» с сопровождения очередного конвоя, пошел докладывать оперативникам, говорят: «Моторы не глуши, иди на охрану морского канала и плавучих батарей». Ну, полный вперед, прошли до морского канала. Я зашел сначала в ограждение канала, смотрю, осколки полетели по верхней палубе, что такое — не пойму. Там домик был, увидел человека, подошел, спрашиваю. Он говорит, что немец уже в Стрельне, у Петергофа. И на южной дамбе у него замаскирована батарея. Не успел переговорить

с ним, а плавучая батарея, ближайшая к Петергофу, загорелась. Боезапас, патроны начали рваться. Стали эвакуироваться они в шлюпку, и в шлюпку на моих глазах попал снаряд. Море крови. Ну, закрыл я дымзавесой с «морского охотника», убитых, раненых, живых, — всех подобрал. Скорые помощи стояли у моста лейтенанта Шмидта. Туда привез убитых-раненых, а врач скорой помощи раненых берет, убитых — нет, как я ему ни объяснял, что идет бой и мне надо туда. Довел меня до белого каления. Вынимаю пистолет и говорю: «Если не возьмешь убитых — ляжешь рядом с ними». Забрал. А я обратно. Опять дымзавесой батареи закрывал, и так до ночи.

Дали мне задание идти к мысу между Капорской и Лужской губой, а это высокогорный мыс. Наверху немцами были устроены дальнобойные крупнокалиберные батареи. Нужно было вызвать огонь на себя — засечь эти батареи, чтобы авиация их разбомбила. Я пришел туда, маневрировал, но немцы огонь не открывали — катеришко им как цель был неинтересен. Я подошел ближе к берегу, открыл огонь веером по предположительному местонахождению этих батарей. Как говорится, раздражил. Дал немец первый залп — недолет. Я поймал пеленг, забежал в рубку записать показания. Следующий залп меня накрыл. Три осколка меня задел. Тогда были не шариковые авторучки, а чернильные, с баллончиком внутри. Вот осколок эту ручку разбил и на пальце шрам остался, для памяти. Второй осколок в височную кость врезался, но глаз оказался цел. Третий осколок — в ногу.

Казаяев Петр

Во время боя ничего не чувствуешь. И ранений тоже. А уже после боя возвращался в Кронштадт, чувствую: правой ногой тепло. Сапог снял, а там полсапога крови. Вот так моя служба на «морских охотниках» и закончилась.

Морозов Михаил

Немец в Петергофе, в Стрельне, в Урицке. А Урицк — 7 километров от границы Питера. И шесть танков немецких пришли на территорию Кировского завода. А девушки наши, кондукторши, немецких офицеров возили из Урицка до Стрельны на трамваях. У нас на передовой не хватало бойцов. Питер находился на тоненьком волоске от гибели. Я Питером называю его по привычке. Когда еще мы служили на «Марате», у нас все матросы Ленинград Питером называли.

Специально для «Марата» земснарядом выкопали углубление в морском канале. И нас поставили туда. Наша задача была по просьбе фронта открывать огонь там, где крупное скопление немцев.

Орудия «Марата» били на расстояние от 45 до 48 километров. Стреляли по Пулковку, в Пушкин доставали. С самых первых дней войны у нас на передовую были отправлены бойцы для корректировки огня, чтобы знать, попадаем ли по цели.

В сентябре город минировали на случай сдачи. Все мосты, заводы, крупные предприятия были заминированы. На всех точках стояли подрывники. У нас на «Марате» два погреба — полностью заминированы, загружены торпедными головками. А что значит взрыв торпеды, сами представляете. На случай сдачи города мы были проинструктированы, как действовать, чтобы врагу ничего не досталось.

На Неве много кораблей стояло. Они обороняли дальние подступы к Питеру. А в районе Финского залива обороняли крупные корабли, которые не могли войти в Неву. И вся эта огневая мощь ударила по немцам.

В 10 часов вечера 15 сентября немец бросает листовки над Питером: «Ленинград раздолбаю, «Марат» в землю закопаю». О, для нас — это очень страшное предупреждение. Нам деться некуда. Как поставили «Марат» в ковш-канаву, у нас немец половину артиллерии зенитной вывел из строя. Некому защищать нас.

На южном направлении Ленинград прикрывали орудия Кронштадтских фортов, линкоров «Марат» и «Октябрьская революция». На уничтожение их были брошены все силы немецкой авиации. 21 сентября на аэродром Тирково, южнее Луги, прибыл груз 1000-килограммовых бомб со специальным детонатором замедленного действия. В воздух поднялось звено пикирующих бомбардировщиков Ю-87 «Штука». Один из «юнкерсов» пилотировал знаменитый немецкий ас Ганс Рудель. Небо над Финским заливом насквозь простреливалось зенитками. Позже Рудель вспоминал: «Оборона была просто убийственной, нигде потом в ходе войны я не видел ничего подобного».

Но самолет Руделя неожиданно вынырнул из облаков и с высоты 300 метров произвел прицельное бомбометание. Бомба пробила палубу линкора «Марат» и достигла боезапаса. От страшного взрыва корабль раскололся надвое. Облако дыма поднялось на несколько сотен метров. Погибло 600 человек. Лишившийся носовой части линкор «Марат» позже переоборудовали в береговую батарею, и его орудия продолжали бить по немцам.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Морозов Михаил

21 сентября корабль стрелял по немцам. Вдруг — взрыв и резко крен на правый борт. И мертвая тишина. Мы, машинисты и кочегары, больше всего боимся пробоины паропровода — всех заживо сварит сразу. Звоню по телефону, молчок. В правый холодильник звоню, тоже никто не отвечает. Я юнгу посылаю наверх. Он обратно бежит, кричит: «Нос оторвало!» Я говорю: «Не может быть. Иди, еще посмотри!»

Обратно бежит, кричит: «Личному составу срочно покинуть «Марат»». Ой, думаю, это серьезно. Ребятам крикнул: «Срочно наверх!» Все ушли, а я с фонариком подхожу к трапу. Поднялся на правый борт. Один люк открыт и видно на той стороне корабля свет. Пошел к четвертой башне. Там попросили помочь развернуть башню. Развернули ручным приводом, по нолям поставили, поднялся наверх. Зенитчики просят помочь снаряды поднести. Натаскал им быстро снарядов. Смотрю: бачок с макаронами стоит у них. Я говорю: «Ребята, а где вы макароны брали?» — «На камбузе». Я беру миску, ложку, иду на камбуз. Прихожу — а за камбузной переборкой нет ничего. Три орудия 12-дюймовых лежат, полубак прикрыли. Крышки башен нет. А крышка как-никак 47 тонн весом. Ее унесло куда-то. И стакан башни разворочен. Развалился на части. Когда стал переступать на камбузную палубу, смотрю: человек лежит. Что поразило меня — совершенно голый, ничего на нем нет. Воздухом его раздавило. Зачерпнул миской макароны из котла, съел и пошел на выход. Небо все в огне, взрывы, самолеты летают чуть ли не над головой. Бросают бомбы по берегу, по кораблям.

Дальше началось восстановление корабля. Быстро при помощи морского завода носовую часть обрезали, переборку загерметизировали, вторую башню ввели в строй. Первую башню разрушили, ее уже возродить нельзя было. Корабль стал жить новой жизнью.

Казаев Петр

Во время этого налета 270 самолетов на Кронштадт напало. Можно сказать, что он был самым мощным и трагическим. Я стоял на Кроншлоте в готовности номер один, с заведенным мотором, для оказания первой помощи пострадавшим кораблям. На большом рейде стоял «Минск». (Он уже был от авиации поврежден.) Подошел к нему, снял убитых и раненых. У командира спрашиваю, как обстановка, сколько продержишься. Он, не знаю, говорит, сколько продержусь.

Когда я уходил из Кроншлота, мне помощник сказал, что на «Марате» фок-мачты не видно. Захожу в гавань, действительно, — у «Марата» фок-мачты нет, первой башни нет, море крови. Тут и люди плавают, и кровь плавает. Я забрал раненых и убитых, и тут же мне команда — на восточный рейд. Там стоял эсминец «Стерегающий», тоже подбит. Забираю раненых и у него, спра-

шиваю у командира, как дела. Отвечает: «Не знаю, сколько продержусь, давай быстрее буксиры». Не успел я метров пятьдесят отойти от него, он на моих глазах на левый борт лег. Полпалубы наверху оказалось. Я подошел опять, снял личный состав, сколько мог. И повез людей на Арсенальную пристань. Это первый налет у меня был. Бой изумительный. И красивый, и трагичный. Артиллерия наша зенитная, все корабли, все береговые пушки открыли огонь. Небо сплошь в разрывах, осколки в воду падали. На поверхности воды — как будто бы крупный град идет. Вся поверхность в этих всплесках от осколков.

Бомбежка «Марата» послужила взлету карьеры летчика Ганса Руделя. Воюя на Восточном фронте, он будет признан лучшим пилотом люфтваффе, станет другом Гитлера и получит высшую награду Третьего рейха — Рыцарский крест с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. В апреле 1945 года, в госпитале, Руделя посетит министр пропаганды Геббельс, который скажет, что знает, как спасти осажденный Берлин. Секрет прост: надо сражаться, как ленинградцы.

Из воспоминаний Руделя: «Геббельс сравнивает Берлин с Ленинградом. Он указывает на то, что этот город не пал, потому что все его жители превратили в крепость каждый дом. И то, что смогли сделать жители Ленинграда, смогут сделать и берлинцы».

Мы сегодня знаем, что не смогли.

Глава 3

Несомкнутое кольцо

К середине сентября 1941 года самыми опасными направлениями командование Ленинградского фронта считало Лигово и Пулковские высоты. Жуков полагал: именно здесь ключ к Ленинграду. Пулковские высоты — последняя возвышенность перед городом. Отсюда он, как на ладони, его можно расстреливать в упор. Дальше только капустные поля и Международный проспект, ныне Московский. Высоты защищали 5-я и 6-я дивизии народного ополчения. От артобстрелов и бомбежек окопы и землянки ровнялись с землей, Пулковская обсерватория превратилась в руины. Но ополченцы держались. И здесь же, на Пулковских высотах история Ленинградского ополчения закончилась. 23 сентября 1941 года был последний крупный штурм высот. Ополченцы его отбили, в очередной раз доказав свою боеспособность. И в этот же день дивизии народного ополчения реорганизовали в регулярные части Красной армии.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Дадаев Александр

Я сначала воевал под Ропшей, потом отходил к Стрельне. Нашу роту присоединили к артиллерийскому полку, мы вместе обороняли позиции. Снарядов было мало, их приберегали для стрельбы прямой наводкой. Когда снаряды закончились, мы вынуждены были снять замки с орудий (каждый весил 29 килограммов) и утопить эти замки в реке, чтобы немцы не смогли воспользоваться нашими орудиями.

Мы дошли до Петергофского шоссе. По нему от Ораниенбаума в сторону Ленинграда шли и военные, и гражданские. Немцам не удалось захватить Ораниенбаум. Они захватили Петергоф и остановились в двух километрах от Кировского завода. Сами немцы понимали, что войти в город трудно, сил не хва-

тит. Под Пулковом их остановили армия народного ополчения и регулярные артиллерийские батальоны. Много моих товарищей по университету полегло в этих батальонах.

Пчелов Борис

После выхода из окружения под Лугой мы участвовали в боях на ближних подступах к Ленинграду, защищали Пулково, Колпино, Ивановское, Отрадное, Усть-Ижору, Усть-Тосно. На этих рубежах мы вели ожесточенные бои, а немцы рвались к городу.

Когда Жуков приехал, он фашистов остановил. Он принял следующие меры: многих командиров частей и соединений заменил, послал на фронт моряков Балтийского флота, которые после Таллинского знаменитого перехода стояли здесь, зажатые в заливе, и по сути дела активно не действовали, издал приказ «Ни шагу назад». Я цитирую почти дословно слова Жукова: «За самовольное оставление рубежа Пулковские высоты — Шушары — Колпино — Московская Славянка — Корчмино — Усть-Тосно — Усть-Ижора все лица подлежат расстрелу». И вы знаете, это подействовало.

Наша дивизия остановила фашистов на Пулковских высотах. Там много захоронено наших солдат и офицеров. Шушары, Пушкин, Павловск были уже сда ны, Гатчина сдана. Немец подходил к Ижорскому заводу. Обстреливали немцы, конечно, завод из дальнобойных орудий, но взять ни завод, ни Колпино не смогли. Большую роль сыграл отдельный стрелковый Ижорский батальон.

Муштаков Порфирий

На Лужском рубеже меня ранили. Лечился я в больнице Мечникова, но не долго. Поправился немного и отправился обратно. Воевал я в 3-й дивизии народного ополчения¹⁶. Командир дивизии — полковник Котельников, начальник артиллерии — полковник Михаил Александрович Никольский, после войны он стал начальником штаба ракетных войск стратегического назначения. Народное ополчение было организовано неплохо — сформированы роты, батальоны, полки. Среди ополченцев сражались инженеры, техники, рабочие, служащие и ученые. Был такой Четыркин, кандидат технических наук, и он уже имел орден, еще до войны. Хорошо воевал, но погиб под Тихвином, ему челюсть оторвало, умер мгновенно. Другой был — Феридков, тоже кандидат технических наук, из ЛЭТИ. Он погиб у меня на глазах под Киришами, его накрыло взрывом. Хорошие были ребята...

Наша дивизия вышла на рубеж Петергоф — Красное Село. Уже 8 сентября мы сражались вместе с 5-й дивизией народного ополчения¹⁷ на этом рубеже. И в результате немецкий танковый клин не прошел на Кировский завод. Это было на линии Лигово — Урицк. Ворошилов тогда о нашей дивизии говорил (в документах Генерального штаба зафиксировано), что подразделения 3-й гвардейской дивизии народного ополчения сражались героически.

В эти тяжелые дни, 8 и 9 сентября 1941 года наша дивизия подбила 27 танков. Если бы не были уничтожены эти танки, то немцы подошли бы к Кировскому заводу. А ведь это важнейший стратегический объект.

Смирнов Юрий

В середине декабря 1941-го меня направили в 168-ю дивизию, в 402-й стрелковый полк. Полк находился на отдыхе в деревне Манушкино, на правой стороне Невы, напротив Невского пятачка. Части пополняли, хотели направить на Невский пятачок уже боеспособную дивизию. Но 27 декабря поступил приказ командования Ленинградским фронтом дивизию перебросить на Ораниенбаумский плацдарм. Там дивизия находилась до 1944 года, до момента полного снятия блокады.

Смирнов Юрий

Я не могу сказать обо всем народном ополчении, но точно знаю, что в Гатчинском укрепрайоне действительно немцев задержали 2-я и 3-я гвардейские дивизии народного ополчения и отдельный артиллерийско-пулеметный батальон.

Жуков — это величина, он приехал к нам и войска ленинградского фронта остановили немца, не дали ворваться ему в город. Ведь 8 сентября, когда замкнулось кольцо, немецкие войска пытались штурмом овладеть Ленинградом, Жуков же здесь был и принял ряд решительных мер. Ленинград отстояли. Мы считаем, что это заслуга Жукова.

Краснопеев Иннокентий

Вот сколько лет прошло после войны, а я твердо уверен, что Ленинград отстояли народные ополченцы. Это удивительно, как стойко сражались бывшие студенты, профессура, интеллигенция, рабочие. Ведь под Лугой впервые за время войны немцы были вынуждены перейти к обороне. Эти малообученные войска заставили немцев обороняться и смогли остановить их. Вот многие говорят, что Жуков отстоял Ленинград. Я так не считаю. Правда в том, что народ отстоял город.

О полководческих дарованиях самого знаменитого военачальника Великой Отечественной войны существуют два противоположных мнения. Одни считают его военным гением, человеком, победившим Гитлера. Другие, а среди них такие разные люди, как Иосиф Сталин, Никита Хрущев и Виктор Суворов (Резун), полагали, что слава Жукова чрезмерно раздута. Его стратегические таланты сомнительны, воевал не умением, а числом. Выдающейся у него была разве что жестокость. Также противоречиво оценивается и деятельность Георгия Константиновича в сентябре-октябре 1941 года, когда он руководил обороной Ленинграда.

Совершенно очевидно — Жукову не удалось выполнить прямого указания Сталина. Генеральный секретарь требовал прорвать блокаду города, чтобы установить связь Ленинграда с Большой землей или хотя бы вывести, спасти армию.

«Мы требуем от вас решительных и быстрых действий. Сосредоточьте дивизий 8–10 и прорвитесь на восток. Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан, и на случай сдачи Ленинграда».

Сталин не зря приказывал срочно прорываться на восток. В сентябре самое слабое место немцев — Шлиссельбургско-Синявинский выступ: здесь их полоса обороны не превышала в ширину 20 километров. Ее удерживали только две немецких дивизии, они еще не успели

зарыться в землю, построить долговременные укрепления. Именно здесь Ставка решила нанести удар по войскам вермахта. Со стороны Ленинграда прорыв должны были осуществлять войска под командованием Жукова. Со стороны Волхова — войска отдельной 54-й армии под командованием маршала Григория Кулика. Еще 2 сентября Ставка отдала приказ о формировании 54-й армии, которая должна была расположиться в районе Новой Ладogi, Тихвина и Волхова.

ДОСЬЕ:

Кулик Григорий Иванович. В царской армии служил унтер-офицером, у красных командовал артиллерией под Царицыно. В 20-е годы Кулик воевал в Первой конной армии, главной сталинской кузнице кадров - отсюда вышло четыре маршала из пяти: Буденный, Ворошилов, Тимошенко и сам Кулик. В 30-е годы Кулик сделал блестящую карьеру: воевал в Испании, на Халхин-Голе, артиллерия под его командованием прорывала линию Маннергейма. Именно после финской кампании Кулик стал Героем Советского Союза и маршалом.

То, что маршалу дали всего лишь армию, а не фронт или направление, не было случайностью. В 1940 году жена Кулика была заподозрена в шпионаже. Маршала решили не огорчать: его супругу тайно похитили и расстреляли, самому же военачальнику объявили, что она пропала без вести. Начало Великой Отечественной Кулик встретил на западном фронте в Белоруссии, попал в окружение, месяц плутал по лесам и в итоге сумел выйти к своим. Теперь на нем было два пятна — жена-изменница и пребывание во вражеском тылу. Командование 54-й армией — шанс спасти карьеру.

По южному берегу Ладожского озера проходила тогда единственная дорога, по которой с петровского времени Петербург связывался со страной — бывший Путиловский тракт. Именно по нему 10 сентября 54-я отдельная армия начала наступление. Однако мощного концентрированного удара в этом направлении Кулик нанести не мог, при всем своем желании. Значительная часть его армии, в соответствии

с распоряжением Ставки, должна была вести наступление на юг, по линии Гайтолово — Мга, сквозь непроходимые Синявинские болота. Две группировки наступали практически под прямым углом по отношению друг к другу. Кроме того, войска бросались в бой неподготовленными, сразу по прибытии, с воинских эшелонов. Поддержки авиации практически не было. По воспоминаниям ветеранов, советские танки уничтожались с воздуха, даже не успев дойти до передовой. Эффективно воевать удавалось только ночью. В результате, наступление захлебнулось в крови. За 4 дня боев 54-я армия потеряла 10 тысяч человек.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Мохов Ростислав

До войны я был студентом Политехнического, с начала войны ушел в армию. Меня отправили в отряд противохимической защиты, но химоружие не применялось, и нас должны были переформировать, но тут начался сыпной тиф. Все опасались эпидемии. Слово «тиф» нельзя было произносить — можно было угодить под трибунал, надо было его называть — форма № 3. Но с тифом мне не удалось побороться, потому что меня определили на легкий танк Т-60. Это вообще не танк, а недоразумение. Он сделан на скорую руку, броня тонкая, двигатель по мощности слабый, заводить его очень сложно. Мы этот танк прозвали — «жужу», «на страх врагу и на смерть экипажу». Я был механиком-водителем на нем. Мы стояли на Волхове, неожиданно нас подняли по тревоге и перебросили в район Мги. Тут начиналось наступление. У нас было мало танков: всего четыре КВ и 12–15 Т-34. Нам поставили задачу прорваться около деревни Гайтолово и выйти к Неве, а там со стороны Невы к нам должны были присоединиться войска Ленинградского фронта. Операция началась очень успешно. Прошли, наверное, километров 5–6 в глубину. Была чудесная погода — солнце, тепло. И вот примерно на пятый или шестой день появились немецкие самолеты «юнкерсы», и началась бомбежка. Наступление прекратилось, мы оказались отрезаны от своих.

Как-то утром был налет «юнкерсов». Мы их называли «музыкантами», потому что они, пикируя, включали сирены, и было очень жутко. Мы залегли под своим танком и вдруг я вижу: открывается люк Т-34, из него вылезает наш командир, вытаскивает пулемет и устанавливает его. И когда «юнкерсы» пошли на второй заход, он в упор расстрелял один из них, и тут он упал недалеко от нас и взорвался. Вот так: одни боятся, а другие дело делают.

Маршал Кулик понял, что здесь, в Синявинских болотах, ему пригодится опыт финской войны. Он взял оперативную паузу, чтобы подтянуть артиллерию, массировать пехоту, обеспечить авиационную поддержку, отработать взаимодействие родов войск. Но 15 сентября в

штаб 54-й армии позвонил генерал Жуков и потребовал наступать немедленно, без всякой подготовки. Генерал поучал маршала: «Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии, и вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом. Думаю, на вашем месте Суворов поступил бы иначе». В тот же день Жуков доложил Сталину о преступной нерешительности Кулика.

Кулик снова бросил войска в атаку. Он еще мог рассчитывать на успех, если наступление было бы поддержано со стороны Ленинградского фронта. Однако Жуков не спешил навстречу Кулику. Войска Ленинградского фронта наступали. Но, парадоксальным образом, не на восток, в сторону Большой земли, а на запад.

15 сентября 1941 года Жуков нанес контрудар от Петергофа в сторону Красного Села силами обескровленной 8-й армии. Предпринятые атаки были отражены немцами. Более того, противник, воспользовавшись тем, что наши войска были ослаблены, сам нанес удар и 21 сентября захватил Стрельну, а затем Знаменку и 23 сентября — Новый Петергоф. Немецкие войска вышли к Финскому заливу.

Конец сентября — начало октября 1941 года — время знаменитых Жуковских десантов. Самые неудачные и кровопролитные военные операции во время Великой Отечественной — десантные. Примеров тому множество, и не только на Ленинградском фронте. В Ленинграде же сама идея взаимодействия сухопутных сил и Балтийского флота казалась необычайно эффективной и прогрессивной. Однако, не обеспеченные артиллерийской и авиационной поддержкой, плохо скоординированные с флотом — десанты были обречены на уничтожение.

3 октября в Нижнем парке Стрельны высадились 225 моряков, вооруженных только стрелковым оружием. Их задача была — закрепиться на берегу, оседать Петергофское шоссе и дожидаться танков, которые прорывались им навстречу со стороны Урицка. Однако немцы отсекали десантников от моря и уничтожили их артиллерией еще до подхода танков. Разгрому подверглись и танкисты, прорвавшиеся к Стрельне, когда бои там уже закончились. 25 танков КВ были уничтожены.

5 октября 1941 года 498 моряков и учеников ремесленного училища были сброшены у причала Новый Петергоф. Роты были вооружены стрелковым оружием с тремя боекомплектами, саперными лопатками. На весь отряд — 6 пулеметов. Они должны были отвлечь силы немцев от встречного наступления 8-й и 42-й армий. Но в тот же день десант был окружен и уничтожен. Почти никто из тех, кто высадился на южный берег Финского залива, не выжил.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Казаев Петр

5 октября 1941 года пришлось высаживать боевой десант, знаменитый петергофский десант. В моем распоряжении, кроме «морского охотника», было еще 25 малых катеров. Перед батальоном десантников стояла задача соединить ленинградскую группу войск с ораниенбаумской группой. Численность десанта — 518 человек. Высадка прошла отлично. Мы не потеряли ни одного краснофлотца, ни одного катера. Тогда не матросы были, а краснофлотцы. Пока они шли примерно до Самсона, случались только отдельные перестрелки с немецкими патрулями. Основной бой начался в районе знаменитого фонтана.

По плану операции, всеми кораблями и катерами командовал Святов, капитан 2-го ранга, будущий адмирал. После высадки штаб десантного батальона переходил в подчинение сухопутному начальству. Может быть, поэтому, может быть, по другой причине (до сих пор это загадка), но полковник Ворожилов, командир десантного батальона, не подал Святову никаких сигналов. Корабли должны были огнем поддержать десант, они находились в готовности номер один, на «товсь» (это значит, что боезапас подан к орудию). Ждали на всех фортах, даже с Красной Горки железнодорожная батарея приехала в Ломоносов. По плану, после сигнала Ворожилова, войска со стороны Ленинграда и со стороны Ораниенбаума должны были перейти в наступление. Весь петергофский клин был разбит на квадраты, и каждый, даже «морской охотник» имел свой квадрат для атаки. Но никаких сигналов от командира десантного батальона не было. У Ворожилова был начальник штаба, у того — операторы, у него был комиссар, была целая группа связистов. Отдельно штабная шлюпка была со средствами связи и со штабом. И никакого сигнала никто не получил. Был ли это, как сейчас принято называть, диверсионный акт или предательство? Я не знаю.

Мы ушли перед самым рассветом. На следующую ночь инсценировали высадку второго десанта. Хотели узнать настоящую обстановку. Высадили одну группу, и то ее вернули быстро. Потому что за этот день немцы подтянули артиллерию, прожекторы, пулеметы, минометы. На следующий день высадить даже разведгруппу не удалось.

Такой же трагической была участь десантов, которые Жуков отправил на левый берег Невы, в район Шлиссельбурга. Перед ними стояла задача — двигаться навстречу армии Кулика. Десанты грузились на баржи у мыса Осиновец, они должны были преодолеть несколько десятков километров по мелководной Шлиссельбургской губе, высадиться не на твердой земле, а на острове между Староладожским каналом и городом Шлиссельбургом, преодолеть канал, и только после этого они оказывались у цели. Но десантам не была обеспечена поддержка авиацией. Все они немедленно обнаруживались немцами и расстреливались немецкими самолетами еще в воде, на подходах к берегу.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Бавин Николай

25 сентября 1941 года нас собрали в Осиновце, перед нами выступил начальник училища, затем командующий. Сказали: «Ребята, вы должны выполнить приказ». Потом посадили на корабли: катера, «морские охотники» и лодки, — и мы вышли из порта. Это было днем. К 12 часам подошли к Шлиссельбургу. Здесь сделали дымовую завесу, но это нам не помогло. Затем пересели на шлюпки. Перед тем как высадиться, мы почти полтора километра по воде шли, потому что валуны мешали. Когда высаживались, все было видно, — день же, но перед нами стояла задача — отвлечь противника на себя. Налетели самолеты, их было 36, но они нас не бомбили, они бомбили корабли, а нас начали расстреливать с истребителей. Нас видно издалека, идем в воде, в бушлатах, с лентами, спрятаться некуда. Идут впереди человек пять, истребитель как даст трассирующими, — сразу два человека упали. Я говорю: «Ребята, расходись дальше, расходись друг от друга дальше!» Так и шли. Самолеты пролетали низко, но мы ничего не могли сделать. В них стрелять бесполезно. Коротче говоря, — жуть. Мне было обидно, думал: если погибну, родители даже не узнают, где. Нас погибло много, из 200 человек осталось только 14. До сих пор этот десант стоит перед глазами. Потом я поквитался за ребят...

Я прямо скажу, некому было защищать город! Вот когда Шлиссельбург фашисты взяли, там такая бомбежка была, такая паника. Помимо бомб, они бросали бочки пробитые, шуму наводили. Еще были ракетчики, которые корректировали, куда нужно бомбить. А мы ничего не могли сделать. Говорят, что Жуков спас, а он бросал десант за десантом, но все без результата. Возьмите тот же Петергофский десант, там же больше тысячи высадили, и ни один не вернулся. Сейчас его обвиняют, что столько загубил. А я думаю, что он правильно сделал, потому что мы не сдали Ленинград, значит, жертвы не напрасны.

Жуков Владимир

До начала войны штаб Ладужской флотилии находился в Шлиссельбурге. В сентябре 1941 года там наступали немцы, поэтому было получено распоряжение эвакуировать флотилию. В ночь с 7 на 8 сентября начался отход всех служб и штаба.

8 сентября немцы вошли в Шлиссельбург. Для прикрытия отхода Ладужской флотилии была оставлена сводная рота из штаба. Надо сказать, она героически действовала, почти вся там и полегла.

У нас был приказ: не давать покоя фрицам! С этой целью были высажены десанты в районе Бугровского маяка (это чуть севернее Шлиссельбурга) и непосредственно в Шлиссельбург. Тогда же высадили десант на Неве, в районе Невской Дубровки, чтобы предотвратить переход немцев на правый берег.

Десант в районе Бугровского маяка состоял из курсантов пограничного военноморского училища, четвертый курс. В течение двух дней мы с готовым десан-

том ночью подходили в район высадки, а утром, как начинало рассветать, неизвестно по каким причинам, возвращались опять в Осиновец. Я читал позже, что якобы нам мешала штормовая погода. Но это не девятибалльный шторм, — если пришли в район высадки, надо высаживать. Высадились только с третьей попытки. Десантники были экипированы в специальные прорезиненные костюмы. Но получилось так, что катера не смогли близко к берегу подойти, потому что мелко было и встали примерно метрах в 200–300-х. Как только высадили личный состав, налетела авиация противника. У немцев под Шлиссельбургом был аэродром, поэтому им не составляло труда, отбомбившись, перезаправиться и бомбить заново. Большая часть десанта погибла до высадки на берег.

Спустя день-два, мне пришлось участвовать в другом десанте, который почему-то был направлен непосредственно в Шлиссельбург, а там немцы. Мы доложили начальнику штаба, что нет смысла прямо в лоб высаживаться, но нам ответили, что приказы не обсуждают. Десант погрузился, и мы вышли ночью в район высадки. На рассвете, в четвертом часу, как только «морской охотник» вышел из-за крепости и стал подходить к Шлиссельбургу, по нему немцы открыли огонь прямой наводкой. Один из снарядов попал в бензобак. На катере находилось 6 тонн авиационного горючего. Произошел взрыв, катера не стало. За ним вышел из-за крепости второй катер, № 13. И по нему немцы открыли огонь, он тоже загорелся, потерял управление и поплыл по течению, а с берега продолжали его расстреливать. Третьим вышел наш катер. Нам снаряд попал в кормовую часть, и катер потерял управление, его течением закрутило. У нас в кубриках и на верхней палубе находились десантники из разведотдела. Все, кто был на верхней палубе, погибли в результате обстрела, а многие из тех, кто находился в носовой части, ранены.

Наш катер несло по течению. Напротив Шлиссельбургской пристани, на излучине Невы, течение очень сильное, а место это мелкое, каменистое. Там катер наш сел на мель, а потом стал тонуть. Немцы продолжали его обстреливать. Через какое-то время обстрел прекратился, но у нас не было шлюпок, и до берега с ранеными добраться мы не могли. Так просидели весь день, а когда стемнело, решили выбираться. Вода в сентябре холодная, а нам надо добраться до берега и найти лодку, чтобы остальных переправить. Выбрали самого сильного из команды, кое-как его экипировали, нашли спасательный круг, из дерева соорудили плотик. Примерно через час, уже на рассвете, мы увидели шлюпку. Быстро погрузили раненых и стали грести к берегу. Но тут немцы опять открыли по нам огонь, нескольких ребят ранило. Шлюпка уткнулась в песок, а до берега оставалось еще метров 50. И вот в этой холодной воде мы еще часа четыре пролежали, потому что подняться было невозможно. Немцы, не переставая, обстреливали. Только к вечеру мы выбрались.

Я знаком с военной историей, но не знаю другого района, где бы на таком участке, как в Невской Дубровке, полегло столько людей. Я где-то прочитал, что средняя продолжительность жизни у бойцов там была примерно 52 часа. В Книге Памяти в музее на Невской Дубровке зафиксированы 300 тысяч погибших¹⁸. Сейчас там работают поисковые отряды, и каждый сезон они находят все новые и новые жертвы тех времен.

Белоков Георгий

26 сентября 1942 года мы переправлялись через Неву с заданием: взять Невский пятачок. (Тогда он назывался плацдарм Невский.) Переправляться было трудно — течение в этом месте сильное. Но мы, моряки, знаем, как шлюпками управлять. Немцы открыли шквальный огонь: пулеметный, автоматный, минометный, артиллерийский. Но мы молодые, характер крепкий, переправились и заняли этот пятачок.

На Невский плацдарм отправляли с целью сорвать наступление немцев и, по возможности, соединиться с Волховским фронтом, но этого нам не удалось. Все-таки в Ленинграде сил еще не хватало. Но то, что мы пятачок отстояли до снятия блокады — это факт. Конечно, там погибло очень много народу. Немцы проводили по 5–6 атак в день, но они боялись штыковой атаки. Как только мы выскочим, а мы в тельняшках, немец драпака давал. В штыковую атаку идти — страшно первый раз, а потом как-то привыкаешь.

Перед боем давали по 100 граммов спирта, на некоторых фронтах, ребята говорили, и в обороне давали, а у нас только перед наступлением, но я не пил.

Белоков Георгий

Краснопеев Иннокентий

Меня направили под Невскую Дубровку, где шли тяжелые бои. Мы пытались форсировать Неву. По военной науке надо, чтобы было артиллерийское прикрытие, средства переправы, а мы без всяких средств форсировали, захватили на том берегу у немцев участок примерно 2–3 километра по фронту и 600 метров в глубину. Немцы тогда запускали столько ракет, что было светло, как днем. Мы смеялись, что придется после войны немцам платить за освещение. Мне часто приходилось переправляться, потому что половина полкового медпункта находилась на Невском пятачке, а другая — в 3-х километрах от берега на нашей стороне. Если честно, приходилось нелегко. Было очень опасно, подсчитал потом потери — 100 тысяч убитых.

Больше всего было ранений в ноги, потому что часто приходилось преодолевать минные поля. А когда находились в окопах, то привозили раненых в руки и голову. Попадались и самострелы — те, кто стрелял в себя сам, чтобы в госпиталь с передовой попасть. Как-то пришли ко мне в полковой медпункт сразу три человека: два солдата и младший лейтенант, командир взвода. И все в руку ранены. А по ранению сразу видно, что самострел, потому что порошинки кругом, значит, выстрел с близкого расстояния. А тут зашел дивизионный врач

ко мне в палатку. Увидел их и говорит: «Краснопеев, расстреляй их немедленно!» Я ему говорю: «Товарищ дивизионный врач, я не буду расстреливать их. Отправлю в медсанбат, там они все равно никуда не денутся». А он требует: «Нет, расстреляй немедленно». Делать нечего, пригласил я его к себе в землянку, там у меня «маленькая» была, угостил его рюмочкой. А сам вывел этих бедолаг и три раза вверх выстрелил. Потом говорю им: «Вот впереди шоссе, идите в медсанбат отсюда, чтоб я вас не видел, а то начну по вам стрелять». Вернулся обратно в землянку, а этот врач мне и говорит: «Знаешь, Краснопеев, я ведь погорячился». Я ему и рассказал, как было дело. Он меня за это благодарил.

Что значит убить человека? Мой товарищ, сейчас заслуженный художник РСФСР (он получил орден Славы третьей степени в Красном Селе) при атаке штыком заколол немца. Мы в прошлом году ездили с ним на встречу полка. И он мне говорит: «Иннокентий, а ведь немец, которого я тогда заколол, тоже был человек». Вот видите, столько лет прошло, а он помнит. Это непростая вещь — убить человека...

Пчелов Борис

Нашу дивизию после короткого отдыха пополнили моряками Балтийского флота и перебросили в район Невской Дубровки. Перед нами поставили задачу — подготовиться к форсированию Невы и захвату кусочка земли на левом берегу, который потом стали называть Невским пяточком.

Нева широкая, в том месте примерно 800 метров. Мы тренировались преодолевать водные преграды на озерах. Форсировали их и вплавь, и вброд, чтобы хоть какой-то опыт приобрести. И вот началась операция.

Началась она с артиллерийской подготовки, но это привело в боевую готовность фашистские войска. На самом берегу у них — только охрана, группа пулеметчиков, а основная часть войск находилась в третьей траншее, поэтому артиллерийская подготовка накрывала лишь малочисленную группу, а остальные готовились отразить атаку. Погиб командир 68-го стрелкового полка Лопухов, погиб полковник Мустафин, заместитель командира нашей дивизии, и весь штаб полка погиб — прямое попадание бомбы. Операция провалилась. Отдельные группы сумели вырваться и переправиться на левый берег, но удержать этот кусочек земли не могли.

Наш 329-й стрелковый полк пополнили моряками Балтийского флота — 2 тысячи человек мы получили. Ну, что такое моряки, объяснять вам не надо. Это отборный, закаленный состав, волевой, героический, с опытом. И командир первого батальона нашего полка, Александр Васильевич Строилов, внес предложение командиру дивизии — форсировать Неву без артиллерийской подготовки. Дабы опять не привести в боевой порядок немцев на том берегу.

И вот следующая попытка, уже без артподготовки. Командир дивизии был против, но нашему командиру удалось отстоять свое мнение, и, вы знаете, эта операция прошла удачно. Форсировали Неву, захватили пяточок.

Были и потери, мы отбивали за сутки 5–10 атак фашистов, но все-таки пятачок удержали. И вот за эту операцию наша дивизия первой на Ленинградском фронте удостоена звания гвардейской стрелковой дивизии. Позже 70-я и 45-я стали гвардейскими дивизиями. Гвардейское знамя нам вручал Андрей Александрович Жданов, как член военного совета, гвардейские значки нам всем вручили. Для наших воинов: офицеров, сержантов, рядовых, — это была самая высокая награда, потому что до этого никаких наград мы не получали, да и не за что было, мы же отступали.

В штыковых атаках я участвовал неоднократно, получил две контузии, осколочное ранение в голову, до сих пор осколочек ношу. По официальным данным, на этом пятачке погибло 253 тысячи. Эти данные неточные, конечно, потому что очень много утонуло в Неве и очень много погибло на берегу, когда мы готовились к переправе.

Только один из десантов Жукова сумел закрепиться на левом берегу Невы. 20 сентября 1941 года 115-я стрелковая дивизия и 4-я бригада морской пехоты захватили плацдарм к западу от 8-й ТЭЦ — знаменитый Невский пятачок. Наступление Кулика наконец-то получило поддержку. Между войсками Жукова и армией Кулика оставалось всего 9 километров.

Командующий группой армий «Север» фельдмаршал фон Лееб 26 сентября охарактеризовал положение 39-го моторизованного корпуса как кризисное и выразил сомнение в способности этого корпуса удержать Шлиссельбург. В разгар битвы под Москвой Гитлер срочно перебросил на помощь фон Леебу подкрепление. На Синявинский выступ из Восточной Пруссии прибыли воздушно-десантные войска, герои Нарвика и Крита — самых успешных воздушно-десантных операций в истории человечества. К Неве и Волхову перебросили войска из Франции и 250-ю испанскую дивизию.

54-ю армию Кулика остановили. Наступление на Невском пятачке также забуксовало. Но Жуков доложил Сталину: в поражении виноват Кулик. 26 сентября маршала сняли с должности командарма, а 54-ю армию перевели в подчинение Жукову. Жуков ничего нового не придумал. Приказал продолжить наступление и овладеть Шлиссельбургом немедленно. Однако оказалось, что дело не в полководцах. Ни одну из поставленных Жуковым задач войска выполнить не смогли. И еще долгие месяцы с огромными потерями штурмовали «бутылочное горло» у Шлиссельбурга. 6 октября Жуков улетел в Москву, так и не прорвав блокаду Ленинграда. Но подчас в армии главное — не успехи на службе, а умение доложить. В истории, спасителем Ленинграда парадоксальным образом остается Георгий Жуков. Судьба же маршала Кулика сложилась трагически. Поражение под Ростовом, катастрофа в

Крыму: к концу войны Кулик понижен до генерал-майора. От еще больших неприятностей его на время спас находившийся тогда в фаворе у Сталина Жуков. Но сразу после победы и Жуков, и Кулик оказались в опале. В 1950-м Кулика за недовольство кадровой политикой командования арестовали. В ходе следствия он показал: «Я поднял тост за Жукова и предложил группироваться вокруг него...» Бывшего маршала вскоре расстреляли. С тех пор советские военные историки обычно сваливают всю вину за провал сентябрьского наступления 1941 года на маршала Григория Кулика.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Дадаев Александр

Я помню, как шли на Колтуши, на Невскую Дубровку. Шли ночью, пешком, бойцы засыпали по дороге. Не доходя до Невской Дубровки, остановились в лесу. Там мы простояли недели две. Никаких учений не было, просто жили в палатках. Вероятно, нас приучали к полевым условиям. Ночью 8 или 9 декабря нам отдали приказ перейти Неву. По льду переходили. Над нами — смертоносный веер из трассирующих пуль, которыми немцы с левого высокого берега обстреливали всю Неву. Невский пятачок находился южнее, ближе к поселку Ивановка. А мы должны были закрепиться на плацдарме (это просто узкая полоса на левом берегу Невы). Полоса состояла из трех ярусов. Первый ярус — это самая низкая часть берега, второй ярус — метров 10 выше. Именно здесь мы должны были находиться. Это полоса 10–15 метров, не более. А следующий, третий ярус — там, где находились немцы. На этой площадке проходила автомобильная дорога, она и сейчас там есть: дорога из Ленинграда в Шлисельбург.

Пробыл я там недолго, наверное, полтора дня. Немцы нас поливали огнем, боеприпасов у них было достаточно. Это у нас — по 5 патронов на винтовку, да одна обойма в запасе. Всего — 10 патронов. Так что расходовать их пришлось экономно. Спрятаться от немецких пуль и минометного огня было негде, на пятачке — ни одного окопа, только воронки от разорвавшихся мин и снарядов. От мин они небольшие, а от снарядов и вовсе почти не было. Единственный способ укрыться — прижаться к стене третьего яруса, но для спасения этого мало. Днем 10 декабря меня ранило в ногу. Я подполз к землянке, в которой находился медпункт, но санитар сказал: «Чего надо? У тебя есть индивидуальный пакет, вот и перевязывайся сам, и радуйся, что жив». Я попросился переждать до ночи. Но санитар ответил: «Ночью будет хуже. Если немцы подойдут, то они добьют раненых. Лучше ползи на тот берег. Это твое спасение».

Нева вся была в огромных торосах. Полз я очень долго, с трудом через них перебираясь. Ранило меня где-то около 12 часов, а добрался я до другого бе-

рега только к 9 вечера. Немцы, не переставая, обстреливали Неву. Я и не помню, как залез в окоп на правом берегу, как нашел медсанбат.

Потом меня перевезли в госпиталь в Ленинград, на канал Грибоедова, а после лечения отправили в батальон для выздоравливающих. Паек в этом батальоне был такой же, как у рабочего населения — 300 граммов хлеба и больше ничего. Люди в нем потихоньку умирали.

Мельников Владимир

Мы воевали по всей линии фронта. И под Урицком, и под Пушкиным, и под Александровской, и в Красногорской операции, и под Тосно. Танков было мало, — нас по два танка бросали сюда-туда, по два раза в день мы ходили в атаку. Отдыхать было некогда. Потом меня перевели из 1-й танковой дивизии в 86-й отдельный танковый батальон¹⁹. На машину командира батальона я был посажен радистом. Это было либо в конце сентября, либо в начале октября. Бои проходили не очень успешно, мы только поддерживали свои пехотные части. Много эпизодов... Перечислять все битвы — это займет несколько часов.

Поначалу у нас перебоев со снарядами не было, топлива тоже хватало. Мы готовы были всегда выйти на передовую, в очередной бой. Нам прислали (из Челябинска, по-моему) 13 или 15 новых машин, но экипажи совершенно не обучены. И нас бросили вместе с ними в атаку. Командиром роты был капитан Утилев. Ничего доброго о нем сказать не могу. Пойти в атаку на немецкие укрепленные позиции с совершенно неподготовленными экипажами — это преступление. Все пришедшие через Ладожское озеро танки были сожжены немцами.

К тому времени немцы изобрели кумулятивные снаряды, которые прожигали нашу броню. На танках КВ ставили вторую броню, фальшборты. А про маленькие танки и говорить нечего, с них все сбивали элементарно. И вот, в декабре, мы с этими танками пошли в атаку на Усть-Тосно (это под Ивановской, где река Тосна впадает в Неву). Мы умели воевать и никогда не шли в атаку в лоб, потому что это было опасно, а шли зигзагом. Снаряды, которые в нас попадали, рикошетом отлетали от наклонной поверхности. Но в наш танк попали, сбили звездочку левой гусеницы. Танк закрутился на месте. Рядом была какая-то воронка, и мы носом съехали в нее. Все, до немцев — метров 70–100, а до наших траншей — метров 500–700. Но был приказ Сталина машины подбитыми не оставлять. Командир роты, капитан Утилев, виновник этого поражения, конечно, тут же ушел от нас. А мы, экипаж, остались в подбитом танке. Декабрь, мороз градусов 10–12. У нас только кирзовые куртки, брюки и сапоги. Ну, и танкошлемы. 6 или 7 суток мы просидели в этой машине. Немцы приходили к танку и говорили: «Рус, выходи, иначе сейчас подожжем». Но им нужно было вытащить наш танк не сгоревшим.

Новые танки были оснащены полным боезапасом. Если в них попадал снаряд, боекомплект часто разрывался так, что башни отлетали метров на 30–35. Мы

лазали по подбитым танкам за едой (в них был запас консервов), а немцы за нами охотились, все время снайпер смотрел, заряжающего нашего убил. Потом Гриша Малахов, артиллерист, заболел, у него страшная температура была, видимо, воспаление легких. Мы с Шурой Фроловым его оттащили ползком, по-пластунски до наших траншей, больше я не знаю его судьбу. Потом пришли два танка КВ и вытащили наш танк.

Так как мы были ослабленные, усталые, нам принесли термос горячих макарон с мясом. Но мы решили не есть, пока не доберемся до города. И правильно сделали. Какой-то немец подполз к нам за танк и пустил автоматную очередь. Две пули попали в Шурика, две в меня, в область живота. Всю самую страшную часть блокады, до апреля месяца, я провалялся в госпиталях Ленинграда. Потом меня демобилизовали, дали инвалидность второй группы и отпустили на все четыре стороны. Я поехал к себе в Ташкент, в танковую академию. Потом меня призвали в танковое училище. В декабре 1942 года началась у меня другая служба.

У неудач советских командиров были объективные причины. Красной армии противостояли отборные части, обстрелянные в боях. В Первую мировую войну и Жуков, и Кулик были унтер-офицерами. А все командиры группы армий «Север» тогда уже были офицерами. Поэтому большинство советских старших командиров выглядели любителями перед профессионалами. А недостаток военного образования восполнялся беспощадностью к собственным солдатам. Упрекнуть наших солдат и младших командиров не в чем. Они героически погибали.

В сентябре 1941 года защитники Ленинграда не могли знать, что еще 6 сентября Гитлер выпустил директиву № 35, объявляющую Ленинград «второстепенным театром военных действий». Фюрер дал старт операции «Тайфун», главной целью для немцев стала Москва. Группе армий «Север» было предписано передать свой боевой кулак — 4-й танковый корпус Гепнера и большую часть авиации — в распоряжение группы армий «Центр». Фельдмаршал фон Лееб и его офицеры понимали, что у них хотят украсть победу.

Фон Лееб делал все, чтобы изменить решение Гитлера. Под разными предлогами он откладывал передачу танков и продолжал наступление. Фон Лееб был старым генералом вермахта, и ему хотелось в конце карьеры добиться еще одного большого успеха, которым могло стать покорение Ленинграда. Он не мог понять того, что Ленинград должен быть уничтожен именно осадой.

15–16 сентября город готовился к уличным боям. Рабочим у станков выдали винтовки. Все ждали решающего штурма. На передовой в страшном напряжении солдаты слышали скрежет гусениц немецких танков. Но танки двигались в другую сторону. С 17 сентября 4-й танковый корпус Гепнера начал грузиться для отправки под Москву.

Теперь перед Леебом стояли 3 наступательных задачи: уничтожить Ораниенбаумский пятачок, сузить кольцо окружения города и создать сплошное кольцо блокады — между Волховом и Свирью, соединившись с финскими войсками.

На Тихвин фон Лееб бросил две танковые и две мотопехотные дивизии под командованием героя Шлиссельбурга генерала Шмидта. 16 октября, сквозь густой снегопад, немцы форсировали Волхов у бывшего аракатеевского имения — Грузино. Левый фланг вел наступление на Волховстрой, стремясь отрезать 54-ю армию, правый вдоль железной дороги устремился к станции Малая Вишера. 8 ноября немцы взяли Тихвин и двинулись дальше в сторону Свири. Части 4-й армии генерала Яковлева рассеялись в ближайших лесах и лишились управления. Штабу 4-й армии лишь чудом удалось избежать плена. Армия потеряла 20 тысяч пленными и почти всю технику. Но сходу соединиться с финнами немцам не удалось. У деревни Астрача они были остановлены 7-й армией, которой командовал герой Советско-финской войны генерал армии Мерецков.

ДОСЬЕ:

Мерецков Кирилл Афанасьевич, 44 года. Родился в крестьянской семье. Участник Гражданской войны. В 1921 году окончил Военную академию. Проходил стажировку в Германии. Военный советник в Испании, организатор разгрома Итальянского экспедиционного корпуса. В Финскую войну командарм, прорвал линию Маннергейма. Удостоен звания Героя Советского Союза. В 1941 году — заместитель наркома обороны. На второй день войны арестован, прошел через пытки и избиения в НКВД. В сентябре 1941-го освобожден без каких-либо объяснений, отправлен на фронт.

Сталин приказал Мерецкову принять командование 4-й армией, не оставляя 7-ю армию. Несмотря на ожесточенность боев под Москвой, 4-я армия получила долгожданное подкрепление — кадровую дальне-

восточную дивизию из Биробиджана. На Волховское направление через Ладогу удалось переправить дивизию морской пехоты. Но и немцы усилили свою группировку. Под Волхов был переправлен мотопехотный полк СС, под Тихвин — взявшая Моонзундские острова 61-я пехотная дивизия, в Тихвин прибыл пехотный полк из Франции.

Однако развить успех немцам не удалось. Первым захлебнулось наступление под Волховом. Вермахту не удалось ни прижать войска Фёдоровского к Ладоге, ни разрушить плотину Волховской ГЭС, которая через подводный кабель всю зиму снабжала Ленинград электроэнергией.

Под давлением немцев, Маннергейм согласился форсировать Свирь и двинуться навстречу немецким войскам. Но Англия и США потребовали от Финляндии прекратить наступление на Восточном фронте. В результате, финское руководство, не отказывая немцам, не сделало ничего для начала на Свири боевых действий. Долгожданной исторической встречи финских и немецких войск на Вепсской возвышенности так и не произошло.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Хомивко Иван

16 октября немец начал наступление, форсировал Волхов и пошел на Тихвин. Прорыва блокады со стороны Колпина и Пушкина не получилось, потому что остальные дивизии, по плану участвующие в этом прорыве, были брошены навстречу немцам, пытавшимся соединиться с финнами на реке Свирь и замкнуть второе кольцо.

Я обеспечивал разведку переходов в нейтральной полосе, хотя сам я не разведчик. Вот разведка боем — это другое дело. Под деревней Путролово я получил ранение и тяжелую контузию. Это было уже в ноябре 1941 года. После краткого огневого налета (буквально минут 5–10), по сигналу ракетой, мы пошли в атаку. Наша рота (два взвода) стояла ближе всех к немецким окопам. Где-то на полпути буквально в двух или трех метрах от меня разорвалась мина, я потерял сознание. Когда после боя, уже ночью, стали собирать раненых и убитых, то сочли, что я убит (все залито кровью, я без соз-

Хомивко Иван

нения) и меня за руки, за ноги оттащили в кювет (сразу не хоронили). Только через два часа я очнулся, начал стонать, а окопы были рядом и ребята услышали. Говорят: «Иван, мы считали, что ты убит».

Я оказался в медсанбате. Мы тогда не хотели ложиться в госпитали, потому что боялись попасть в другую часть. А у меня было не тяжелое ранение — контузия, но я несколько дней не разговаривал, какая-то невнятная речь была и тошнота. А наш взвод — весь погиб. Он первым вскочил из окопов, а к немцам подошло подкрепление, и остальные наши взводы оказались отрезанными огнем автоматов и минометов. Так что в живых остался я и еще 2–3 человека, которые были ранены, а остальные все погибли.

12 ноября советские войска начали наступление на Малую Вишеру, а 19 ноября на Тихвин. Лыжные части, испытанные в боях с финнами, действовали на флангах немецких группировок. Мерецков пытался окружить Тихвин. 29 ноября 54-я армия отбросила немцев от Волхова. У советских войск под Тихвином, как и под Москвой, появился мощный союзник, которого немцы называли Генерал Мороз.

Из письма немецкого солдата: «Земля промерзла, и потому строить подземные убежища невозможно. Тут и там возникают шалаши из еловых ветвей. Солдаты пытаются отдохнуть, но спать нельзя — сразу отморозишь руки и ноги».

С 11 ноября температура не поднималась выше минус 20 градусов. У подавляющего большинства немцев не было зимней формы. Ни люди, ни техника не были готовы к боям в таких, почти полярных, условиях. Лошади падали от голода и стужи. У пехотинцев не было даже перчаток, их руки примерзали к металлическим стволам карабинов. Смазка в пулеметах замерзала, отражатели стреляных гильз и бойки отламывались. Один из батальонов 30-й моторизованной дивизии потерял половину личного состава в результате обморожения.

8 декабря 1941 года усиленная рота разведчиков проникла в Тихвинский монастырь. Они перерезали немецких часовых и открыли стрельбу по городу. Немцы подтянули сюда войска. Задача наших разведчиков была — продержаться несколько часов.

В это время в Тихвин ворвались советские войска. Фон Лееб, вопреки воле Гитлера, отдал приказ оставить город. Немцы бросали технику и раненых. Силезская моторизованная дивизия из 10 тысяч человек потеряла 9 тысяч. От арьергардных рот прикрытия в живых не осталось никого. Но только благодаря этому приказу часть немецких войск сумела выскользнуть из окружения.

Для командующего группой армий «Север» фон Лееба Тихвин — как Москва для Наполеона. Немцы пробыли здесь месяц и покинули уже сгоревший город. Отсюда началось бесславное отступление немецких войск, похожее на бегство французов из Москвы.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Муштаков Порфирий

Нашу дивизию из-под Урицка перебросили под Тихвин. Пешим порядком мы дошли до Осиновца (это на берегу Ладоги), потом через Ладогу на деревянных баржах, под бомбежками. Наши истребители появлялись, но у немецких была больше скорость. В общем, с большими терзаниями мы переправились в Новую Ладогу, а оттуда дошли до Тихвина.

Как только дошли — сразу вступили в бой. Было это 8 или 9 ноября. Наше командование самолетами перебрасывало военные части, потому что сил у нас было мало, не хватало войск.

Я участвовал и в Тихвинской оборонительной, и в наступательной операциях. Сначала мы оборонялись, затем отступили, и фашисты заняли город. Они почти 30 суток господствовали в Тихвине. Потом мы вместе с 65-й сибирской дивизией²⁰ под командованием полковника Петра Кирилловича Кошерева, который впоследствии стал маршалом, практически окружили город.

Бои были тяжелыми. Я вам расскажу о подвиге ополченцев. Николай Андреевич Моисеенко, который стал потом академиком, а тогда был лейтенантом, командовал ротой разведчиков. Ему командование дивизии поставило задачу — проникнуть в Тихвинский монастырь. И вот в ночь с 8 на 9 декабря он с разведчиками пробрался незаметно и такую панику фашистам устроил, что те открытым текстом передавали по радио: «Русь в городе, русь в монастыре». 60 пленных вместе с автоматами они захватили. Фашисты разбежались кто куда, побросав тяжелые орудия и автомобили. Все это было на моих глазах.

Вообще, Тихвинская оборонительная операция была очень тяжелой, с большой кровью. У немцев много танков было, они давили нас. А потом, в результате действий нашей разведывательной роты в монастыре, мы смогли овладеть Тихвином без особых потерь. Конечно, нам очень помогла 65-я сибирская дивизия. До сих пор помню: они пришли в полушубках, в ушанках, на ногах валенки. А мы тут в шинелях и сапожках. Ой, как мы им завидовали. Мороз-то был минус 32 градуса. Но мы все равно в итоге одержали победу.

После Тихвинской операции мы продолжали наступать. Гнали фашистов до Киришей. 120 населенных пунктов наша Петроградская дивизия освободила. Это была большая победа. Я вот медаль «За отвагу» получил, когда вместе с 46-й танковой бригадой²¹ Мерецкова наступал на Усть-Шомушку. Это населенный пункт в Тихвинском районе, через него проходила единственная дорога на запад, по которой могли немцы отступать. Я должен был корректировать артиллерийский огонь нашей батареи. Там мы подбили новое немецкое орудие, которое было ими создано для борьбы с нашими танками.

Другие дивизии, которые участвовали в этой операции (65-я и 191-я), гнали немцев до Посадникова Острова в Киришском районе. На реке Волхов мы заняли оборону, выгнав фашистов на другой берег.

Светлов Павел

Немцы в Тихвин неожиданно вошли. Я работал грузчиком в райпотребсоюзе. Когда призвали в армию моего отца, он попросил, чтоб меня взяли на работу. В этот день мы грузили на станции. Вдруг к вечеру бомбежка, обстрел. Я домой побежал, а немцы уже на Советской, центральной улице. Мы с братом уходить утром решили из города, но опоздали. У Советского моста немцы нас схватили. И мы оказались в плену. У моста была еще задержана грузовая райкомовская машина с заведующим общим отделом райкома партии и шофером. В машине находились все партийные архивы, их не успели вывезти. Шофер и заведующий отделом были расстреляны.

К вечеру вместе с группой красноармейцев немцы выгнали нас на улицу и повели в кинотеатр «Комсомолец». Сейчас это собор, а в советское время в нем находился кинотеатр. Туда согнали всех захваченных в плен бойцов, их было очень много. Ночь там провели, а утром нас построили в колонну и повели в сторону Будогощи. Вот тут мы решили выйти из колонны и бежать. К счастью, немцы этого не заметили, приняли нас за встречных прохожих (мы были в гражданской одежде) и не вернули. Иначе неизвестно, где бы и как наша судьба сложилась. Вряд ли мы бы остались в живых.

В тот же день мы встретились в Тихвине с юным разведчиком Николаем Перечневым, который пришел в город по заданию нашего командования. А он учился вместе со мной, в одном классе. Мы вместе провели 4–5 дней. Ходили по окраинам, смотрели, где какие немецкие войска. Потом мы вышли к своим.

Нас привели в штаб 65-й дивизии, которая только что прибыла из Куйбышева — 36 эшелонов. Командир этой дивизии, полковник Кошевой, попал в тяжелое положение: у него ни карт, ни информации о противнике. Уже будучи маршалом, он дважды вспоминал о нас. У меня к нему сыновняя благодарность, что не забыл юных тихвинцев. Мы первые, кто ему рассказал о том, что происходит в городе, какие мы видели укрепления, где что у немцев находится. По нашим рассказам он рисовал самодельную карту, взял газету и пометил: вот Тихвин, вот Ленинград, вот железная дорога. Потом нас передали в распоряжение капитана Гаврилова из разведотдела 4-й армии²². Перед этим капитаном стояла задача подобрать группы юных разведчиков для того, чтобы отправлять к немцам в тыл. И первыми оказались мы. Ребята, комсомольцы, как правило, соглашались пойти в разведку, но их матери возражали, и группа не набиралась. Нужен был первый пример, добровольцы. И они предложили нам. Мы согласились.

Перед нами была поставлена задача выяснить, что предпринимают немцы на железной дороге, чтобы они не получили по ней подкрепление войсками или техникой. Попутно мы должны были замечать, где какие укрепления, где сосредоточения войск, где склады военные.

Перед тем как идти в разведку, с нас брали подписку на верность родине. Капитан Гаврилов говорил: «Ребята, не обижайтесь. Время суровое, идет война, такой порядок». На узеньких листочках была напечатана клятва: если я нару-

шу эту клятву, пусть меня постигнет суровое возмездие народа. Ведь всякие случаи были. Некоторые не выдерживали под пытками, кто-то и изменял, может быть. Но во всяком случае, была такая подписка. А на столе у капитана стоял бюст Ленина. Небольшой такой. И он все смотрел на этот бюст, как-то очень серьезно, не улыбался.

Нам помогли перейти линию фронта армейские разведчики. Мы поздно перешли, уже в комендантский час. После семи часов находиться на улице не разрешалось — немцы стреляли без предупреждения. Об этом были вывешены плакаты на немецком и русском языках. И мы решили в сарайке возле железнодорожного переезда заночевать. Замерзли, ночью несколько раз просыпались. К утру мы оказались свидетелями того, как входило пополнение в Тихвин. И пока проходила эта колонна в город, в течение 3—4 часов, мы все считали. Мы с братом договорились — он считал крытые машины, а я — орудия. Такое большое количество техники и немцев — очень важные сведения, и мы утром по той же дороге вернулись и доложили обо всем капитану Гаврилову.

Когда мы ходили по Тихвину, однажды вышли на Советскую улицу к «Комсомольцу» и вдруг остолбенели. Мы увидели впервые в жизни виселицу. Была повешена женщина. И на груди у нее надпись «она помогала раненым красноармейцам». Мы думаем: если попадемся, и нас вздернут тут же. В общем, было много и страха, конечно.

Немцы были в летнем обмундировании, когда захватили Тихвин. А потом начались такие морозы страшные, они замерзали, тащили все из города, — тряпье, одежду. А наша 65-я дивизия сибирская пришла в новеньких полушубках овчинных, в шапках, рукавицах, валенках, ватных брюках. Единственное, эта дивизия в боях еще не была, не обстрелянная. Их две трети тут и осталось под Тихвином.

Наши сумели преградить в Астраче немцам путь. Потом оказалось, что никто погибших не хоронил. Всю зиму они так и лежали: и русские убитые, и немецкие убитые. А когда весна началась, всех подняли. Только тогда и обнаружили героев, которые немцев остановили.

Поражение под Тихвином — первое серьезное поражение немецких войск во Второй мировой войне. Гитлер и Сталин сделали выводы из тихвинской операции. Фельдмаршал фон Лееб подал в отставку. К концу 1941 года группа армий «Север» на ленинградском направлении потеряла 60 тысяч человек. Таких потерь в немецкой армии не было с начала Второй мировой войны.

17 декабря войска, оказавшиеся в распоряжении Мерецкова, объединились в новый Волховский фронт. Вдохновленные победами, советское командование наметило на весну 1942 года всеобщее наступление. Один из главных ударов планировался под Ленинградом. Цель — полный разгром немецкой группировки и снятие вражеской блокады.

Глава 4

1942-й кровавый

5 января 1942 года в Кремле состоялось заседание Ставки с участием членов Политбюро. Сталин поставил перед Красной армией задачу: гнать немецкие войска на запад без остановки и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году. Противоречить Верховному, как обычно, никто не решился. Находясь в состоянии эйфории после победы под Москвой, командование Красной армии запланировало на 1942 год несколько стратегических наступательных операций. Как известно, все они закончились неудачами и привели к тяжелейшим потерям. Первой из них стала попытка деблокировать Ленинград. Ставка постановила: совместным наступлением войск Ленинградского, Волховского и Северного фронтов — окружить и разгромить группу армий «Север».

17 декабря 1941 года, через 12 дней после начала советского контрнаступления под Москвой, был сформирован Волховский фронт во главе с генералом армии Кириллом Мерецковым. Командование располагалось в городе Малая Вишера. Мерецкову подчинялись 4 армии.

План операции был грандиозен. 2-я ударная и 59-я армии Волховского фронта должны были прорвать немецкую линию обороны по левому берегу реки Волхов и начать наступление по двум, расходящимся практически под прямым углом, направлениям. Одно из них — на север, в сторону Ленинграда, на соединение с 54-й армией Ленинградского фронта, с целью окружения немецких войск в «бутылочном горле» в районе Шлиссельбурга. Другое направление — на запад в сторону Луги, с целью отрезать все войска группы армий «Север», расположенные к западу от Ленинграда. Ставились задачи, которые будут решены (и то не полностью) только через два года, в январе 1944-го.

К январю 1942 года Волховский фронт выглядел грозной силой только на бумаге. Войска имели к началу операции лишь четверть боекомплекта. 4-я и 52-я армии были измотаны боями, в их дивизиях

осталась треть личного состава. У свежих 2-й ударной и 59-й армий не хватало средств связи, боеприпасов и теплой одежды. Артиллерия была, но отсутствовали прицелы. Многие солдаты, набранные в основном из народов Средней Азии, плохо знали русский язык. В сформированных лыжных батальонах большинство бойцов впервые в жизни увидели лыжи. Фронт не имел постоянных квартир, а стоял в сырых болотах.

Командующий фронтом Мерецков, скорее всего, понимал невыполнимость приказа Ставки. Но противоречить боялся панически. Еще три месяца назад его избивали резиновыми палками в Сухановской тюрьме.

Поэтесса Ольга Берггольц записала рассказ комиссара 7-й армии Добровольского. Он говорил о Мерецкове: «Ходит не сгибаясь под пулями и минометным огнем, а сам туша — во!

— Товарищ командующий, вы бы побереглись.

— Отстань. Страшно — не ходи. А мне — не страшно. Мне жить противно, понял? Неинтересно мне жить. И если я захочу что с собой сделать — не уследишь. А к немцам я не побегу. Мне у них искать нечего. Я уже у себя нашел.

Я ему говорю: товарищ командующий, забудьте вы о том, что я якобы за вами слежу и вам не доверяю. Я ведь все сам, как вы, испытал.

— А тебе на голову ссали?

— Нет, этого не было.

— А у меня было».

29 января 1942 года, вскоре после начала наступления, Сталин лично написал Мерецкову письмо: «Уважаемый Кирилл Афанасьевич, дело, которое поручено Вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, великое дело. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю Вам успеха. И. Сталин».

Политическим комиссаром при Мерецкове был назначен Лев Мехлис, беспощадный сталинский опричник. Начальником политуправления Волховского фронта был Александр Запорожец, так же как Мерецков, арестованный НКВД и выпущенный во время войны. Начальник штаба фронта Григорий Стельмах тоже прошел тюрьму и пытки НКВД. Штаб Волховского фронта разбежали интриги. 2-й ударной армией командовал чин из НКВД, бывший заместитель Берии — Соколов, мнивший себя полководцем не хуже Суворова.

Из приказа генерала Соколова от 19 ноября 1941 года: «1. Хождение, как ползание мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг — аршин, им и ходить. Ускоренный — полтора, так и нажимать. 2. Холода не бояться, бабами рязанскими не

обряжаться, быть молодцом и морозу не поддаваться. Уши и руки рас-тирай снегом».

Накануне наступления Мерецков заменил Г. Соколова на Н. Клыкова.

Наступление Волховского фронта началось 13 января в 8 утра. Удар пришелся на стык 18-й и 16-й немецких армий. Советские лыжные батальоны захватили плацдармы на западном берегу Волхова в районе деревень Ямно и Арефино. Немецкий фронт был прорван в ширину на 30 километров, перерезано шоссе Ленинград — Москва и железная дорога Чудово — Новгород. Войска углубились в расположение противника на 75 километров.

Но быстрое успешное продвижение таило в себе опасность. 2-я ударная наступала по ледяной пустыне, замерзшим болотам, где изредка встречались деревни. По мере удаления от тылов снабжение становилось все более проблематичным. Оба фланга участка прорыва прочно удерживались немецкими войсками, расширить коридор не удавалось. Он насквозь простреливался немецкой артиллерией. Начальник тыла Волховского фронта генерал Анисимов, инструктируя своих офицеров, говорил, что если из 200 машин, посылаемых во 2-ю ударную армию, дойдет 50 — это будет удовлетворительно. Практически каждая операция по снабжению превращалась в операцию по прорыву.

Уже через месяц наступление забуксовало. 28 февраля Ставка существенно ограничила цели амбициозной поначалу операции. Наступать на Лугу больше не планировалось. Главная цель 2-й ударной — соединиться с 54-й под Любанью. Таким образом, даже задача прорыва блокады снималась с повестки дня. Ставилась сугубо тактическая цель — окружение немецких войск в районе Чудово — Любань.

Навстречу войскам Волховского фронта начала наступление 54-я армия Ленинградского фронта от Погостья в сторону Любани. Наступление продолжалось до 20 марта, но взять Любань не удалось.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Дмитриев Павел

10 декабря была образована 2-я ударная армия, с единственной целью — прорвать блокаду Ленинграда. В нее входила дивизия как главная организация и 8 бригад. Я тогда был лейтенантом, командиром огневого взвода 894-го артиллерийского полка 327-й стрелковой дивизии²³ и в первый бой вступил в этой должности. Тогда мне было 21–22 года. Под моим командованием находилось не много людей — 28 человек и 2 огневых орудия: 122-миллиметровое и ездовое, все на конной тяге, — такая группа боевая.

Мы знали, что происходит в Ленинграде. Политработники очень достоверно доводили обстановку до красноармейцев и командиров. Мы понимали свою

задачу. У нас тогда было желание, горение любой ценой прорвать блокаду, освободить город Ленина. Это двигало нами, хотя многого не хватало (армию очень поспешно сформировали). Мы не были обеспечены достаточным количеством боеприпасов, не было стрелкового оружия, связь плохо действовала. Иногда команды с огневых позиций передавали с помощью посыльных, или голосом, или сигнальными флажками. Вот в таком состоянии находилось войско, которое готовилось к решительному наступлению. Трудно было, очень трудно, но мы старались задачу свою выполнить. Тому, что не удалось, было много причин. Мы же прорвали оборону немцев на Волхове, вышли к Спасской Полисти, прошли через лесной бор, вышли к Любани со 110-м стрелковым полком, а дальнейшее продвижение совершить не смогли. Мы должны были в Любани встретиться с полками Ленинградского фронта. Но Ленинградский фронт был еще слабее: маломощный, необеспеченный, — он даже не мог прорвать оборону немцев, чтобы с нами соединиться.

Что такое орудия на конной тяге? Это лошади, самые незащищенные части войска. Один снаряд, и выпадает полностью тяга орудия. И очень часто приходилось вместо лошадей впрягаться солдатам. Были такие специальные ляжки — мы одевали их и вместе с лошадьми вытягивали орудия из болот, таскали по новгородским лесам.

Коршунов Александр

Я был такой шустрый, что меня взяли в разведку, нас было 6 человек. Нам дали задание узнать огневые точки противника, нанести их на карту и взять языка. Был морозный день, но лед на реке еще не встал. Перебрались на другой берег, где немцы были, и вышли прямо на их дозорных: ходят от дзота до дзота с разных сторон. Они как переполошились, взбаламутились, начали стрелять перекрестным огнем, мы оттуда поскорей уходите. Когда бежали, меня ранили в ягодицу. Мы до воды добежали и в нее забрались. Сидим в речке, вода холодная, я чувствую: кровь прямо в валенки течет, и немцы на берегу суетятся — стреляют, а нас и не видно. Переждали мы, и когда все успокоилось, добрались до своих. В госпитале я пролежал 4 месяца.

К концу февраля между Ленинградским и Волховским фронтами в районе Любани — всего 15 километров. Последнее усилие — и немцы будут окружены. Однако снабжать армию по узкому коридору предельно тяжело. Солдатам выдавали по 1 сухарю в день и по 5 патронов для атаки. Раненые не получали помощи, и их невозможно было эвакуировать. В лютые морозы бойцы месяцами ночевали на снегу.

Из воспоминаний лейтенанта 382-й стрелковой дивизии Ивана Никонова: «За дни наступления пищи никакой не получали. Лошади стали падать. Люди бессилели и мерзли. Зажигали костры, на которых бойцы начинали гореть. Протянув руки к огню, человек уже не чувствовал, что они горят. Зажигалась одежда, и человек сторал. Для замены одежды, снимали ее с убитых. Так было всю зиму».

Концентрация сил для удара на Любань продолжалась. К утру 23 февраля к Красной Горке подошли 46-я стрелковая дивизия и 22-я отдельная стрелковая бригада. Полкам предстояло наступать налегке, без артиллерии, обозов и медсанбата. Каждому бойцу выдали по 5 сухарей и 5 кусков сахара, по 10 патронов на винтовку и по 2 гранаты. Войска понесли огромные потери, но наступление провалилось.

Уже 1 марта 1942 года начальник германского Генерального штаба Сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер записал в дневнике: «Части противника, вырвавшиеся вперед в районе Любани, отрезаны нашими войсками». 2 марта на совещании у Гитлера решено было окончательно окружить 2-ю ударную армию. Гитлер заявил: «Не следует тратить сил на то, чтобы уничтожить противника. Если мы сбросим его в болота, это обречет его на смерть».

Любанская операция — первая наступательная операция 1942 года. Еще не был сдан Севастополь, не провалилась Керченская оборонительная операция, не были окружены войска Юго-Западного фронта и не началась кровавая мясорубка под Ржевом. Сталин очень не хотел, чтобы летняя кампания началась с жестокого поражения. В начале марта он решил поменять командующих фронтами. В Ленинград вместо Хозина отправился Говоров. В Малую Вишеру — Власов.

Говоров сразу приступил к командованию сначала ленинградским направлением, а потом и фронтом. А Власова назначили заместителем Мерецкова. Но всем было ясно, что судьба Кирилла Афанасьевича предрешена. 40-летний Власов — один из тех генералов, которые прославились в тяжелейшем 1941 году. За оборону Перемышля он награжден золотыми часами. Вывел 37-ю армию из окружения под Киевом. В битве под Москвой армия Власова освободила Волоколамск. Генерал награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Важная деталь: Власов с Говоровым командовали соседними армиями, вместе наступали во время битвы под Москвой.

В начале апреля 1942 года генерал Власов был отправлен инспектировать полуокруженную 2-ю ударную армию. Командовавший армией генерал Клыков в это время неожиданно заболел, и Мерецков предложил Власову принять на себя командование по совместительству. Некоторые историки небезосновательно считают, что Власов стал жертвой интриги Мерецкова, который хотел избавиться от опасного конкурента.

Впрочем, это Мерецкову не помогло. Ленинградский и Волховский фронты объединили под командованием генерала Хозина. Теперь в Ленинграде командовал Говоров, а командующий фронтом Хозин осуществлял руководство из Малой Вишеры. Кирилла Мерецкова с понижением отправили на Юго-Западный фронт.

Назначение Власова не могло изменить обстановку в котле. Хотя умирающие от голода и болезней бойцы еще два месяца продолжали наступление.

Из воспоминаний лейтенанта 382-й стрелковой дивизии Ивана Никонова: «Из пришедшего пополнения несколько человек без пищи стали как умалишенные. Продуктов мы уже не получали. Переговорили со старичками, что надо убедить прибывших, чтобы ели, как мы, все органическое, что попадет. Многие уже опухали. Несмотря на то, что немцы вывешивали буханки хлеба, писали и кричали: "Русь, переходи — хлеб есть!" — никто из моих бойцов на эту провокацию не поддался. Большое спасибо им за это».

Положение 2-й ударной армии было катастрофическим. Но командование волховского направления постоянно вводило в заблуждение Ставку, которая не представляла себе масштабов катастрофы.

В штабных планах на начало мая 1942 года не было и речи о выводе запертых на болотах войск. Генералы увлеченно продолжали рисовать на карте стрелки наступления. Однако 13 мая в Малую Вишеру из штаба окруженной 2-й ударной прилетел самолет. В нем находился член военного совета дивизионный комиссар Иван Зуев. Зуев нашел такие слова для доклада, что генералы-стратеги наконец опомнились. Уже на следующий день Ставка издала директиву об отводе войск. Но 30 мая немецкие войска окончательно закрыли коридор у Мясного Бора. В окружении остались 40 тысяч человек без боеприпасов и продовольствия. Бойцы получали по 50 граммов сухарных крошек в день. Ели осиновую и липовую кору.

Из докладной записки сотрудника Смерш: «Начальник политотдела 46-й стрелковой дивизии Зубов задержал бойца, когда тот пытался вырезать из трупа красноармейца кусок мяса для питания. Будучи задержан, боец по дороге умер от истощения».

Узкий проход для войск у Мясного Бора скоро стали называть коридором смерти. Шириной от 300 до 800 метров, он насквозь простреливался пулеметами и артиллерией. Последние бойцы и командиры вышли через коридор смерти в 20-х числах июня, после чего кольцо окружения замкнулось.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Дмитриев Павел

Кормили нас в подготовительный период неплохо, обеспечивали до тех пор, пока не вышли к Любани и не оказались в окружении. В окружении были с 30 мая до 20 июня, выходили — продовольствия вообще не было. Я за это

время получил паек — 5 граммов горохового концентрата на 23 дня и 13 граммов сухарей. Остальное питание — травка. Есть такая заячья капуста в Новгородских лесах, трехлистная, кисленькая. Вот наберем ее, сварим с останками лошадей павших (живых-то уже не было). Дороги были завалены лошадиными костями и требухой. И мы пользовались этим, не обращали внимания, что можем заболеть. Я дошел до последней стадии истощения.

22 июня 1942 года один наш танк прошел к нам через линию обороны немцев. Было принято решение выводить армию из окружения. Мне дали справку: «Безнадежно истощенный, выходить самостоятельно». Мы с Ушаковым Николаем Федоровичем (это мой младший лейтенант, начальник связи дивизиона, у него была открытая форма туберкулеза) обнялись и пошли выбиратья из окружения. Справа и слева немцы. Между ними — коридор смерти, как его называли, простреливаемый насквозь. Это 4 километра, и каждый по нему эти 4 километра проходил, как на расстрел... но делать было нечего... И вот я вышел, а он не дошел 100 метров, его расстреляли немцы в упор.

На Волховском фронте я получил сухой паек и целую бутылку водки. Половину ее выпил сразу и это, наверное, меня спасло, потому что пища не сваривалась, она как-то растворялась и проходила насквозь, как через гуся. Поэтому я остался жив.

Спаслось много, зря говорят, что там все погибли — ничего подобного. Вот из нашего полка группа следующих пришла в 13 человек, во главе со старшим лейтенантом Бутылкиным. Образовалось что-то вроде прохода и их, шоферов, послали, с канистрами за бензином. Они пришли, конечно, без канистр, все прострелянные, но добрались живые.

В 894-м артиллерийском полку было более 700 человек, а осталось — 36. И этими остатками полка командовать назначили меня. Я его привел в Боровичи, там сформировали заново 327-ю стрелковую дивизию. Впоследствии она принимала активное участие в боях. За прорыв блокады Ленинграда, за овладение рощей Круглая она стала 64-й гвардейской стрелковой дивизией, позже вошла в 30-й гвардейский корпус, который прославился своими боевыми действиями.

Непоклонов Константин

В октябре 1941 года я получил специальность техник связи, и меня сразу призывали в армию. Военкомат направил в Гомельское военно-пехотное училище, а потом на передовую в район поселка Мостки, в 24-ю гвардейскую дивизию Волховского фронта, сначала командиром взвода, а через некоторое время командиром пулеметной роты 24-й гвардейской дивизии²⁴ 72-го полка. 2-я ударная армия попала в окружение. Наша дивизия сражалась, чтобы прорвать коридор для ее вывода.

У нас один решил себе сделать маленькое ранение в руку, чтобы уйти с фронта. Винтовку взял и стал нажимать курок. Я в это время как раз шел, увидел и сразу к нему, говорю: «Ты что делаешь?» Я его отдал сотрудникам Смерш, они его, наверное, судили.

Трофимова Ксения

В конце августа 1941-го все старались в Ленинград уехать, а для этого нужно было добраться до Тосно. Кто-то уходил пешком на Мгу, кто-то на Тосно. А у меня была старенькая мама, глухая. Она нянчилась с моими детишками. А у меня их к началу войны было трое, в 1940 году самый маленький родился — Славушка. Мама категорически отказалась уходить. В школе у нас размещался госпиталь, начальник госпиталя Гусев помог мне очень. Дал подводу, и я с детьми добралась до деревни, в которой жили родители моего мужа. Они не очень были довольны, потому что собирались уехать, а тут я с такой оравой. Вскоре немцы перекрыли все пути для отъезда, и мы оказались в оккупации до апреля 1942 года.

В 1942 году наша армия прорвалась сюда, в немецкий тыл, через Волховские болота. Нас хотели эвакуировать — была узкоколейка построена, и мы поехали. Но немцы закрыли эту дорогу, и мы оказались в окружении вместе с нашей армией. Наши самолеты иногда летали и сбрасывали продукты. Солдаты делились, чем могли, и все время утешали: «Прорвемся, прорвемся, потерпите».

В годовщину начала войны, 22 июня 1942 года, был тяжелый бой. Он шел весь день и всю ночь. Нас заранее предупредили, чтобы мы готовились, что ночь будет страшная. Я уложила детей, и тут начался просто чудовищный обстрел. Я на детей бросилась поперек и прикрывала их. Вот так и лежали. Потом уже я в стихах написала об этой ночи:

Вдруг удар. И огонь, и разрыв.
Боль ужасная грудь пронизала.
И в ногах у малюток своих
Я без чувства на землю упала.

Потом, когда пришла в чувства, я детей по болоту вытаскивала одного за другим. До кочки дотащу, а они уже опухшие, ходить почти не могут. Положу одного, вернусь за другим, его до кочки дотащу. И вот так всех троих перетаскивала. Потом мы добрались до полянки. Мы долго там были, несколько дней сидели. Опухли от голода страшно. Первым умер мой Славик, самый младший. Все просил: «Дай, дай». Я Славушку похоронила. Немцы нас и других людей вывезли в Рогавку. Там бросили в какое-то овощехранилище, детей от нас отбрали. Рядом оказались две медсестры. Они со мной делились валерианой. Через какое-то время нас стали грузить в вагоны, и детей в этот же поезд посадили. Привезли в Лугу, в концлагерь. Взрослые и дети находились в разных частях, а еще там были наши военнопленные за колючей проволокой.

Я была ранена в позвоночник, в крестцовую область, в ногу и около груди. В общем, вся была изранена. Приятельница, когда мылись в лагере, насчитала у меня 7 ран. Кормили нас какой-то баландой.

Когда я немножко стала ходить, то навещала ребят своих. Они были в тяжелейшем состоянии. Мне разрешили их вытаскивать на полянку в лагере. И вот я вытаску их на полянку и беседую. Мы мечтали, как отсюда убежим, доберем-

ся до деревни к бабушке и дедушке, к моим родителям. У доченьки на теле появились синие пятна. Я говорю: «Доченька, неужели и ты у меня умрешь?» А она мне отвечает: «Нет, я не хочу умирать. Я хочу к деду Алексею и к бабе Ирине». Но она умерла, моя Оленька, а меня и рядом не было в этот момент. Нас немцы погнали в баню. Когда я вернулась в барак, то пришла медсестра из детского отделения и сказала: «Ваша доченька умерла». Я прихожу туда, беру ее на руки. Плачу. Потом пришли двое наших военнопленных, они утешали меня. Один говорит: «Не плачь, мамаша. У меня в Ленинграде семья осталась. Ты думаешь, они там живы? Так что не плачь». Они взяли тело дочери похоронить. Ее и других умерших увезли на кладбище. Похоронили в солдатской могиле, в сосновом бору, на горке.

28 июня Главное командование вермахта сообщило: «Грандиозный наступательный прорыв врага через Волхов с целью деблокады Ленинграда потерпел крах и привел к тяжелому поражению противника. По данным на сегодняшний день, враг потерял 32 759 пленными,

649 орудий, 171 танк. Потери врага погибшими превышают количество пленных в несколько раз».

Дивизионный комиссар Иван Зуев после доклада вернулся на самолете во 2-ю ударную и остался с армией до конца. С группой бойцов он пытался прорваться к своим, но был окружен. Зуев отстреливался, последнюю пулю оставил себе.

Около 40 тысяч солдат и штаб генерала Власова остались внутри кольца. В конце июня советским командованием были созданы специальные разведывательные группы для поиска и эвакуации генерала из окружения. Поиски шли до конца июля. Командованию долго не было известно, что 12 июля генерал был найден капитаном фон Шверднером в деревне Туховежи и взят в плен. На следующий день Власов был опознан по фотографии и отправлен в штаб 18-й армии, в Сиверскую, где его допросил лично командующий армией Линдеман. После того как генерал Власов перешел на сторону немцев, всю вину за провал операции возложили на него. Тень предательства пала и на всех, кто сражался под его командованием. О трагической судьбе 2-й ударной армии решено было забыть.

К памяти погибших коммунистическая власть относилась выборочно. Даже в 60–70-е годы, когда к власти пришло поколение фронтовиков во главе с Л. Брежневым, о 2-й ударной старались вспоминать как можно реже. Предавать захоронению останки десятков тысяч бойцов, погибших в коридоре смерти у Мясного Бора и в болотах Керести, начали добровольцы-поисковики. До сих пор большая часть поисковых работ выполняется энтузиастами военно-патриотических клубов со всех концов России.

Несмотря на неудачи, Ставка продолжала ставить перед Ленинградским фронтом задачу прорыва блокады. Из Ленинграда удар планировался со стороны знаменитого Невского пяточка. Уже 7 месяцев крохотный плацдарм на левом берегу Невы почти без артиллерии держал оборону и даже атаковал. В ноябре 1941-го сюда была брошена одна из самых боеспособных дивизий фронта — 168-я бондаревская. К середине декабря из героев Сортавалы, Тосны и Колпина в живых не осталось почти никого. 168-я задачу не выполнила. Ее сменила другая дивизия.

Говорят, на штабной карте этот плацдарм можно было накрыть пятикопеечной монетой. Отсюда, мол, и название — пяточок. Зимой 1942-го по нему било такое количество немецкой артиллерии, что с противоположного берега видели только сплошной столб пыли и дыма. Иногда удивлялись, откуда там дым, снег что ли горит? Бойцам выдавали белые масхалаты, но ими никто не пользовался. Земля была так перепахана, что снега на ней не осталось совсем.

Снабжение и вывоз раненых осуществлялись только ночью — через Неву. 24 апреля лед на реке затрепал. В тот же день командование немецкой 1-й пехотной дивизии приступило к ликвидации плацдарма. Внезапной атакой немцам удалось прорваться к берегу Невы и закрепиться там. Огневые точки, окопы переднего края были уничтожены мощным артиллерийским огнем. Последнее подкрепление защитникам пятачка поступило 26 апреля. Это были две роты 284-го полка. Всего бой на плацдарме вели 382 советских солдата. С немецкой стороны было задействовано не менее 6 батальонов 1-й пехотной дивизии, то есть около 3 тысяч человек. Утром 27 апреля остатки бойцов отошли к центру плацдарма и оказались в окружении. Последнее, что видели с правого берега Невы, — кусок маскировочного халата, на котором крупными буквами было написано: «Помогите».

5 июня началось наступление на немецкий плацдарм в районе Киришей. Его пытались взять все лето 1942 года, город Кириши был полностью уничтожен. Германская армия понесла тяжелейшие потери, но плацдарм не оставила.

В 1942 году немцы намеревались нанести основной удар на южном участке Восточного фронта — захватить Сталинград и Баку. Но неудачи Красной армии привели Гитлера к мысли, что и под Ленинградом можно добиться решающих успехов. Фюрер давно хотел перерезать Мурманскую железную дорогу, по которой шли в Советский Союз грузы из Англии и Америки. Чтобы выполнить эту задачу, необходима была помощь Финляндии.

4 июня 1942 года маршалу Маннергейму исполнилось 75 лет. Накануне вечером Гитлер вдруг заявил о намерении поздравить его лично. 4 июня на аэродром Иммала прибыл самолет с фюрером и генерал-фельдмаршалом Кейтелем. Банкет организовали прямо в штабном вагоне Маннергейма.

Говорят, что Маннергейм за столом поднял тост и пожелал, чтобы в этот день вместе с ним выпили все доблестные финские воины. Ему деликатно заметили, что это невозможно, так как в Финляндии с начала войны введен сухой закон. Маннергейм тут же приказал на время сухой закон отменить и выдать солдатам водки. Примерно на неделю финская армия потеряла всякую боеспособность.

Гитлер вручил Маннергейму рыцарский Железный крест, подарил на юбилей свой портрет, бронированный «мерседес» и три вездехода. Фюрер рассыпался в комплиментах и предложил финнам начать совместную операцию в Карелии — перерезать Мурманскую железную дорогу. Но Маннергейм ответил, что ключ к этой операции лежит в Ленинграде. Пока немцы не возьмут город, финны не смогут высвободить войска для наступления в Карелии.

Гитлер и Маннергейм. Июнь 1942 года

23 августа 1942 года в ставке Гитлера под Винницей было решено взять Ленинград штурмом. Операция получила кодовое название «Северное сияние». На помощь группе армий «Север» была переброшена 11-я армия, только что взявшая Севастополь. 27 августа под Ленинград прибыл штаб армии во главе с Эрихом Манштейном.

Про Манштейна Гитлер говорил: «Это лучшие мозги, которые когда-либо производил на свет весь корпус генштаба». Для личных встреч Гитлер и Манштейн всегда надевали на мундиры Железные кресты, полученные еще в Первую мировую войну. Они очень гордились этими наградами: Гитлер своим крестом 2-го класса, а Манштейн — 1-го класса. Под знаком фронтового братства начинался диалог, который почти всегда перерастал в жаркий спор. Гитлер, чувствуя профессиональное превосходство Манштейна, по рассказам очевидцев, просто впадал в бешенство, буквально валялся по полу, но все прощал своему любимому генералу. Ведь тот умел побеждать.

Вместе с Манштейном к Ленинграду на трех товарных составах прибыла самая большая немецкая пушка — знаменитая «Дора». Ее вес составлял 1350 тонн, она могла вести огонь снарядами весом 7 тонн и поражать цели на расстоянии 45 километров. После каждого выстрела требовалось 20 минут, чтобы снова привести ее в боеготовность.

ДОСЬЕ:

Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, 55 лет. Пруссак, из традиционной семьи военных. Герой Первой мировой войны. Автор плана по молниеносному захвату Франции в 1940 году. В 1941-м во главе танкового корпуса совершил рейд от Восточной Пруссии до озера Ильмень. Весной 1942-го уничтожил советские войска под Керчью, взял Севастополь. Среди офицеров вермахта имел прозвища: «Эрих-кулак» и «Борок килограммов чистого мозга».

Немецкая суперпушка не сохранилась, но снаряд ее можно увидеть и потрогать в Артиллерийском музее Санкт-Петербурга. Немцы старались выбрать для обстрелов время, когда на улицах было многолюдно, били по жилым кварталам и хорошо знали, куда били. Потом немецких артиллеристов допрашивали, что они чувствовали, когда обстреливали город? — Ничего особенного, они делали свою работу: профессионально, добросовестно и с удовольствием. Каждый выстрел сопровождался выкриком, типа: «Эх, посмотреть бы, как рушится квартал!», «Несколькими семьями меньше!», «Еще кучка трупов!».

План Манштейна по взятию Ленинграда: с помощью привезенной из-под Севастополя мощной осадной артиллерии и авиации ошеломить город усиленной бомбардировкой. Начать мощное наступление на южном направлении к Средней Рогатке, прорвать оборону, а затем неожиданно повернуть на восток, форсировать Неву в районе Рыбацкого и по восточной окраине города соединиться с финнами. Однако у нового командующего Ленинградским фронтом Леонида Говорова были свои планы.

В 1920-е годы Говоров пытался вступить в партию. Когда его на партийном собрании спросили: «А зачем вам это нужно? Почему вы сейчас приняли это решение?» — Говоров простодушно ответил, что хочет поступать в Военную академию и поэтому должен быть членом партии. Разумеется, в партию его не приняли.

Говоров начинал войну по своей артиллерийской специальности. Он командовал артиллерией Резервного фронта, а потом Западного — того самого, которым командовал Жуков. 18 октября 1941 года, в момент самой острой фазы немецкого наступления на Москву, был тяжело ранен командующий 5-й армией Западного фронта генерал Лелюшенко, и Жуков принял неожиданное решение — назначить артиллериста Говорова командующим общевойсковой армией. Битва под Москвой закончилась победой Красной армии и те, кто сражался вместе с Жуковым, пошли вверх по карьерной лестнице. Генерал Власов стал командующим 2-й ударной армией, генерал Ватутин получил фронт, фронт получил и Говоров — Ленинградский.

ДОСЬЕ:

Говоров Леонид Александрович, 45 лет. Родился в семье сибирского крестьянина. Служил офицером в Колчаковской армии, перешел на сторону красных. Закончил академию имени Фрунзе и академию Генерального штаба. Свободно владел немецким языком. В 30-е годы чудом избежал ареста. Единственный комбриг выпуска 1935 года, доживший до начала войны. Летом 1941-го — начальник артиллерии Западного фронта. С апреля 1942-го — командующий силами Ленинградского фронта. Беспартийный.

Леонид Говоров стал командующим фронтом будучи бывшим царским офицером и к тому же не являясь членом ВКП(б). Люди в Смольном считали: это непорядок. Член военного совета фронта, фактически руководитель Ленинграда Алексей Кузнецов лично собирал рекомендации о вступлении в партию нового комфронта.

Партийное руководство не смущал даже тот факт, что Говоров в Ленинграде регулярно посещал Николо-Богоявленский собор, который в то время был кафедральным. (В Ленинграде во время блокады оставалось всего 10 действующих церквей.) И Говоров присутствовал на рождественских и пасхальных богослужениях.

Впрочем, командующий не сильно рисковал. К 1942 году Сталин понял: Русская православная церковь — его союзник в борьбе с фа-

шизмом. В идеологии надо опираться не столько на классовое, сколько на общенациональное.

Тем не менее, Говоров ярко выделялся на фоне других советских полководцев. Классический советский командующий фронтом обычно сквернословил, рукоприкладствовал, пьянствовал и посещал общество прекрасных медсестер и связисток. Сталин на подобные вещи смотрел сквозь пальцы, — боевые успехи важнее. Говоров был, напротив, необычайно формален, застегнут на все пуговицы, бытовых слабостей не имел. Однако в войсках появление нового командующего встретили без энтузиазма. Очень скоро Говорову присвоили обидные прозвища: бирюк и аптекарь. Он мало говорил, почти никого не хвалил, на рассказы о подвигах, жертвах и героических усилиях лишь болезненно морщился. От каждого требовал точности и досконального знания обстановки. Боевые командиры чувствовали себя перед командующим, как студенты на экзаменах. А требовательность проявлял крайнюю. У Говорова самое страшное ругательство было — «бездельники».

Новым командующим были недовольны не только командиры, но и рядовой состав. На передовой обессиленных голодом и боями людей Говоров заставил взяться за лопаты и строить новые укрепления, за счет которых можно было держать линию обороны меньшим числом солдат. Усиливая противотанковую защиту на южном фасаде обороны Ленинграда, командующий начал снимать части и отправлять их в тыл. Говоров страшно рисковал, но в результате, впервые за всю историю, Ленинградский фронт стал располагать резервом для наступления.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Басистов Юрий

На Ленинградский фронт в начале 1942 года прибыл, наверное, самый правильный командующий. Нужен был человек спокойный, методичный. Человек, не бросающийся в прорыв, а умеющий подготовить почву для своих действий. Вот таким и был Говоров: умный, интеллигентный военный. Отличался он своей сосредоточенностью, лаконичностью формулировок. Не был матерщинником, в отличие от многих других наших больших начальников.

Самым резким выражением, которым он пользовался, были слова: «Вы бездельник». Если на то пошло, самое возмутительное — быть бездельником, особенно на войне. Я думаю, что в этом сказался, прежде всего, его характер. И то образование, которое укрепило его как человека дела и человека слова. Он всю жизнь был человеком дела и слова.

Я не могу сказать, что встречал кого-либо, кто бы отнесся к Говорову с сомнением. Это военный трудяга, который выкладывался полностью. Недаром он

рано заболел и рано, в общем-то, ушел из жизни. Ни парикмахерши особой, ни личной коровы, как у некоторых блокадных деятелей, никаких «походно-полевых жен» у него не было. Никогда он не пользовался какими-то особыми привилегиями. Он был исключительно светлый и чистый человек.

Приезд Говорова во многом изменил обстановку на фронте. Он сумел тогда обратить внимание на укрепление обороноспособности города, сумел создать идеальную систему контрбатарейной борьбы.

А вместе с тем, Говоров методично готовил первую свою крупную операцию по прорыву блокады города. И во всем этом сказался, безусловно, его военный талант и очень тщательный подход ко всему, что он делал, его высокая требовательность, ум и опыт предыдущей сложной жизни.

Куприн Семен

Самым популярным начальником у нас был Маршал Советского Союза Говоров Леонид Александрович. Мне трудно давать полную характеристику маршалу с позиции красноармейца. Но я помню, какое к нему было отношение простых солдат. Они считали, что маршал относится к ним по-отечески.

Смирнов Юрий

Меня направили в 90-ю дивизию²⁵, которая в то время дислоцировалась в Московской Славянке и Понтонном. В зиму 1942-го я занимался на курсах младшего начсостава. В свободное время мы помогали жителям убирать дворовую территорию. Вам трудно, наверное, представить, как было чисто в городе, а я помню это отчетливо. В период блокады паек у солдат был, конечно, больше, чем у гражданских. Нам давали, по-моему, 150 граммов хлеба и сухари дополнительно. Более или менее, на передовой кормили. Терпимо по сравнению с жителями Ленинграда.

После окончания курсов меня выпустили заместителем старшины, а когда пришел в часть, меня назначили замполитрука. Первоочередная задача части была — укрепить оборону. Уже в июне мы начали ставить рогатки на берегу Ижоры. Сколачивали их, обматывали колючей проволокой и, когда стемнеет, устанавливали.

И мы, и немцы стояли там тихонечко. Мы не трогали их, и они нас не трогали. Потом, в 1942 году, начали действовать немецкие истребители. А наши снайперы выходили на нейтральную полосу и оттуда из бесшумных винтовок стреляли немцев.

Куприн Семен

Когда мы были в Московской Славянке, напротив нас стояла испанская Голубая дивизия. Один их боец ночью перебрался к нам и подошел к спящему в ячейке солдату. Тот испугался, а испанец говорит: «Веди меня к командиру». Как он объяснил, трудно понять, но его привели. Испанский солдат сказал, что в 19-м полку существовала полковая передвижка — подходил танк, и оттуда рассказывали немцам, что делается на фронтах.

Басистов Юрий

Когда пришли холода и линия фронта замерла, немцы у нас хлебнули... Климат наш трудный, и их фронтовая жизнь стала совсем несладкой. И настроение упало. Это было понятно по прослушке переговоров. А мы это их состояние стремились развивать: обращались к ним в листовках, в звукопередачах.

Офицер и оператор вдвоем за плечами тащили аккумулятор и маленькую окопную звукостанцию на передний край. Быстро обустраивались и — в эфир: «Ахтунг, ахтунг иэр шприхт дер зенд дер рут арме». В переводе: Внимание! Здесь говорит передатчик Красной армии.

В нашей армии были станции на 150, 300 и 500 ватт. «Пятисотка» имела несъемный рупор, а нужно было как можно ближе подъехать к линии фронта, найти укромное место, замаскироваться, провести передачу и быстро уехать. Немцы засекали такую станцию и могли начать артобстрел. В 55-й армии Ленинградского фронта придумали разместить звукостанцию на танке. Танкисты выделили старенький Т-26, и на него смонтировали устройство. Мне приходилось на этом танке вещать несколько раз, правда, не очень удачно. Когда шла передача, рядом разорвался снаряд, нас осыпало осколками, и один горячий осколок попал мне под глаз. Позже выяснилось, что глаз цел, а вот танк подбили.

Когда под Ленинград переправилась тяжелая немецкая артиллерия, Говоров усилил артиллерийскую разведку, выдвинул свои орудия на передовую и построил для них укрытия. Он полностью поменял тактику контрбатареинной борьбы.

Как только начинался обстрел Ленинграда, наши контрбатареинные подразделения открывали огонь по штабам, тылам противника, по железнодорожным узлам и прочим важным объектам. Это вынуждало немецкую артиллерию переносить огонь на позиции наших контрбатареинных частей. При методе вызова огня на себя наши контрбатареинщики должны были нести огромные потери, но этого не случилось, потому что орудия были тщательно укрыты инженерными сооружениями.

Уже летом 1942-го Ленинград успешно противостоял немецкой артиллерии. 9 августа система контрбатареинной борьбы прошла необычную проверку. В Ленинградской филармонии исполняли 7-ю симфо-

нию Шостаковича. Из осажденного города концерт транслировали по радио. Его слышали немцы. Но ничего не могли поделать.

На протяжении всего концерта работала контрбатарейная артиллерия. Было высчитано, что на исполнение симфонии с антрактом потребуется 1 час 20 минут, плюс 30 минут на то, чтобы доехать до филармонии, плюс 30 минут на то, чтоб от филармонии разъехаться по домам. И ровно 2 часа 20 минут все стволы контрбатарейной артиллерии Ленинградского фронта вели огонь по противнику. Ни одно немецкое орудие не выстрелило по городу.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Морозов Михаил

Немец подвез под Питер крупную артиллерию из Германии. Стал обстреливать нас 13-дюймовыми снарядами. У нас, на линкоре «Марат», снаряды 12 дюймов, а у них — 13. Один раз попал такой снаряд в наш «Марат». Прорбил все сопротивление и в среднем турбинном отделении прошел над головой Юры Чупруна, да так близко, что ему волосы сожгло — спалило подчистую. Снаряд прошел через переборку в правый холодильник, а там не взорвался, а просто раскололся. После этого командование сразу приняло решение: везти облицовочные гранитные плиты со стенок и покрывать ими всю палубу на линкоре. Снаряды падали и на этих гранитных плитах разрывались, а палубу не пробивали.

Хомивко Иван

Пока не очистили Финский залив от мин, большие корабли в море не выходили. В феврале 1942 года я попал на эскадренный миноносец «Сторожевой», который стоял на позиции и обстреливал немецкую передовую. Мы били по районам Пушкина и Колпина. Наши корректировщики находились на передовых позициях в окопах. Предельная дистанция для наших «стотридцаток» — 28 километров, а уж орудия линкоров и на 37 километров доставали. На корабле бытовые условия неплохие, есть отопление кубриков, хотя, с другой стороны, в «Сторожевой» было 3 прямых попадания.

Устиновский Юрий

На Ленинградский фронт я попал в июне 1943 года сразу после выпуска из училища, в 30-ю воздушную армию. Я был назначен в 140-й бомбардировочный авиационный полк²⁶, который базировался на аэродроме Плеханово, под Волховом. Этот полк переформировали после Сталинграда. На аэродроме Плеханово началась моя служба на самолетах П-2.

Все знают, что блокированный Ленинград и фронт подвергались жесточайшим авиационным бомбардировкам и обстрелу из дальнобойных орудий. Наши самолеты П-2 летали на подавление дальнобойных батарей. Летали в район Мги, Синявино. Потом, когда перебазировались на аэродром в Левашово, летали в Финляндию, опять-таки во Мгу, на Ораниенбаумский пяточок и еще много куда.

Саксин Иван

В 1942 году на южном фронте пришлось сдать город Ростов-на-Дону, и еще два небольших городка около Ростова. Сталин издал приказ № 227, которым вводились заградительные отряды и штрафные батальоны. Приказ был очень жестокий.

Однажды, я как раз дежурил на бронепоезде, прибежал рассыльный, сказал построить весь личный состав на улице, против штабного вагона. Люди вышли на построение. Доложили командиру. Вышли из штабного вагона командир Фостиропуло Матвей Григорьевич (грек по национальности) и его помощник младший политрук Татарский. Скомандовали «смирно». Командир берет в руки приказ и начинает читать. Прочитал — мертвая тишина стоит. Берет приказ комиссар и говорит примерно следующее: «То, что вы сейчас услышали, каждый должен пропустить через свое сердце. Это не только приказ войскам южного фронта, которые сдали город немцам, но и всем нам. В приказе сказано: ни шагу назад. Так вот, чтобы он лучше дошел до каждого из вас, я прочитаю его вторично». За всю мою службу это был первый случай, чтобы приказ читали дважды: командир и комиссар.

Устиновский Юрий

Шуркин Сергей

Мы были зачислены в 142-ю Краснознаменную стрелковую дивизию²⁷. Я попал в 588-й полк. Командир 142-й дивизии сформировал батальон с целью обеспечить резервы. В 1942 году, после приказа Сталина № 227, наш батальон реформировали в 10-й заградотряд 23-й армии. Ввиду спокойной обстановки на этом участке фронта, мы занимались в основном боевой подготовкой, нас готовили как сержантов войсковых частей.

Я со многими беседовал: и с солдатами, и с офицерами, — и не слышал, чтобы расстреливали солдат, которые отходили. Такого я не знаю. Солдата надо остановить, дать ему успокоиться и снова занять свое место, показать: ложись

здесь, жди противника, стреляй, отражай атаку. Наша основная цель была — остановить отступающих, а не расправиться с ними. Заградотряды так же вливались в линию обороны, отражали атаки немцев. Кстати, заградотряды были и у немцев, не только у нас. Штрафные батальоны тоже у немцев были. Может быть в какие-то моменты, когда обстановка осложнялась, и применялось оружие, но не в массовом порядке. Может быть, отдельных личностей, тех, которые шумели или паниковали, расстреливали, но в бою паника — это самое страшное. Если паника начнется, то совладать с ней тяжело.

Вот я приведу пример паники в нашем батальоне. Как-то мы расположились отдохнуть, сели на опушке, и вдруг выбегает солдат из леса и кричит: «Немцы, финны, немцы, финны!» Мы сразу как-то все опешили, всполошились, начали собираться, бежать. А у нас был пулеметчик, Саша Иванов. Он установил пулемет и очередь срезал этого провокатора. Затем скомандовал: «К бою!» Мы приняли боевой порядок и начали бой уже самым организованным образом. Поэтому говорить однозначно, что заградотряд или заградбатальон — это такие свирепые энкавэдэшники, я считаю, неправильно.

С начала июля 1942-го в Ставке Верховного командования разрабатывался план операции по прорыву блокады Ленинграда южнее Ладожского озера — в районе Синявино. На этом участке Ленинградский и Волховский фронты разделяло всего 16 километров.

Синявинские высоты — небольшая возвышенность, всего 57 метров. Но отсюда местность просматривается больше чем на 2 километра. Это давало возможность артиллерии поражать любые цели с большой дистанции. Кто владел высотами, тот был царем и Богом на этой земле. С сентября 1941-го здесь хозяйничали гитлеровцы. За 11 месяцев они построили оборонительные позиции, где на каждый километр приходилось до 30 огневых точек и 50 блиндажей, врытых в землю на глубину 6—7 метров. Обычными снарядами их было не взять. Передний край прикрывали минные поля и искусственные заграждения.

Немцы придумали оригинальный способ строительства искусственных заграждений. В землю вбивали два ряда кольев и стягивали их проволокой. Пространство между рядами заполняли мокрой землей и бревнами. Получался забор высотой и толщиной 2—3 метра. Причем землю, которую засыпали внутрь, брали со стороны противника и, таким образом, перед самим укреплением образовывался еще и глубокий ров, который быстро заполнялся болотной водой. В заборе делали огневые точки с бойницами.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Галибин Константин

Я брал Синявинские высоты. Это была сложнейшая операция. Немцы видели нас, контролировали все наши действия. У них были фашинники, вроде заборов сделаны, и они могли перемещаться внутри своих подразделений. А наши находились перед ними в болоте, как на ладони. Вот в чем была сложность.

Самохвалова Татьяна

На Волховском фронте было страшно даже оборону держать. Зимой морозы, весной вода, мох, болото. В землянке — всегда вода. Если солдаты делали нары и ложились отдохнуть, то обязательно двое в это время вычерпывали воду. Вот таков был Волховский фронт. А зимой все промерзло так, что негде было отогреться. Каждому солдату выдавали банки со спиртом и воском, чтобы вскипятить себе чай и обогреться, да и руки можно было согреть. Эти банки прозвали «жми-дави». Были и смешные случаи. Я перед боем проверяла, чтобы подворотнички у всех ребят были пришиты. Я им говорила: «В плен попадем, так немцы должны знать, что вы чистюли, у вас подворотнички даже есть». Потом стали солдаты ко мне приходиться и просить: «Татьянка, дай бинтик широкий». А я думаю: зачем это им бинт, ведь я вчера давала на подворотнички. А потом выяснилось: они, оказывается, узнали, что в этих банках есть спирт. Брали мой широкий бинт, вытаскивали воск и над кружкой выжимали. Клали туда немножко соли, чтоб все остатки выжимались. И пили спирт. Вот так и грелись. А что делать? Уже после войны я часто слышала, что на фронте много давали водки. Это все чепуха. Водку давали у нас на Волховском фронте только в 25 градусов мороза: по 100 граммов, один раз в день. На 5 человек пол-литра приносили во взвод. Если 12 человек, значит, давали 2 бутылки на сутки, для того, чтобы солдаты не замерзли, потому что было очень холодно. Спали ведь многие просто в траншеях. Что сумеют найти, то и стелили на землю, на снег. Стелили в основном ветки еловые. Иногда и полущубок к земле примерзал, и шапка, и даже волосы. Вот такие условия были на Волховском фронте.

Самохвалова Татьяна

Основной удар в районе Синявино должны были нанести войска Волховского фронта под командованием Мерецкова, который снова вернулся на свой пост. Встречный удар наносил Ленинградский фронт под командованием Говорова. Планировалось, что бойцы из Ленинграда переправятся на левый берег Невы, оккупированный гитлеровцами, и отвоюют плацдарм для дальнейшего продвижения навстречу войскам Волховского фронта.

В полдень 19 августа после 70-минутной артподготовки, из деревни Корчино вышли катера. Под прикрытием дымовой завесы они высадили десант на восточном берегу реки Тосны. Десантники рывком преодолели 1200 метров, перехватили две дороги, ведущие к мостам. Начали продвигаться к деревне Ивановское. За ними неотступно следовали саперы, которые сразу же разминировали шоссе мост. Немцы от неожиданности и наглости русских даже не успели его взорвать. К трем часам дня Ивановское было взято. Однако успешное наступление вскоре захлебнулось. Гитлеровцы опомнились и стали непрерывно контратаковать, бросив в бой все резервы, вплоть до тыловых служб.

По приказу Говорова, на помощь сражающимся отправились друг за другом 3 дивизии. В результате кровопролитных боев нашим войскам удалось отстоять половину деревни Ивановское. Но действия Ленинградского фронта никак не были поддержаны силами Волховского. Потери составили 7 тысяч человек. Говоров принял решение о прекращении всех попыток по расширению Ивановского плацдарма.

23 августа 1942 года в ставке фюрера под Винницей проходило совещание. Гитлер на нем сказал: «Я озабочен действиями Советов в связи с нашим штурмом Ленинграда. Русские попытаются опередить нас, но наши новые чудо-танки "тигр" способны ликвидировать любой прорыв русских». Гитлеру не терпелось узнать, каковы же «тигры» в деле, и уже в августе 1942-го первые 4 машины отправились под Ленинград.

29 августа эшелон с немецкой боевой техникой и личным составом начал разгрузку на станции Мга под Ленинградом. Еще по мере выдвижения на боевые позиции возникли поломки. У двух танков полетела коробка передач, а у третьего сгорел двигатель. Ремонт «тигров» затянулся. В бой они пошли только через полмесяца. 22 сентября артиллеристы Волховского фронта впервые увидели новейшие немецкие машины. Пробить лобовую броню нашим 76-миллиметровым орудиям не удалось. Тогда артиллеристы пропустили «тигры» мимо батареи и ударили в боковую броню. Сразу же удалось подбить первый и четвертый танки. Два «тигра», которые были в середине, оказались заперты. Артиллеристы их хладнокровно расстреляли. Первый бой стал для «тигров» и последним.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Беляев Павел

У нас в 61-й легкотанковой бригаде²⁸ в одном экипаже оказались два Героя Советского Союза — Осотюк Дмитрий, командир, и Макаренко, механик-водитель. Однажды они встретились с двумя немецкими тяжелыми танками. Маленьким танкам справиться с ними не было возможности, тогда экипаж решил маневрировать. Они сделали вид, что отступают ближе к лесу. Немецкие танки преследовали. А наш танк подвел немцев к противотанковой пушке, которая была замаскирована в лесу, и та сумела эти танки подбить. Макаренко был ранен, ему ампутировали стопу потом. Немцы открыли очень сильный огонь из автоматического оружия по пехоте, которая в это время тоже наступала. За этот бой Макаренко и Осотюку и было присвоено звание Героя Советского Союза.

Беляев Павел

Манштейн разработал операцию по захвату Ленинграда, но план остался лишь на бумаге. В тот день, когда генерал-фельдмаршал вместе со своим штабом прибыл из Крыма под Ленинград, его встретил грохот советской артиллерии. 27 августа, после двухчасовой массивированной артподготовки наконец-то началось наступление Волховского фронта. В нескольких местах наши войска прорвали оборону противника и продвинулись вперед на глубину до 5 километров. К исходу третьего дня они вышли на подступы к Синявино.

На четвертый день нашего наступления на поле боя появились переброшенные с ленинградского участка фронта новые немецкие части из состава 11-й армии Манштейна. Солдаты именно этой армии уже закалились в боях под Одессой, Керчью и Севастополем. Немецкая авиация, не переставая, бомбила наши позиции. Группы «юнkersов» совершали налеты с интервалом в 20–30 минут.

Потери Волховского фронта за первые 4 дня боев составили свыше 20 тысяч человек. Реальный темп продвижения войск был в два раза меньше расчетного. Мерецков понимал: наступление проваливается. Но Ставка требовала исполнения намеченного плана. Тогда Мерецков 31 августа отдал приказ о досрочном вводе в бой 4-го корпуса под командованием генерал-майора Николая Гагена.

ДОСЬЕ:

Гаген Николай Александрович. Выходец из прибалтийских немцев. Кадровый офицер царской армии. Отличился в Первой мировой войне. В Красной армии с 1919-го. Во время Гражданской войны командовал батальоном. Участвовал в подавлении Петропавловского восстания белоказаков. С первых дней Великой Отечественной войны - на передовой, командир 153-й стрелковой дивизии.

Знаменитая 153-я дивизия Николая Гагена в июле 1941 года попала в немецкий котел под Витебском. Три недели пробивалась к своим из окружения. В ходе боев уничтожила немецкий аэродром с 50 бомбардировщиками. За бойцами Николая Гагена гонялись две эсэсовские дивизии. Немецкая пропаганда распространяла листовки, в которых было написано: «Солдаты! Ваш командир — немец! Он сначала погубит вас, а потом сдастся в плен». Николай Гаген собрал оставшихся в живых бойцов, рассказал о своем происхождении и о своей судьбе. Бойцы пошли за своим командиром до конца. Советская пропаганда, в противовес немецким листовкам, тиражом в 200 тысяч экземпляров выпустила открытку с фотографией Николая Гагена — русского генерала немецкого происхождения.

Мерецков приказал частям корпуса Гагена пробить оборону противника и уже к вечеру 1 сентября выйти к Неве у поселка Анненское. Наступление поддерживала 98-я танковая бригада.

Бойцы 4-го корпуса, прокладывая гати через непроходимое Большое болото, при поддержке танков продвинулись вперед, до реки Мойки.

До Невы осталось всего 5–6 километров, но немецкая артиллерия практически не давала возможности поднять голову нашим солдатам. Наша же артиллерия допускала просчет за просчетом: били по площадям, а не по огненным точкам противника. Порой случались и совсем досадные ошибки. Так, в 259-ю дивизию были доставлены снаряды. Но они не годились по калибру к дивизионным пушкам. И пехоте пришлось идти в атаку без артподдержки и без гранат, которые вообще забыли подвезти.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Белокров Георгий

С Невского пятачка нашу дивизию отправили в Колпино. Наша дивизия только в наступлении была, в обороне не стояла. Из Колпина отправили братья Поповку, Красный Бор, деревню Мишкино — там мы долго простояли. Потом нас стали готовить для Синявинской операции, примерно в июле туда отправили. Народу было — уйма. Стоять и двигаться тяжело — там ведь одни болота. Меня ранило в ногу осколком и контузило, успел только подумать: ну, искалечило. Мы все время на фронте боялись, что искалечит. Думали: пусть ранит, убьет, но только бы не остаться калеккой. Я сознание потерял. Когда очнулся — на спине лежу. Зрение появилось, а руками больше двух месяцев не мог владеть. И нога перебита. Ну, я и лежал в госпитале.

У нас вооружение было — только «катюши» и пушки, можно сказать, такие же, как и у противника, но у немцев их было больше. И самолетов больше, чем у нас вначале. Наши У-2 были деревянными, и немцы кричали: «Русь, слезай с бревна! А то я тебя сейчас собою». У них автоматов было много, а у нас вообще не было. Только в 1943-м «Дегтярев» появился, потом ППШ.

Канашин Иван

Я был наводчиком орудия. Жили мы в противотанковом рве. Ров глубокий, и в нем вырыли землянки. Началось наступление, чтобы прорвать блокаду, но оно захлебнулось. Ленинградский фронт был не достаточно вооружен, чтобы противостоять немцам. Правда, и немцам, ценой собственной жизни, мы не давали ходу вперед. Там были для меня самые тяжелые бои. Мало осталось в живых из тех, кто участвовал в этих сражениях. Нас все время снарядами бомбили, минами, из минометов и пулеметов круглые сутки били. Я был ранен в живот, и меня отправили в госпиталь.

Мохов Ростислав

Мы стояли на Волхове, там такие чудесные места есть, была деревня Оломна, и речка Оломна, — замечательные названия. Неожиданно по тревоге нас подняли и перебросили в район Мги. И тут началось наступление. У нас мало танков было, всего 4 КВ и штук 12–15 Т-34. Перед нами стояла задача прорваться около деревни Гайтолово и выйти к Неве, а там со стороны Невского плацдарма должны были выйти ленинградские войска, мы соединимся, и будет деблокада города. Операция началась очень успешно. Прошли, наверно, километров 5–6 в глубину. Была чудесная погода, конец августа — начало сентября, солнце, тепло, и примерно на пятый-шестой день утром появились немецкие «юнкерсы», и началась бомбежка. Мы оказались отрезаны. То есть там, где мы прорвались, немцы сомкнули кольцо. Но у немцев тоже сил было немного. Днем они разбомбят, а ночью наши войдут, и примерно дней 10–12 продолжалось так: то мы, то они, то в окружении, то нет.

Непоклонов Константин

В сентябре 1942-го началась очередная попытка прорвать блокаду Ленинграда. Мы вели бои в районе устья речки Черная, но не дошли до Ленинградского фронта километров 5–10, нас немцы остановили. Меня ранило в затылок — касательное пулевое ранение, как будто бы дерево сверху свалилось. Меня направили лечиться в Череповец, и потом через Ладогу переправили на Ленинградский фронт. Сначала я был в госпитале выздоравливающих, а потом на улице Воинова (сейчас она Шпалерная), в резерве офицерского состава.

Туда прибыл набирать пополнение генерал-майор Краснов, командир 45-й гвардейской дивизии²⁹. Ввиду того, что я был гвардеец, он меня, видимо и пригласил. Я доложил: «Гвардии лейтенант Непоклонов, явился в ваше распоряжение». Он так посмотрел, сейчас даже вижу его лицо: «Как это «гвардии», а где же ваши усы?» Я не растерялся и говорю: «Товарищ генерал-майор, вырастут усы». Взял меня командиром пулеметной роты 57-го гвардейского пулеметного батальона 45-й гвардейской дивизии.

Самохвалова Татьяна

Комбатом у нас был кадровый офицер Костяков Михаил Васильевич. Однажды, в период августовской операции я слышу, комбат говорит комиссару: «Пойдем, сходим на передний край, потому что завтра-послезавтра будем наступать». Я взяла сумку и пошла за ними тихонько, — меня не брали на передний край. Идти было очень тяжело, потому что проваливались в болото по колено. Вдруг, летят самолеты! Как сейчас помню, 27 самолетов. И начали они бомбы сбрасывать. Страшно! Бомбы летели прямо на нас. Комбат схватил меня за шиворот и прижал к земле. Верите — не верите, но я по сей день помню жужжание торфа. Сколько выбросили! Я видела эти бомбы с человеческий рост. И ни одна не взорвалась. Все ушли в болото. Поэтому мы и остались живы. Когда бомба падала недалеко от нас, в земле происходило жужжание, даже слышали, как бомба крутится где-то в земле глубоко-глубоко. И, к нашему счастью, не попало ни одного камушка, чтобы бомба взорвалась. Когда кончилась бомбежка, мы начали вставать. Я очутилась от комбата метрах в двадцати. Комиссар был впереди. Когда я встала и увидела комбата, начала истерически хохотать. И он смеется. Потом комбат мне и говорит: «А ты посмотри на себя, чего ты смеешься». Мы были, как поросята, все во мху.

Привели мы себя в порядок. Комбат с комиссаром посоветовались и решили дальше не идти, а вернуться на КП. Когда мы возвратились, наша землянка в три наката бревен была разбита. Там находились повара и дежурные, 15 человек, все были мертвыми. Все было разбито, искорежено. И в штаб дивизии попало, там тоже многих убило, были и раненые. Мы стали вытаскивать ребят. Положили их в ряд. Комбат говорит: «Все, Татьянка, доставай документы и говори. А я буду писать». Все были мертвые, теплые. Потом пошли хоронить. А ночью снова был налет, и меня ранило сильно.

На следующий день меня должны были отправить в тыл. Пришли два санитары и принесли носилки, погрузили меня и понесли по лесу. А тут минометный обстрел начался. Ребята поставили носилки на землю, а сами куда-то убежали. Кончился обстрел, я лежу и думаю: что же теперь мне делать? Вдруг слышу шепот. На фронте мы не орали, все шепотом говорили. Я вытащила пистолет. Думаю: если немцы — застрелюсь. И вдруг слышу: «Татьянка, Татьяна». Я быстро пистолет убираю, чтобы не видели, что я перепугалась.

Доставили меня в медсанбат, а через два дня, 26 августа, прибегает санитар и говорит: «Татьянка, мы тебя отведем к начсандиву, там Костяков выступает». И вот я по радию слышу Костякова: «Товарищи, стреляйте, огонь на меня. Огонь на меня! Немцы в 25 метрах. Давайте огонь на меня!» А наши не стреляют. Тогда он сказал с крепким мужским словом: «Немцы вокруг меня, в 10 метрах. Прошу вас, давайте огонь на меня! Я нахожусь в танке с радистом и ординарцем. Огонь на меня, прошу вас, огонь на меня!» Несколько раз повторил, а потом: «Ну что ж, прощайте. Радию уничтожаю, сам погибаю». Наша артиллерия стала бить по танку. Мы даже не знали: наш или немецкий танк, но он был на территории немцев. Командование дивизии просило, чтобы Костякову присвоили звание Героя Советского Союза. Но в Москве отказали, потому что не знали, жив он или мертв, а может и в плену.

На самом деле он попал в плен. Уже после войны я встретила с его женой Екатериной, и она мне рассказала, что Костяков выжил. Когда немцы подошли к разбитому танку, они всех вытащили и положили на землю. Затем тела потащили к яме. И тут обнаружилось, что Костяков и радист, молодой парень, — живы. Немецкий офицер отдал команду отправить их в госпиталь. Потом Костякова отправили в лагерь. Когда освобождали Германию, то и его освободили. Он вернулся в Ленинград, здесь и похоронен в 1954 году. Его жена показала мне фотографии. На них Костяков стоял на двух костылях, причем костыли были маленькие, чтобы он не мог выпрямиться, из высокого офицера он превратился в старичка (у него был в четырех местах позвоночник сломан). Вот так. Очень жаль, что я не застала его живым, очень. Это был настоящий герой!

До сих пор не существует точной оценки масштабов продвижения наших войск в период Синявинской операции. Наши генералы в своих воспоминаниях пишут одно, немецкие — другое. Глубина прорыва, ширина, — все очень противоречиво. Похоже, что достоверной информацией не обладает никто. В наших штабах не знали о том, что творится на передовой. Но все же командование верило в успех, а может в чудо, и решило продолжить наступление на Синявино. Мерцков привлек свежую 191-ю стрелковую дивизию и танковую бригаду. Появился даже приказ с новой датой наступления — 6 сентября. Но к намеченному сроку дивизия не успела выйти на позицию и атаку отложили.

Спустя два дня, 8 сентября, Мерецков отдал приказ о вводе последнего резерва Волховского фронта — 2-й ударной армии. В сентябре 1942-го эту армию ударной можно было назвать лишь условно. Личным составом она была укомплектована только на 70 процентов. Несмотря на это, Мерецков отдал приказ идти в наступление.

Части 2-й ударной армии с трудом продвигались вперед. В течение нескольких дней пытались овладеть хорошо укрепленным пунктом гитлеровцев — рощей Круглая. У немцев это место называлось «нос Венглера», потому что оборону здесь держал подполковник Максимилиан Венглер. В мирной жизни он служил директором банка, на фронт попал из числа резервистов, но проявил незаурядные военные способности. Венглер был образцом войскового командира, пользовался абсолютным доверием у своих подчиненных. Ради него они были готовы идти в ад. Советское наступление остановилось. Танкам 2-й ударной удалось лишь прорваться на южную окраину рощи Круглая, но там они завязли в болоте.

10 сентября гитлеровцы начали контрнаступление на наши фланги, по всей линии прорыва Волховского фронта. Манштейн стянул все резервы: несколько дивизий 11-й и 18-й армий, артиллерию с ленинградского участка фронта и 7 бомбардировочных эскадрилий.

Из воспоминаний генерал-фельдмаршала Эриха Манштейна: «Контрнаступление было организовано с севера и юга, из опорных пунктов, таким образом, чтобы отрезать вклинившиеся войска русских прямо у основания клина».

Несмотря на угрозу окружения войск Волховского фронта, Мерецков повторно отдал приказ 2-й ударной армии продолжать наступление, овладеть рощей Круглая и двигаться к Неве. Но Синявинская операция, начатая как наступательная, уже превратилась в оборонительную. Все возможности советских войск наступать были исчерпаны. Единственная дорога не могла обеспечить потребностей наших войск. Не хватало боеприпасов, продовольствия, медикаментов. Вывоз раненых был практически невозможен. Положение становилось катастрофическим. На 30—40 человек в сутки выдавали полмешка прессованной пшенной каши. Одна винтовка на 2—3 солдат, на пулеметную роту — один «максим».

В течение целых суток 23 сентября шли бои за Гайтолово. Обе стороны сражались ожесточенно. Шесть раз гитлеровцы шли на штурм, понимая, что взяв этот опорный пункт, они сомкнут в клещах все наши части. И к исходу дня, Гайтолово оказалось в руках немцев. Этот котел солдаты вермахта прозвали «мешок Мерецкова».

В окружение между Мгой и Гайтолово попали части двух армий Волховского фронта — более 30 тысяч человек.

Из воспоминаний генерал-фельдмаршала Эриха Манштейна: «Нам было необходимо уничтожить находившихся в котле. Русские о сдаче не помышляли. Тогда мы начали вести непрерывный артиллерийский огонь. Через несколько дней лесной район был превращен в поле, изрытое воронками, на котором виднелись лишь остатки гордых деревьев-великанов».

В то время как наши окруженные части пытались вырваться из котла, Мерецков отдал два приказа. Один — об отводе наших частей от речки Черная. Другой — о категорическом запрещении выхода без матчасти. Приказы явно опоздали — их надо было отдавать до того как войска попали в окружение.

Под непрерывным огнем, не имея горючего, увязшую в трясине технику вывезти было практически невозможно. Уцелевшие солдаты взрывали орудия и лесными тропами, по трясине, пытались пробраться к своим.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Мохов Ростислав

Под Синявино была болотистая местность, и там постоянно застревали танки. В основном в этом болоте мы и возились. Один танк другой тащил. А когда кольцо сомкнулось, оказалось, что там остался один КВ и один Т-34. Они были сломаны. У «34-ки» была не в порядке коробка, он не мог завестись, а у КВ вышел из строя стартер. Нам с товарищами приказали их починить (я служил электромехаником) и вывезти из окружения, потому что бросать танк нельзя — трибунал.

Я с собой взял стартер, а он весит килограммов 15, еще автомат и сумку с инструментом. Наш повар, понимая, куда я должен идти, дал две банки мясных консервов и посмотрел на меня, как на обреченного. Мы пошли ночью, проскочили полосу, которая то была наша, то немцами занята. Во вторую ночь попали под автоматную очередь. Ребята побежали, а я упал, у меня ведь тяжелый груз. Не видно было ничего. Я пролежал почти до утра, а когда стало светать, увидел, что лежу в колее от танка. И я стал пробираться по этой колее. Так и дошел до наших двух танков.

Когда поставили стартер и я махнул рукой, чтобы запускать, думаю: не дай бог не заведется... Запустили машину, завелась, такое было всеобщее ликование: значит, мы все оттуда выходим! Начали выбираться. Меня посадили на самое почетное место — внутрь, на боеукладку. А потом набился полный отсек людей. Выбрались из окружения просто чудом.

Когда мы наступление начинали, у нас не только самолетов не было, но и средств противовоздушной обороны. Немецкие самолеты бомбили нас совершенно спокойно, просто избиение какое-то было. И вообще место для наступления было выбрано неудачно. Мы двигались туда, где никакого плацдарма практически не было. Эта операция была бесперспективна, а нам объяснили так: «Сейчас идет наступление немцев на Сталинград и здесь, на Неве, мы должны отвлечь их силы, чтобы они не перебросили свои войска туда». Мы просто были мясом, благодаря которому немцы теряли свои силы.

Для помощи окруженным частям 2-й ударной армии Мерецков приказал пробить коридор. Двое суток, не прекращаясь, шли бои. Помочь находившимся в котле не удалось. В то время когда гитлеровцы методично расправлялись с окруженными советскими частями, произошла вторая попытка захвата Невского пятачка силами Ленинградского фронта.

Ценой больших потерь удалось восстановить Невский пятачок. Но гитлеровцы обрушили на наших солдат такой шквал огня, что о любом продвижении на помощь окруженным войскам Волховского фронта не могло быть и речи.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Широкогоров Иван

7 сентября 1942 года нашу курсантскую роту подняли по тревоге. Отправили сначала в Мельничный Ручей, а оттуда в Невскую Дубровку. В это время как раз начиналась четвертая попытка прорыва блокады, так называемая Синявинская операция. Участвовали 115-я стрелковая дивизия, 4-я бригада морской пехоты и нашу курсантскую роту привлекли. 9 сентября на 8-й переправе мы начали форсировать Неву, отвоевывать тот самый Невский пятачок, который так теперь знаменит. Невский пятачок не заняли в тот период. Нас вернулось из 180 курсантов всего 70. Остальные погибли или были ранены, но в основном погибли.

В следующий раз мы переправились 25 сентября, заняли этот пятачок. Мы, курсанты, делали все вместе с войсками, а затем поступила команда «курсантов вернуть в училище». Нас вернулось всего 11 человек.

Я теперь понимаю, почему не удалось в первый раз взять Невский пятачок, потому что вооружение не поступало, не было превосходства наших сил ни в артиллерии, ни в авиации, ни в танках.

В то время когда шли кровопролитные бои за Невский пятачок, немцы нанесли еще один контрудар от Мги. Вклинились в боевые части 4-го корпуса Николая Гагена, раскололи его и взяли в кольцо.

Разрозненные части 4-го корпуса, попавшие в окружение на западном берегу речки Черная, не имели продовольствия и боеприпасов. Управление было полностью потеряно — каждый пробивался к своим, как мог. Генерал Гаген выходил вместе со своим штабом, в группе из 16 человек. С огромным трудом им удалось добраться до берега реки. По пути повстречался блиндаж, в котором находились медсестры и раненые, подготовленные к эвакуации. Понимая, что раненых не вывезти, что они обречены на плен, генерал предложил медсестрам оставить лазарет и присоединиться к его группе. Медсестры посоветовались и решили остаться. Не смогли бросить раненых. Николаю Александровичу и еще нескольким бойцам удалось выйти к своим.

На этом Синявинская операция завершилась. Стороны оказались на прежних позициях. Наши войска не прорвали блокаду Ленинграда. Но была отведена угроза нового штурма. В Центральном архиве Министерства обороны хранится отчет о потерях Волховского фронта, который десятилетиями был засекречен. Всего в операции принимало участие 156 927 солдат и командиров Красной армии. Из окружения вышли 3209 человек. Гитлеровцы зафиксировали 12 370 наших пленных. Погибло или пропало без вести — 114 348 человек.

Глава 5

Прорыв

К зиме 1942-го главная задача командующего Ленинградским фронтом прежняя — прорвать блокаду города. До сих пор все попытки терпели неудачу, потому что основной удар наносился снаружи блокадного кольца. Теперь Говоров готовится поддержать наступление Волховского фронта не менее мощным встречным ударом из Ленинграда. Снятые с передовой, резервные части не знают отдыха. Командующий приказывает выстроить макеты немецких укреплений и устраивает изнурительные тренировки.

Накануне прорыва блокады встал элементарный вопрос: как блокадный солдат сможет пробежать 800 метров, форсируя по льду Неву? Провели опыт в одной из дивизий. К середине дистанции люди обессили, попадали, ругались, как сапожники. И Говоров приказал начать учиться бегать. Забегал весь фронт: отделениями, взводами, батальонами, полками. Ругались, падали, хлебали снег. Тем не менее, дистанция далась — научились бегать.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Беляев Павел

Я врач, и моя задача заключалась в том, чтобы оказать помощь раненым, вынести с поля боя, отправить на дальнейшую эвакуацию, добиться, чтобы в войсках не было эпидемических заболеваний. Но ведь голодали не только гражданские люди, но и военные. Питание было очень плохое. И ко мне на амбулаторный прием приходили люди совершенно ослабленные, с отеками, авитаминозными поносами. Я некоторых освобождал от тяжелого физического труда. Меня вызвал секретарь партийной комиссии, говорит: «Товарищ Беляев, вы что, решили сорвать прорыв блокады Ленинграда?» А я говорю: «А что бы вы сделали на моем месте как врач?» — Молчит. В конце концов, не помню

формулировку, но мне выговор всучили. А потом, через 10 дней, приходит приказ по фронту, подписанный Говоровым, такого рода больных освобождать от тяжелого физического труда. Я прихожу к секретарю партийной комиссии, говорю: «Снимайте выговор, вы не правы». А он: «Не имеем права, только через 3 месяца сможем снять». За всю мою деятельность это был первый и последний выговор. Незаконно приписанный.

2 декабря 1942 года вышла директива о подготовке операции «Искра». Цель — прорыв блокады Ленинграда в районе Шлиссельбурга встречными атаками 2-й ударной армии Волховского фронта под командованием Федюнинского и 67-й армии Ленинградского фронта под руководством Говорова. Армии на этот раз полностью были укомплектованы и снабжены всем необходимым. Как вспоминал генерал Федюнинский, в полосе прорыва он имел более чем пятикратное превосходство над немцами в силах и средствах.

На острие удара Ленинградского фронта находилась 136-я дивизия генерал-лейтенанта Симоняка.

ДОСЬЕ:

Симоняк Николай Павлович, 41 год. Родился на Украине в семье запорожского казака. Участвовал в Гражданской войне, награжден орденом Красного Знамени. Закончил курсы красных командиров и Военную академию имени Фрунзе. Участвовал в Советско-финской войне, за отличие в боях при прорыве линии Маннергейма был награжден вторым орденом Красной Звезды. В 1941 году был переведен на полуостров Ханко и назначен командиром 8-й стрелковой бригады.

Военно-морская база Ханко в Финском заливе была получена Советским Союзом в 1940 году по условиям мирного договора. Ханко — это незамерзающий порт и небольшой курортный городок с населени-

ем 8 тысяч человек. На маленьком полуострове разместили советский гарнизон — 30 тысяч бойцов. К 1941 году Ханко стал мощной крепостью, которую обороняли отборные подразделения армии и флота.

Гарнизон Ханко финны называли «курортниками» и продавали нашим бойцам молоко. Но 22 июня 1941 года финские солдаты принесли два пустых бидона и сказали: «Молока больше не будет». Так началась война с Финляндией.

30 июня финские войска предприняли штурм Ханко, который продолжался 10 дней. Бойцы Симоняка отбили все атаки. В июле — августе финны сумели высадить десанты на ближайшие острова. Они атаковали с моря, но краснофлотцы выставили минное заграждение, на котором подорвался финский броненосец. До августа 1941 года гарнизон Ханко сдерживал целую дивизию. Оборона базы продолжалась 164 дня. В октябре 1941-го было принято решение эвакуировать гарнизон Ханко в Кронштадт.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Тиркельтауб Самуил

Мы когда пришли на Ханко, увидели не очень большой полуостров, 25 километров длины и 8 километров в самом широком месте. Город абсолютно пустой, все дома раскрыты, где-то валяются вещи, летают листки газет и книг. Финны в пожарном порядке уезжали с Ханко, так что из местных там никого не было.

Я служил на Ханко в батальоне связи телефонистом. Перед войной, в мае и начале июня, регулярно объявляли боевые тревоги. В очередной раз такая тревога была 19 июня, нас собрали, мы как попало выскочили и думаем: сейчас обратно, но не тут-то было, — стали тщательно нас проверять, тех, кто не взял необходимое, послали забрать из казармы. Мы выехали, команда была дать связь по всем точкам, то есть раскинуть полевую линию. Раздали боевой комплект: патроны, гранаты, — чего раньше никогда не делалось. 20-го мы день просидели, 21-го — просидели, а в ночь с 21-го на 22-е, я как раз дежурил у телефона, где-то часов в 5 утра начальник штаба подходит, говорит: «Ребята, война». Вот так для нас началась война, за 3 дня до того, как ее официально объявили.

Тиркельтауб Самуил

Началась и оборона Ханко, уже 22-го немецкие самолеты налетели на полуостров и бомбили, хотя финны объявили нам войну только 25-го. Это кратковременный налет был, они не очень интенсивно и бомбили в этот день, так, сбросили как бы мимоходом.

25 июня финны начали обстрел с ближайших островов. В ответ пошла такая артиллерийская пальба, что я принял по телефону распоряжение: «Прекратить огонь, вы раскрываете все наши огневые точки, незачем зря палить».

Дальше началась позиционная оборона, потому что у нас все было очень хорошо укрыто. Была скрытая дорога вдоль всего полуострова. Ее выкопали, сверху засыпали и заложили настилом из бревен, так что можно было под землей проехать из одного края полуострова в другой. Мы же полтора года на Ханко находились, все время занимались подготовкой оборонительных сооружений. Очень много было землянок, мы все были укрыты. Боеприпасов было так много, что мы их даже везли обратно в Ленинград, когда эвакуировались. На Ханко сбросили 800 тысяч снарядов и мин, а народу было — 25 тысяч человек, это получается по 30 с лишним снарядов на каждого, а погибло около 800 человек.

Финны кидали листовки с самолетов. Мы только смеялись над ними. Смысл был примерно такой: вас обманывают политруки и командиры, мы не против русского народа, мы за вас, переходите на нашу сторону, и вам будет хорошо. Настрой у нас был очень патриотичным. Мы только переживали, что так быстро немцы продвинулись, что мы оказались глубоко в тылу, от Ханко до Ленинграда 450 километров.

Южный берег Финского залива заняли немцы, а ведь, собственно, Ханко и нужен был, чтобы преграждать путь вражеским кораблям к Кронштадту и Ленинграду. А когда Осмуссаар был взят немцами (это остров в Рижском заливе), мы остались одни и обороняли сами себя. Прекрасно подготовленные бойцы, почти все прошли финскую войну, 25 тысяч хорошо вооруженных солдат, со снарядами, с боеприпасами. У нас было два пути: либо пробиваться через Финляндию, либо идти заливом, эвакуироваться в Ленинград. Приняли решение идти заливом.

Финны, благодаря нашей хитрости, пришли на полуостров только через 4 дня после того, как мы оттуда ушли. Каждый раз, когда эшелон уходил с Ханко в Ленинград, мы усиливали огонь, обстреливали более интенсивно, то есть делали для финнов представление, что это прибыл эшелон, а не убыл.

Кроме того, вдоль границы перешейка (а там перешеек очень маленький, всего полтора километра) были поставлены пулеметы, которые стреляли автоматически. Горела сигнальная лампа, и если ее луч пересекался каким-то посторонним предметом или телом, пулеметы начинали стрелять. И вот они, пока не закончился запас патронов, 3 дня финнов не пускали на полуостров.

На Ханко были ТМ-3-12 — 12-дюймовые орудия на железнодорожной платформе. Они в то время являлись наиболее совершенными, даже сегодня все орудия могут стрелять, как те. Установка с третьего выстрела разбила

мост в Таммисари. За 25 километров разбить мост — это и сегодня непросто сделать орудийными стрельбами.

Эвакуировать орудия на кораблях не имело смысла. Важнее было боеприпасы вывезти. Так вот, эти орудия мы уничтожили. Всю систему наводки разбивали, ствол засыпали песком, заряжали и выстреливали. Ствол, конечно, разрывало, и в таком виде мы оставили орудия финнам. Правда, они через 2 года сумели их восстановить.

Всего предстояло вывезти на кораблях с полуострова Ханко около 28 тысяч человек и около 3 тысяч тонн продовольствия и боеприпасов. Эта операция прошла гораздо успешнее, чем Таллинский переход. В течение месяца малыми караванами судов удалось перевезти в Кронштадт большую часть гарнизона. Корабли шли в обстановке секретности, по ночам, и большинство из них благополучно достигло Кронштадта. Однако избежать потерь не удалось. Несмотря на постоянное траление фарватера, несколько кораблей погибли, подрывшись на минах.

2 декабря 1941 года из Ханко вышел последний караван. В его составе были турбоэлектроход «Иосиф Сталин», 2 эсминца, 6 тральщиков, 7 «морских охотников», 4 торпедных катера. На кораблях разместились почти 9 тысяч бойцов и командиров гарнизона Ханко.

3 декабря в час ночи турбоэлектроход «Иосиф Сталин» подорвался на минах и потерял ход. На нем были 5,5 тысяч бойцов и командиров. По советским данным, 4-м тральщикам и 5 катерам якобы удалось принять с «Иосифа Сталина» 1740 человек. «Иосиф Сталин» остался на плаву и 5 декабря придрейфовал к берегам Эстонии. Несколько тысяч бойцов и командиров гарнизона Ханко, а также экипаж судна, попали в плен к немцам. Всего из почти 28 тысяч человек гарнизона Ханко до Кронштадта добрались 23 тысячи.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Решетняк Михаил

Начало войны застало меня на полуострове Ханко, или Гангуте. Он был воротами в Балтику. Нас туда отправили в августе 1940 года. Хорошее укрепление было, техника новая вся. В начале войны мы стали делать землянки с накатами и охраняли полуостров. Нас бомбили. Первая батарея нашего дивизиона сбила один самолет. А другие самолеты отгоняли нас, не давали бомбить прицельно.

Когда финны занимали островки, 8-я отдельная стрелковая бригада³⁰ их отбивала. Мы до конца держались на Ханко, пока приказ не пришел эвакуироваться. Мы даже не знали, что Ленинград уже в блокаде.

Сначала с Гангута эвакуировали гражданское население, а потом военных. Мы в самую последнюю очередь эвакуировались, вместе с пограничниками. Финский залив был заминирован весь. Нам пришлось приостановить эвакуацию и встать на якорь около острова Гогланд. Только на вторую ночь добрались до Кронштадта.

А оттуда шли по льду в Лисий Нос. Там нас погрузили в поезд, но почему-то он шел не в Ленинград, а в обратную сторону — на Сестрорецк. В Горской попали под бомбежку, три последних вагона взорвались, а там находились пограничники, — они почти все погибли. Зенитный дивизион был в средних вагонах, мы не пострадали. Сами исправили разрушенную железную дорогу и на следующую ночь 2 января 1942 года мы уже были в Ленинграде.

Казаев Петр

После госпиталя назначили меня штурманом группы кораблей для эвакуации нашего гарнизона с Ханко. В эту группу входило 5 тральщиков, за ними шли канлодки «Москва» и «Кама». Это бывшие грунтоотвозные шаланды. Когда

углубляли акватории, они грязь отвозили к берегу, посторонние их называли «грязнухами». Но шаланды оказались отличными канонерскими лодками. На них установили по две 130-миллиметровые флотские пушки Б-13, 45-миллиметровые пулеметы. Помню, шли транспортер «Водолей» и еще два или три транспорта. В общем, всего 15 единиц. Там несколько групп было. Эсминцы участвовали даже.

Первую ночь шли из Кронштадта до Гогланда, или до Лавенсари, кто как успевал. Вторую ночь — от Гогланда или Лавенсари до Ханко. Там загрузились и обратно. Конечно, переход от Ханко до Гогланда и Лавенсари более трудный и опасный, потому что там мин больше.

Самая большая потеря при эвакуации с Ханко — это турбозлектроход «Иосиф Сталин», только что построенный, с современной техникой. Не верьте сплетням. Я знаю, что «Сталин» подорвался на плавающей мине. Две или три мины встретил, корму снесло на минное поле. Там взорвалось в общей сложности 6 мин, но он еще не тонул.

На Гогланде Святослав³¹ командовал, тот, который руководил Петергофским десантом. Он рискнул послать буксиры, эсминец и один катер к «Сталину», чтоб буксировать его. Но в это время катер, как сейчас помню, там был лейтенант Макаренко с нашего дивизиона «морских охотников», налетел на мину. Столб воды! Столб воды опустился, — ни катера, ни людей нет. Святослав тогда, чтобы еще и эсминец не потерять, эсминец отозвал. Так «Иосиф Сталин» на минном поле остался, и куда его придрейфовало, неизвестно. Версий разных много, например, что Святослав отправил специально торпедный катер его подорвать. Не верьте этим сплетням. Никто не знает, что с ним случилось, что с народом. Там же войска были. Некоторые говорят, что видели его в Таллине. Некоторые говорят, утонул. Не знаю, был сильный шторм, волна большая, минное поле густое. Что с ним дальше... На флоте никто не знает, а сплетни разные.

Тиркельтауб Самуил

Эвакуация шла ровно месяц. Первый эшелон ушел сразу после 7 ноября, всего было, по-моему, 7 или 8 эшелонов. Мы уходили последними.

С воздуха не было налетов. Я уходил на корабле «Иосиф Сталин». Это самый совершенный в то время турбозлектроход на Балтике. Их было два одинаковых — «Иосиф Сталин» и «Вячеслав Молотов». Он мог взять 2,5 тысячи пассажиров, а эвакуировалось на нем 6,5 тысяч. Все трюмы были забиты снарядами, мешками с мукой, а сверху был настил, где расположились люди.

Шел эшелон из 4-х тральщиков, 2-х эсминцев, корабля «Иосиф Сталин» и катеров. Где-то на траверзе Суропской батареи (она на эстонском берегу, примерно милях в 18–20) взорвалась мина на параване. Параван — это поплавок для отвода мин. Он с рулем, оттаскивает трос в сторону от корабля. Я выскочил наверх посмотреть, что произошло. И в этот момент очень крупную ошибку допустил тот, кто стоял на вахте. Вместо того чтобы выбросить другой па-

раван и продолжать двигаться вперед, он скомандовал «стоп» и стал разворачивать корабль, зачем, непонятно, и кормой напоролся на другую мину.

Корабль потерял ход, были взорваны и руль, и ходовой винт, в таком состоянии он двигаться дальше не мог. Но два взрыва... Ночь лунная, видимость прекрасная, — начался обстрел. Причем мы хорошо видели вспышки с Суропской батареи; потом я узнал, что стреляли еще и финны, но чей снаряд попал в корабль — неизвестно.

К нам кормой подошел один из эсминцев, чтобы взять нас на буксир. Уже кинули леер и втаскивали буксирный трос. Вся команда собралась на носу. В это время снаряд попал в носовые трюмы. Там, как я уже сказал, снаряды, мешки с мукой. И люди. 600 человек. От детонации снаряды в трюме взорвались. Столб огня метров 70 высотой, взрыв колоссальный, головы-ноги летят вверх, 600 человек взлетело на воздух сразу, не считая тех, кто был на носовой палубе. Меня осколком чиркнуло, кусок уха оторвало. Но я сразу даже не заметил этого, потом кто-то сказал, что у меня все плечо в крови, тогда я только перевязался.

Подошли тральщики, чтобы снимать людей, но на каждом из судов пассажиров было больше, чем они могли вместить, то есть все было забито полностью и, конечно, снять всех не могли.

Корабль был на плаву долгое время. Он, правда, медленно погружался, но дрейфовал еще по заливу. Через трое суток подошли два тральщика: один под финским флагом, другой под немецким. Встали довольно далеко, наверное, в паре кабельтовых от нас и спустили шлюпку с белым флагом. Подошли к трапу, поднялись наверх, по радиотрансляции (как ни странно, она еще работала) объявили, что просят старших офицеров пройти в каюту командира корабля.

Туда собралось какое-то количество командиров. Примерно через полчаса они вышли без ремней, без портупей, без оружия, сели в катер, который подошел. Переводчик в рупор кричит с катера: «Не вздумайте сопротивляться, за вами пришлем баржу, и вас отсюда снимут». Вот так началось наше пленение.

Привезли нас в Палдиски. Мы мечтали только о том, чтобы до берега добраться, думали, там сумеем прорваться, захватили кто что мог: пистолеты, гранаты. У меня было в кармане две гранаты. Но немцы нас перехитрили, они причалили баржи в 200 метрах от берега, вдоль узких мостков выставили солдат с автоматами, и нас через строй пропускали по одному, вырваться было невозможно.

На следующее утро нас стали переписывать. Документы мы, конечно, побросали в воду. Я еврей, назвался русским, Алексеем Михайловым. Нас разместили в порту, примерно около тысячи человек, и каждый день гоняли расчищать снег, убирать.

Кормили нормально, так чтобы мы с голоду не умерли, они же хотели, чтоб мы работали. А через две недели, числа 20–21 декабря, нас построили и командуют: на первый-второй рассчитайся. Первые номера 5 шагов вперед, налево, шагом марш, вторые на месте остались.

Когда стали первые уходить, охранник, который стоял около меня, дернул за шинель одного из уходивших, а меня коленом под зад толкнул вместо него. Я на него разозлился страшно, потому что он изо всех сил саданул, а он мне жизнь спас. Пленных поделили пополам между финнами и немцами, первые номера погрузили на корабль, загнали в трюм, и через двое суток мы оказались в Хельсинки.

Привезли нас 25 декабря, в сочельник, религиозный праздник. Прямо с корабля привели в столовую офицерского училища и накормили хорошим обедом. Вывели нас из училища уже поздно вечером. Город весь — ярко освещен. Во время войны очень удивительно было увидеть так красиво освещенный город.

Привели на станцию, там стоял эшелон из теплушек. Набили нас в них человек по 40. В нашей теплушке — 2 буханки хлеба, пара килограммов селедки и ни капли воды. И мы ехали четверо или пятеро суток, я сейчас уже точно не помню, никакой другой еды не было. Приехали на станцию Мустье, в пересыльный лагерь. Из этого лагеря через два дня нас отвезли на Ханко.

На Ханко нас заставили разминировать то, что мы минировали перед уходом. Я все уговаривал наших ребят не работать на финнов, и они меня приняли за политрука. В один прекрасный день вытащили меня из барака, посадили в легковую машину и отвезли в первый офицерский лагерь, посадили в барак политруков. Так началось мое путешествие по финским лагерям.

Я был в семи лагерях, от Ханко до Петсамо, весь западный берег Финляндии прошел. Пори, Турку, Оулу, Кемпи. И последний лагерь был не в самом Питсау, а поблизости, в лесу, мы на лесозаготовках работали.

Финны относились к советским военнопленным по-разному. Кто-то по человечески, а некоторые издевались как могли. В офицерском лагере было очень плохо. Там находилось порядка 2,5 тысяч заключенных, и ежедневно мы хоронили 45–50 человек. Паек состоял из таких круглых лепешек сухих с дыркой посередине, по-фински «рекелейпе», граммов, наверное, 70–80 и полкружки теплой воды. Вот весь паек на сутки.

Я два раза убегал, но, к сожалению, неудачно, потому что финны хитрее нас. Гражданский финн, если видит военнопленного, он близко не подходит. Он идет домой и звонит по телефону. Высылают наряд, в лесу ловят. За первый побег дали 15 палок, за второй — 25, это было у них узаконено. А я просто бежал не в ту сторону. Бессмысленно было бежать в сторону России, бежать надо было в Швецию, там граница рядом совсем, а мы тогда не соображали.

Эвакуированная с Ханко 8-я стрелковая бригада Симоняка на Ленинградском фронте стала 136-й стрелковой дивизией³². В январе 1943-го защитникам Ханко предстояло прорывать блокаду в направлении деревни Марьино. Наши войска находились на правом пологом берегу Невы. А немцы — на левом, крутом и обрывистом. Высота его — метров 14. Гитлеровцы регулярно поливали его водой, превращая в

ледяную горку смерти. За ней — сплошные оборонительные позиции, построенные за два с половиной года. Система траншей, торфяные валы, облитые водой. На километр фронта — 8 дзотов, 16 минометных окопов, 70 блиндажей. Подступы прикрывали минные поля и проводочные заграждения. В центре узлов обороны — дополнительные минные поля. Все кирпичные здания поселков приспособлены к обороне. Снаряды орудий и минометов не в состоянии были разрушить окопы противника и его добротные сделанные блиндажи. Невозможно было использовать и преимущество в танках. Тяжелые или средние танки проваливались и вязли в торфяной почве и канавах.

Численное превосходство советских войск над противником было создано по пехоте в 4,5 раза, по артиллерии — в 6–7 раз и по танкам — в 10 раз.

Утром 12 января над Невой стоял густой туман, так что противоположный берег был еле различим. В 9:30 началась небывалая по мощи артподготовка. Форсировать Неву планировалось широким фронтом — от Шлиссельбурга до Невского пятачка. Пехота бросилась на лед Невы, но, распаханная снарядами, оборонительная линия немцев ожила. По атакующим ударили пулеметы.

18 января 1943 года в Рабочем Поселке № 1 и № 5 части Волховского и Ленинградского фронтов соединились

Наступление Красной армии захлебывалось. Однако форсировать Неву помогла случайность. Генерал Симоняк перед началом прорыва приказал доставить на позиции оркестр. Первые звуки Интернационала служили сигналом к атаке пехоты.

Оркестр заиграл немного раньше, чем закончилась артподготовка. Пехота дивизии Симоняка бросилась в атаку. Прямо в зону огня реактивных минометов. Но красноармейцы добрались до противоположного берега уже в тот момент, когда «катюши» перестали стрелять. Наступающим первой волны повезло вдвойне, потому что «катюши» заставили молчать немецкие пулеметы. Бойцам дивизии Симоняка удалось прорвать оборону.

Со стороны Волховского фронта сопротивление немцев было не менее ожесточенным. Но Говоров и Мерецков сосредоточили силы на участках прорыва и медленно, но верно продвигались вперед. 18 января 1943 года в Рабочем Поселке № 1 и № 5 части Волховского и Ленинградского фронтов соединились.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Галибин Константин

В 1942 году нужно было пополнение на сухопутном фронте и, наверное, 70 % личного состава ленинградской флотилии списали на сушу. Утром построили всех списанных, пришли вербовщики разных специальностей: минометчики, артиллеристы, пехотинцы. Кричат: «Кто желает в разведку?» Я делаю шаг вперед. И еще десятка два. Вот вся технология. Так я оказался по собственному желанию в 45-й гвардейской дивизии, в разведке. 43-я отдельная разведывательная рота. Там служил до 24 июля 1943 года. В 1943-м ранен и демобилизован.

Во время прорыва блокады наша дивизия находилась на острие атаки, после этого прорыва она стала именоваться 45-й гвардейской, а раньше была 75-я.

Чем больше боец подготовлен к разведке, тем меньше потерь. А первое время, когда началось наступление наших войск, надо было двигаться, двигаться, двигаться. Сложность состояла в том, что не было возможности провести достаточное наблюдение за противником. Только дивизия вставала на место, сразу надо было идти воевать. Поэтому мы несли большие потери, выходили на разведку почти вслепую.

Беляев Павел

Когда я оказался бригадным врачом в 61-й легкотанковой бригаде, я принимал участие вместе с личным составом в прорыве блокады, форсировал реку. 12 января 1943 года была поставлена задача прорвать оборону вместе с 67-й

армией, и наша часть пошла в наступление. Артподготовка длилась 2 часа 20 минут, и мне казалось, что в этот промежуток времени вся артиллерия была пущена в ход, что там живого места не останется. На самом деле все было совершенно не так.

Спустя какое-то время пошли разные донесения о нахождении войск, появились неточности. Вызывает командир бригады Хрустицкий³³ комиссара Румянцева Федора Кузьмича и ставит перед ним задачу: взять с собой Беляева, то есть меня, и двух автоматчиков и перейти на ту сторону, уточнить место расположения наших частей. Дали нам танк. Когда мы переезжали через Неву, был очень сильный обстрел, и от немецкого снаряда образовалась воронка. Гусеница нашего танка попала в эту воронку, и танк повис. Мы слезли и пошли пешком. Одному из экипажа приказали возвратиться, чтобы с помощью тягача вытащить танк. Когда мы оказались на той стороне, немцы открыли по нам минометный огонь. В этом бою я был ранен в височную часть, но отказался отправиться в госпиталь, потому что не хотел попасть в другую часть.

Белокров Георгий

Немецкие позиции сильно отличались от наших. У них траншеи оборудовали деревянными крышами, а у нас только перед наступлением почистят, и то чуть-чуть, до глубины не очищали. Я помню, когда был разведчиком и с донесением ходил (а я был молодой, глупый), думал: «Зачем я буду по траншее идти, когда можно по прямой пересечь?» Много раз меня артиллерией немец ловил. Один раз просто повезло, что снаряд не взорвался.

Русский народ умеет отстаивать и защищать. И он предан Советскому Союзу. Вот немцы боялись штыка? Боялись. А мы — нет. Не случайно 200 тысяч наших солдат на Невском пятачке полегло. Сейчас у меня нет ни одного знакомого с моей дивизии. Все погибли.

Немцы были агрессорами только в начале, когда побеждали. А после войны, когда пленных гнали, они только кричали: «Гитлер капут».

Новоселов Николай

Я помню, как прорывали блокаду. Участвовал в операции «Искра». Я тогда служил в 301-м отдельном морском дивизионе. Мы сняли орудия с линкоров «Октябрьская революция» и «Марат» и установили их в районе Самарки. 14 января, когда нам дали сигнал открыть артиллерийский огонь, мы из всех этих 20 орудий вели стрельбу по фашистским колоннам и танкам. Морякам тяжело доставалось. Они вынуждены были зимой, в мороз снимать бушлаты и работать в одних тельняшках. Удары нашего дивизиона очень были существенны, мы помогли 45-й дивизии. До этой операции дивизион вел артиллерийский огонь по вражеским объектам в районах 8-й ГРЭС города Кировска и Рабочего Поселка № 1.

В 301-м дивизионе было развито снайперское движение. Наш личный состав уничтожил около 2 тысяч фашистов. Там вырос Герой Советского Союза

Антонов Иван Петрович, который получил снайперскую винтовку от Жданова. Василий Титов, ленинградец, 297 фашистов из снайперской винтовки уничтожил, он получил орден Ленина и боевого Красного Знамени. И многие-многие другие.

Самохвалова Татьяна

На Волховском фронте я попала в 4-й отдел. Это оказался отдел кадров 265-й стрелковой дивизии³⁴. Там я переночевала одну ночь и стала просить начальство отправить меня в полк. Мне говорят: «А что ты так торопишься в полк-то? Только вышла из госпиталя, и в полк». Сколько я ни просила, меня не отправили, а сказали, что я буду служить в учебном батальоне. Там была стрелковая рота, минометная и пулеметная. Взвод снайперов даже был. Командир учебного батальона, Ершов Петр Тимофеевич, очень хорошо стрелял. Ему бросали спичечную коробку вверх, и он из пистолета попадал в нее. Он сначала учил бойцов стрелять из пистолета, а потом стал обучать стрельбе из снайперской винтовки. И у нас организовали взвод снайперов.

Времени у учебного батальона порой было много — месяцы. Ведь Волховский фронт в обороне стоял. Его задача была удерживать силы немцев, не позволять перебросить их на другие фронты. Бои были, но незначительные, мы их называли между собой «бои местного значения».

Но были у нас и довольно крупные операции. Например, Тортоловская. Наши полки взяли Тортолово — большую оборонную позицию немцев. Выгнали их километра на четыре. Но ночью наши войска повели себя неправильно, и пришлось утром Тортолово сдать. Когда мы вошли в немецкие землянки, у них там были полно всевозможных продуктов и водки. Ну, и солдаты набрали всего, выпили, и наутро, когда началось наступление немцев, сдали деревню. После этого был строгий приказ: никаких продуктов питания и напитков при взятии немецких блиндажей не трогать.

Широкогорова Евгения

Войну я встретила в Ленинграде, и весь первый год находилась там. Жили тяжело. Бомбили сильно, пожаров много. Очень холодно было. Никаких продуктов не было. Все получали по карточкам. Я работала в техникуме промышленного транспорта, была управделами и секретарем комсомольской организации. Весной 1942 года все учебные заведения, которые относились к Министерству черной металлургии, приказом были отправлены за Урал. Я не уехала — ушла служить в армию.

Попала в 61-ю легкую танковую бригаду, которая формировалась в июле 1942 года. В ней я служила до августа 1945-го. За три с половиной года мы только один месяц не участвовали в боях. Я занимала должность делопроизводителя оперативного отдела. Оперативный отдел обеспечивал подготовку боевых действий. В мои обязанности входило получение донесений из полков,

из батальонов. Я должна была эти донесения обработать, какие-то переписать, суммировать потери в живой силе и технике и отправить в штаб армии или фронта.

Наш отдел обычно находился недалеко от переднего края, не дальше двух километров. Мы держали связь непосредственно с командирами, которые шли в бой.

Вот помню случай, который спас мне жизнь. Мы форсировали Неву, уже прошли танки на другой берег, и к нам в отдел приехал начальник штаба. Меня увидел и говорит: «Надо срочно донесение отвезти во Всеволожск, в оперативный отдел штаба фронта». У меня в распоряжении был броневик, я села в него и уехала. Передала донесение и обратно возвращаюсь. Вернулась и не могу найти, где же моя землянка. Тут вижу, идет солдат, я к нему с вопросом. А он: «Вы откуда, из города? Так вы ничего не знаете! Мы подбили немецкий самолет, и он врезался в землянку, где был оперативный отдел. Там находились начальник отдела майор Комаров, его заместитель Жаринов, картограф и машинистка Мария Смирнова. Все сгорели». И тут он и мое имя называет. Никто не знал, что меня начальник штаба отправил с донесением. Когда я зашла в землянку к командиру тыла, то он побледнел, увидев меня живой и невредимой. Вот так бывает на войне, что случай спасает.

Белоусова Татьяна

Мой отец был дипломатическим работником и не должен был идти в армию. Но когда объявили войну, он сразу побежал на призывной пункт и попал на тральщик заместителем командира. Летом 1942 года мы получили известие о том, что он погиб и тело его предано морю. После этого я решила, что надо идти на фронт медсестрой, что я там принесу больше пользы, чем здесь, в поликлинике, но меня на фронт не брали в 16 лет. Однажды приехал представитель морской бригады набирать девушек в Ленинград, он остановился у нас. Я его упрашивала приписать меня к списку. Он говорит: «Как же я тебя прове-зу, если ты без формы?» Я отвечаю: «Скажем, что на меня не хватило». Коротче говоря, он согласился. Почему я без формы, никто не спрашивал. Попала в морскую пехоту в ноябре 1942 года. А 12 января 1943-го начался прорыв блокады Ленинграда. Я кричала от восторга, потому что это был мой день рождения.

Я сразу попала в тяжелые условия. Было очень много раненых, много убитых. Стерильного материала не хватало, поэтому топили снег, стирали старые бинты, потом их стерилизовали. Операции врачи делали тут же, на месте, некоторым прямо на носилках, другим в палатках, кому-то прямо в машине. У нас была врач Сидак Елена Павловна, она до войны работала в хирургическом отделении 1-го медицинского института. Она удивительно виртуозно делала операции. Мы все, медики, давали свою кровь, потому что многие раненые буквально на глазах погибали от потери крови. Мы давали свою кровь в неограниченном количестве, сами еле-еле ходили после этого.

После прорыва блокады Ленинграда наша 45-я дивизия первая на Ленинградском фронте получила звание гвардейской.

Ипатов Валентин

Меня призвали в августе 1942 года, отвели на Суворовский проспект, в школу радиоспециалистов. Там мы обучались в течение трех месяцев, изучали аппаратуру, морзянку, и могли потом работать на всех видах радиостанций. Однажды в воскресенье нам обещали увольнение, но старшина сказал: «Ипатов, Веселов, Лебедев, соберитесь, за вами приехали». Ну, мы поехали. И попали в Лупполово, в танковую бригаду.

В танковой бригаде мы стояли недолго, нас послали еще на переподготовку. Около Смольного было небольшое рыжее кирпичное здание, там мы учились на более мощной радиостанции работать. 13 января 1943 года, во время прорыва блокады, мы перебрались на другую сторону Невы, около Марьино, и я работал на радиостанции, осуществлявшей связь с танковыми частями.

Когда прорывали блокаду, саперы сделали на льду Невы настил из бревен. И по этим настилам проходили танки.

Однажды вызывают меня на связь и говорят, что был сильный налет на 220-ю танковую бригаду, радистов убили. Когда доложили командованию, меня послали в эту бригаду, на броневой автомобиль Б-20 радистом.

Генерал-лейтенант Салминов тоже поехал туда, разбираться. Его встретили, а мы остались в машине. Через 20 минут нашему экипажу несут по котелку каши, и даже с небольшим, так сказать, дополнительным угощением. Я тогда поразился чуткости генерала: большой, занятой человек, он остался в бригаде, потому что командир бригады был ранен, и он его временно замещал.

После того как я вернулся в штаб 67-й армии, меня послали... в танк-ресторан. Танк так называли потому, что его пушка была бутафорией. Внутри танка очень свободно, как говорят, танцевать можно, стоит один движок для питания радиостанции и аккумуляторы. Садится туда радист-корректировщик, едет с танками и передает данные офицеру-артиллеристу. А артиллерия поддерживает танки.

Непоклонов Константин

Мы располагались на берегу Коркинского озера. И вот всей дивизией направились на Невский пятачок. 18 января 1943 года начался прорыв блокады Ленинграда.

Я там чуть не утонул. Это было как раз в мой день рождения, 18 января, 20 лет исполнилось. Снаряд попал в Неву, взрыхлил лед, у меня одна нога на льду осталась, другая в полынью соскочила. А там — быстрое течение. Связой Саша Малиновский бросил мне канат, за руку вытащил, а было 20 градусов мороза. И меня в Невскую Дубровку отвезли на плоскодонке, на которой

мы станковые пулеметы зимой возили. Там меня раздели, смазали спиртом, дали 200 граммов спирта выпить, командир батальона разрешил уснуть, я 5 часов проспал, проснулся — ни головной боли, ничего, как будто и не плавал в Неве.

На Невском пяточке был случай замечательный. Один солдат или офицер прощался со своей ногой. Ему, когда наступали, взрывом отрезало ногу, осталось только немножко мякоти. Так он взял штык, отрезал ногу совсем, поцеловал ее, положил и завернул в шубу. Санитары к нему поползли. Немцы даже не стреляли, все были шокированы. Это был настоящий герой. Нашел в себе силы.

За прорыв блокады Ленинграда меня наградили орденом Красной Звезды. Я шел со своей ротой по городу, нас женщины встречали, смотрели, прыгали к нам, ласкали, они были так рады, что мы прорвали блокаду и дали им жизнь.

Непоклонов Константин

Решетняк Михаил

Я попал в 63-ю дивизию 30-го корпуса³⁵. Люди в городе крепились, но голод сильный был. Все ждали победы. Нам давали по 150 граммов хлеба в день. Очень тяжелый год был, потом, перед прорывом блокады, конечно, нам прибавили паек.

Сначала пытались наступать под Пулковку, но ничего не получилось. Потом начали готовиться к прорыву блокады через Неву. Стояли в районе Пороховых и каждую ночь выезжали на тренировки, жерди настилали в болотах.

Мы в январе 1943-го переправлялись на другой берег Невы по понтонам. Сплошной гул, артподготовка, лед, пробитый снарядами, красная от крови вода. Встретились мы с войсками Волховского фронта — радость неопишутая.

Прорыв блокады Ленинграда был важнейшим успехом Красной армии, вторым по значению после Сталинграда. Однако операция «Искра» предполагала две фазы: собственно прорыв блокады и наступление на Мгу.

Первая фаза увенчалась успехом. Но уничтожить немецкие войска под Шлиссельбургом не удалось. Окруженные полки 61-й пехотной

дивизии вермахта сумели прорваться от Ладоги к Синявинским высотам. В немецкой военной истории этот прорыв рассматривается как невероятный подвиг солдат из Восточной Пруссии.

29 января 1943 года началась вторая фаза операции. Армии Волховского и Ленинградского фронтов развернулись и пошли на юг, в наступление на Синявинские высоты. Высоты несколько раз переходили из рук в руки, но, в конце концов, ценой огромных потерь удалось отвоевать лишь несколько квадратных километров. Основная часть Синявинских высот осталась за немцами. Не увенчалась успехом очередная попытка окружить «бутылочное горло» встречными ударами Ленинградского и Волховского фронтов направлением на Любань. С февраля по апрель 1943 года 55-я армия пыталась взять поселок Красный Бор. Но немцам и испанской Голубой дивизии удалось остановить наступление. Волховский фронт также продвинулся вперед незначительно.

22 июля 1943 года началось советское наступление, цель которого была та же, что и весной — захват Синявинских высот и станции Мга. Но и это наступление принесло лишь незначительные тактические успехи. Решающее сражение за Ленинград произойдет только в начале следующего 1944 года.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Ипатов Валентин

Когда закончилась операция по прорыву блокады, мы вернулись в свою 222-ю танковую бригаду³⁶. Началось наступление на Красный Бор. Однажды меня послали с радиостанцией на насыпь железной дороги Ленинград — Москва. Там окопы были, и в окопе я поставил радиостанцию и связь держал. Приходит командир и отзывает меня. Только отозвал, и снаряд разорвался. Он мне как-то после войны говорит: «Я тебя спас». Я говорю: «Спас нас обоих».

Через несколько дней меня послали в Большую Ижору узнать, почему не работает станция. А в это время к нам ехала машина-полупотурка с обедом. Сел я на эту полупотурку, едем. На пригорке нас немец заметил, начал артиллерией своей бить. Водитель то прибавит скорость, то замедлит, а поскольку дорога из бревен, машина подскакивает, людей и термосы с едой подбрасывает. Один термос открылся, и каша рисовая меня с головы до ног окатила. Я языком губы протер, глаза вытер. А когда пришел на кухню, повар мне говорит: «Я тебя уже накормил». И каждый раз, сколько мы с ним ни встречались, шутил: «Тебе не надо обеда, я тебя уже накормил».

За Красный Бор достаточно крупные бои шли. Я был на радиостанции, поддерживал сеть связи с танками. Радиостанции имелись на всех танках, а передатчик находился только у командиров взводов. Однажды в ходе боя проявился танк, который некоторое время не отзывался. Когда долго работаешь, уже по голосу всех узнаешь, и позывных не надо, а тут называют позывной: «чугун». Голоса не узнаю. Ну, бывает так, радиста убило, а командир вышел в эфир. Я его спрашиваю пароль. А потом оказалось, что этот танк провалился в волчью яму. У немцев были заготовлены ямы, заложенные ветвями и запрошенные снегом. Экипаж наш ушел, а немцы залезли в танк, достали радиостанцию, посмотрели на маленький клочок бумажки, где был написан позывной, и вышли в эфир.

Во время этой операции я впервые увидел пленного из Голубой дивизии³⁷. Уже после боя он сидел на одном из поворотов и беседовал с корреспондентом. Одеты испанцы были даже лучше немцев: теплый свитер, маскхалат. Подвижность у них гораздо больше, они мобильные автоматчики. Пленный испанец очень симпатично выглядел и несколько не стеснялся. «РОТ фронт... Вы нам помогали... Детей выручали, они обучались здесь у вас...» Вот тогда я задумался: как же так, люди знали, что им помогали, и вот приходится сталкиваться с ними в бою.

Красный Бор мы взяли, а задача была выйти к Пушкину, но даже при помощи кронштадтской артиллерии главного калибра мы продвинуться не смогли.

После Красного Бора мы некоторое время располагались около Волковского кладбища, готовились к операции по форсированию Дудергофки. Линия фронта проходила рядом, поэтому все танки были зарыты: окоп под танком, труба выведена, буржуйка стоит, чтобы масло подогревать. На холодном масле танк

не заведется, поэтому по очереди дежурили, сохраняли боевую готовность машин.

Потом командование решило, что Дудергофку будем брать другим способом. Немцы пунктуальные, обедают постоянно в одно и то же время, в передовых окопах остаются только наблюдатели. Наши сосредоточили два батальона штрафников и обыкновенный батальон, и, когда они начали есть, поднялись, форсировали Дудергофку и заняли другой берег. Форсировать с боем нам не пришлось.

Канашин Иван

Мы участвовали в прорыве блокады и дошли до Синявинских высот. После прорыва, в январе 1943 года, меня направили на шестимесячные курсы младших лейтенантов в Сертолово. Но мы проучились всего 4 месяца, нам присвоили звание и отправили снова на фронт. Я опять попал на Синявинские высоты. Там было тяжело воевать — везде болота. Мы делали землянки, и вода доходила до колен. На нары ляжешь, а вода под бок подходит, и ты весь мокрый. Встаешь — в воду. Немцам лучше было. Мы в болотах сидели, а они на высотах. Им все было видно. Там столько гибло людей наших! Но это не сравнимо с нашими потерями на Невском пятачке. Я там тоже повоевал. Правда, всего 2 дня, а потом меня в голову ранило.

После войны много говорили о том, что не нужен был этот плацдарм. Там только гибли наши люди. Ночью приходило пополнение, за день их никого почти не оставалось. И следующей ночью — опять пополнение. Стреляли со всех сторон. Пятачок маленьким горлышком выходил к Неве, а кругом — немцы. Сколько там полегло — до сих пор неизвестно.

Канашин Иван

Смирнов Юрий

7 декабря сняли нашу 90-ю дивизию с Московской Славянки и перевели в Соцгородок, это рядом. Там мы тренировались, бегали, прыгали, готовились к форсированию Невы. Но мы не попали на прорыв блокады. Первыми прорывать было поручено 136-й стрелковой дивизии Симоняка, которая выглядела получше, не так измотана была, потому что дислоцировалась на полуострове Ханко. Она шла в первом эшелоне, вторым эшелонам — другие дивизии, а наша — третьим, на случай если чья-то атака захлебнется.

Когда соединились Волховский и Ленинградский фронты, прорванный коридор оказался небольшим. А надо было, чтобы там проходил поезд, подвозил питание и боеприпасы. И нашу дивизию направили на расширение этой свободной полосы, чтобы немцы не могли обстреливать поезда, идущие в Ленинград и обратно. Там дивизия провоевала до июня. Бои тяжелые были. Немцы на Синявинских высотах находились, а наши — в болотах. Там ранило меня последний раз, и после выздоровления я уже с пехотой распрощался.

Беляев Павел

С июля 1942 года 61-я легкотанковая бригада, в которой я находился в качестве врача, готовилась к прорыву блокады Ленинграда. Но до этого, когда я еще был в 1-й Краснознаменной танковой дивизии, я участвовал в одной из неудачных попыток прорвать блокаду.

Это происходило там же, где потом соединились войска Ленинградского и Волховского фронтов, в районе 8-й ГРЭС, у деревни Марьино. Ночь, очень холодно было, дали нам по 100 граммов водки и по кусочку сала, одели в белые маскировочные халаты и поставили задачу переправиться через Неву по льду и выбить немецкие войска из окопов передней линии укреплений. Когда мы подошли к Неве, немцы не стреляли, только освещали ракетами, было светло как днем. Но когда мы переправились на другую сторону реки и пробирались по единственной траншее к переднему краю немцев, они открыли ураганный огонь, и от нашего подразделения осталось очень мало людей, много было раненых. Атака не увенчалась успехом, мы возвратились обратно. Я был в таком шоковом состоянии, что не мог даже отвечать на вопросы. Я вспоминаю Михаила Ивановича Калинина, который говорил, что если человек хоть раз побывал в атаке, если ему 20 лет было, добавьте ему еще 10 лет, потому что он за время атаки столько пережил, что и за всю жизнь, может, не переживет. Это действительно так, я проверил на себе.

Коршунов Александр

45-я гвардейская стрелковая дивизия готовилась к наступлению через Неву, всего три батальона. Немцы облили свой берег водой, и он стал, как ледовая горка. Чтобы на нее забраться, мы делали деревянные лесенки, каждая весила килограммов 20 и 2 метра длиной. Мне выдали противотанковое оружие, потому что сообщили, что у немцев танки есть. Вскоре начался штурм, мы побежали с криком «ура» через Неву. Потом по этой лесенке забирались вместе с оружием. Я не смог, скатился вниз, и в это время рядом ударила мина, меня ранило в плечо. Штурм закончился ничем. Три батальона полностью погибли. Мне об этом ребята рассказывали в госпитале. Немцы тоже не дураки, у них разведка сильно работала, они отрезали дивизию с Невского пятачка, первую и вторую линии оставили и ушли далеко вперед. Когда мы дошли до их окопов, нас немцы стали колотить, рубить, в упор стрелять. Там сейчас памятник

поставили всем, кто погиб. А в книгах об этом не писали, потому что наступление не было подготовлено, нас как мясо кидали, вот и не было результата.

Муштаков Порфирий

На Волховском фронте меня назначили начальником штаба дивизиона, потом я стал начальником разведывательного отделения штаба артиллерии 4-й армии. Очень мне памятна история с «Киришским подкопом». Это была строго секретная операция. Руководил ею главный инженер нашей дивизии Сорокин, до войны он был главным инженером метрополитена. Очень талантливый человек. Он со своими саперами из дивизии народного ополчения, которая по приказу Жукова 23 сентября 1941 года стала 44-й дивизией, сделал подкоп около 200 метров. И 30 тонн взрывчатки туда саперы перетаскали. В День Советской Армии, в феврале 1943 года, когда мы начали наступление, они ее подорвали. Я корректировал артиллерийский огонь, сидя на дереве, и все видел. Такой мощный был взрыв! Все на воздух взлетело. У немцев такой переполох начался, трудно вообразить...

Щупляков Эриксон

2 августа 1942 года мне исполнилось 17 лет, и в октябре меня уже призвали в армию в 14-й отдельный линейный запасной полк связи. У Витебского вокзала находился распределительный пункт. Меня спрашивают: «Любишь музыку?» Я говорю: «Очень люблю». — «Все, пойдешь в радисты».

5 месяцев я учился в Ленинградской военной школе радиоспециалистов на Суворовском проспекте. Сдал на 1-й класс, самый большой. И меня отправили на фронт в 46-ю стрелковую дивизию³⁸, под Красный Бор. Служил в батальоне связи при штабе дивизии.

За Павловском, по-моему, колонна наша шла по дороге, а километрах в четырех в сторону находилась деревня, нас — 54 человека лыжной роты — послали в разведку. Двое разведчиков подошли, посмотрели минные поля. В деревне немцы все мирно спали. Мы вошли в деревню, радиостанцию около дома развернули. Вдруг, где-то далеко начались выстрелы, автоматные очереди, гранаты пошли в ход. И сразу немцы стали выскакивать из домов, в одних подштанниках. Мороз, снег, не понимают, что случилось. Из дома, возле которого мы радиостанцию развернули, автоматная очередь раздалась, напарнику Барышникову Володе пятаку отрезало, его ребята схватили сразу, увели. Бросили в дом гранату, пятерых немцев убили.

Прошло, наверное, минут 30, немцы очухались. Оказывается, там их было 2 батальона. Несколько захватили, начали отступать. Бежали километра полтора, а немцы уже начали не только стрелять из орудий, но и из минометов бить. Щербаков, старший лейтенант, приказал оставить все, что можно, и раненых вытаскивать. Несколько человек, которые поближе были, успели вытащить, а остальные так и остались. Потеряли мы 17 человек.

Краснопеев Иннокентий

Меня перевели на Волховский фронт, где я был парашютистом. У меня было 10 прыжков, имел значок «спортсмен-парашютист». Назначили меня врачом в парашютно-десантные роты. Наша рота стояла в Боровичах. Потом ее отправили в 327-ю дивизию. Там я служил старшим врачом полка, в январе 1943 года участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

В Ленинграде я бывал, но не часто. Мне приходилось иногда раненых отвозить в больницу Мечникова. Когда я сдавал раненых на носилках, то мне в лечебном учреждении обязаны были дать носилки взамен. Но они этого не делали, потому что коек не хватало. А в больнице Мечникова на заднем дворе лежала огромная куча носилок, которые они не отдавали. Так я на санитарной машине подъезжал на задний двор со здоровым маузером. А там охрана — старик с берданкой. Я ему говорю: «Ну-ка, дед, отворачивайся». Дед отвернется, а я нагрузу машину носилками и привезу в медсанбат. А без носилок куда деваться? Вот так и промышляли.

Часто вспоминаю бои за рощу Круглая, это уже 1943 год. Это самый сильный укрепленный пункт. И его, когда прорывали блокаду Ленинграда, взяла наша дивизия. Бои были очень тяжелые, много раненых и убитых. Как-то санитаров перебило всех, остался у меня один фельдшер и несколько девушек-сандружинниц.

Возле этой рощи и меня 3 раза ранило. Первый раз в левое плечо, до немцев было всего 100–120 метров, не больше. Причем никакого прикрытия, только рота автоматчиков впереди. Я снял ремень, кобуру, а пистолет положил в карман полушубка. И это меня спасло в какой-то степени. Потому что из винтовки немцы в меня не стреляли. Они любили стрелять по широкому ремню или прямо в бляху. Им ведь было хорошо видно — расстояние небольшое. На второй день впереди меня мина разорвалась, когда я полз к раненому, и меня ранило в руку. А на третий день под лопатку ударило. Ранение тяжелое. Был открытый пневмоторакс — это, проще говоря, дырка в стенке легкого, воздух туда-сюда уходил. Дырка не закрыта, атмосфера сжимает легкое, дышать нечем. Меня перевязали, и я остался помогать, консультировал, как кого перевязывать. Потом пришел замполит дивизии и приказал меня отправить в тыл, в госпиталь.

Санитары положили меня в лодочку-волокушу и поволокли по лесу, по глубокому снегу. Тяжело им было. По дороге повстречался трактор, и они к нему прицепили эту лодку-волокушу вместе со мной. Тут мне туго пришлось: легкое перебито, дышать нечем и еще плюс к этому выхлопные газы от трактора. Я потерял сознание. Они заметили и отцепили меня. Стоят вокруг и обсуждают, что же со мной делать. Они решили, что я умер. Один говорит: «Вывалим его здесь в снег, а сами вернемся на поле боя, может, живого вытащим, для чего нам мертвяка тащить?» А я все слышу, но у меня нет сил даже глаза открыть, дать им знать, что я живой. Но один санитар, я всю жизнь его буду помнить, Садр Иванович Семенов, говорит: «Вы что, ребята, это же наш начальник. Что же мы его родителям напишем, что бросили его под сосной?» И когда

он это сказал, мне так легко стало, и я открыл глаза. Они увидели, что я живой, подхватили и доставили в госпиталь в Боровичи. Оттуда санитарным поездом отвезли в Киров. Там я лечился почти 8 месяцев. Только в августе 1943-го меня выписали. Дали отпуск, я разыскал своих родителей, перед войной они жили в Туле и были эвакуированы в Акмолинск. Повидался, потом разыскал свою будущую жену, она из Ленинграда эвакуировалась. Женился. Отпуск закончился, и меня направили под Москву в автомобильный полк, с ним я и закончил войну уже в Германии.

Куприн Семен

После прорыва блокады в январе 1943 года часть Синявинских высот осталась у немцев. Они там организовали наблюдательный и корректировочный пункт и вели огонь по нашим переправам в районе Шлиссельбурга, по которым шло снабжение Ленинграда. Командование несколько раз принимало меры для того, чтобы взять эти высоты. Но все атаки оканчивались неудачей, потому что пехотные части вели наступление с соседней высоты через овраг. А мы знали, как взять высоты, потому что хорошо понимали местность, видели все своими глазами. Мы решили взять высоту одним саперным батальоном, без пехотных частей, но нужна была поддержка с воздуха и силами артиллерии. Сначала эту инициативу не принимали всерьез. Леонид Говоров, когда командир батальона Иван Иванович Соломатин докладывал план взятия высоты, спросил: «А это у вас не авантюра, серьезно разработанная операция?» Соломатин ответил, что это серьезная операция, все предусмотрено. Тогда Говоров разрешил готовиться к штурму.

Для подготовки в Колтушах была выбрана примерно такая же высота. На ней построили оборонительные сооружения, которые были на Синявинской. Оборудовали такими же траншеями, точно такие же укрепления сделали.

Задача состояла в том, чтобы батальон из 240 человек и рота минеров без шума добрались до высоты и внезапно атаковали немцев, без артиллерийской подготовки. Началась тренировка. Командование батальона садилось на высоту, а мы с 400 метров пытались переползти, не обнаружив себя. Как только что-то стукнуло-брякнуло, так отбой, поднимали всех, и тренировка начиналась снова. В этот период возникло очень много вопросов, которые нужно было решить до наступления. В частности, когда стали наступать ночью, гимнастерки у солдат побелели, и они в темноте были видны. Решили часть гимнастерок заменить. Во-вторых, каска на голове блестела. Стали наклеивать сухую траву на каски. Третий вопрос: как не ошибиться, свой идет или немец? Для того, чтобы различать своих, на шею каждому солдату сделали белые бантики из марли. Далее: чем воевать в траншее, когда дойдет до рукопашной? Штыками? Не развернуться, в траншее очень тесно. Много перебрали вариантов, и, наконец, решили взять саперные лопатки. Их затачивали с трех сторон, и такое оружие не выдерживала ни одна каска.

Тренировались практически всю неделю. Говоров сказал, что сам приедет и посмотрит, как мы подготовились к штурму. Приехал. Продемонстрировали —

все прошло хорошо. Через пару дней нам разрешили провести операцию по захвату Чертовой высоты. Весь батальон передислоцировался на ближайшие подступы. Оборона наша проходила по топким болотам, там раньше были торфяные выработки квадратами, между которыми оставались небольшие проходы. Вот по ним решили ползти, сосредотачивая войска под горой. Для начала штурма командир должен был дать три зеленых ракеты.

Все шло хорошо, только одна рота где-то задержалась. Вдруг немцы открыли огонь, стали бросать гранаты. Но начало штурма произошло чуть раньше, все три роты поднялись и захватили высоту.

Передо мной стояла задача захватить вторую траншею. При штурме высоты потерь почти не было. Несколько человек было ранено и все. Немцы выскакивали из землянок в нижнем белье. Даже в таких трудных условиях они отдыхали комфортно. Высоту они укрепили очень сильно. Подбрустверные ниши были сделаны такими, что ни артиллерия, ни авиация их не могла достать. Но все-таки мы выгнали немцев оттуда. Взвод занял вторую траншею, приготовился к отражению атаки.

Весь штурм прошел всего за 12 минут. Но беды начались после того, как немцы опомнились и организовали контрнаступление. Атака за атакой. Очень большие трудности мы испытывали из-за доставки боеприпасов. Хорошо, что на высоте остались немецкие. Многие забрали у немцев автоматы и патроны к ним, гранаты с длинной ручкой.

Я был ранен на этой высоте, ушел из траншеи и расположился в воронке от снаряда. Ко мне привели пленного немца. Он очень хорошо говорил по-русски, и я его попросил рассказать о себе. Отец у него социал-демократ, брат — ярый фашист. Про себя он не сказал, кем был.

Бойцам было не до нас, они отбивали контратаки, и я тогда решил: «Ты несика меня до медпункта полка». Так и сделали. Я забрался к немцу на спину, вытащил пистолет, загнал патрон в патронник, снял с предохранителя, и так добрался до пункта медицинской помощи, а пленного сдал пехоте. Но на этом наше свидание не окончилось. Меня погрузили на санитарную машину и направили в тыл, на Большую землю. Я сказал водителю, что хочу в Ленинград. Он остановился, я вылез и сел на обочине в ожидании попутной машины. В это время вели пленных немцев, и в их числе шел мой знакомый. Он узнал меня, помахал рукой. Улыбается. Довольный, наверное, что для него война уже окончилась. А меня вскоре привезли в Ленинград, в госпиталь на площади Восстания. Я пробыл там на лечении больше месяца.

Непоклонов Константин

Уже в марте нас направили под Красный Бор — расширять коридор между Ленинградом и Большой землей. А в июле 1943 года мы стали наступать на Синявинские высоты. Меня назначили командиром стрелковой роты 134-го полка 45-й гвардейской дивизии.

Мы уже взяли Синявинские высоты, и меня опять пулей ранило; в левый бок вошла, в правый вышла, отбила дужку позвонка. Саша Малиновский с ребятами меня вытащил и переправил через Неву в госпиталь, в Морозовку. Когда поправился, меня направили охранять склады боеприпасов Ленинградского фронта в Шувалово. Там я встретился со своей будущей супругой. Война уже заканчивалась, 1944 год. Думаю, надо жизнь устраивать. Понравилась она и характером своим, и деловыми качествами, и фигура неплохая была, и я ей сделал предложение. Мы из Шувалова поехали на трамвае на Невский, там зарегистрировались. С 18 июля 1944 года проживаем вместе.

Глава 6

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ХОЛОКОСТ

Осенняя навигация 1941 года на Ладоге длилась до середины ноября. Из города на Большую землю смогли вывезти свыше 33 тысяч человек. Но в Ленинграде осталось около 2 миллионов людей, обреченных на голодную смерть. Зима началась рано. Последний караван шел сквозь лед от Новой Ладоги до Осиновца целую неделю.

Положение с продовольствием в Ленинграде ухудшалось с каждым днем. Нормы по карточкам снизились до минимума: рабочим — 250 граммов хлеба в день, служащим, иждивенцам и детям — по 125. В городе не осталось птиц. Были съедены кошки и собаки. 15 ноября мать убила полуторамесячную дочь, чтобы накормить других своих детей. 17 ноября Ленинград погрузился во тьму, встали трамваи. Смертность в блокадном городе в ноябре — декабре 1941-го — свыше 1,5 тысяч человек в день.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Ганелина Ирина

В сентябре начались обстрелы, я продолжала заниматься в институте. И параллельно работала. Сначала на улице Восстания, там, где сейчас нейрохирургический институт, в госпитале для обожженных, а потом на Каменном острове, в госпитале для легкораненых. Там я проработала до весны 1942-го, пока не уехала.

Для меня в блокаду самым страшным был холод. Обстрелов я как-то не боялась. Я жила тогда на 9-й Советской улице и ходила пешком на Каменный остров. Вот эту дорогу я очень хорошо помню. Мороз 40 градусов, через Марсово поле, по Троицкому мосту, тогда он назывался Кировский, потом по Кировскому проспекту. Длинный путь... Идешь, а мимо люди на санках везут мертвых. Потом еще грузовики появились, из которых торчали неприкрытые ноги трупов.

Я отчетливо помню их. Я всегда старалась себя отвлечь, например считала фонари. Только у меня это никогда не получалось. А бывало, впереди тебя идет человек, и ты хочешь его догнать, а когда подходишь, он уже лежит мертвый.

Я почти каждый день ходила, но иногда оставалась в госпитале ночевать. И продолжала учиться. Я даже два экзамена здесь в зимнюю сессию сдавала. Настоящий голод начался в ноябре. Но для меня самым ужасным все-таки был холод в квартире и... дорога эта, туда и обратно.

Что помогло мне выжить в Ленинграде? Я думаю, во-первых, уверенность, что немцы сюда не придут. Во-вторых, работа. Выживали, скорее, те, кто работал. У нас все-таки были студенческие служащие карточки. И, конечно, в госпитале хоть чем-то подкармливали. Я вот помню чечевичную кашу, потом знаменитую хряпу. Это кочерыжки и зеленые листья капусты. Каждая семья выживала по-своему. У кого были маленькие дети, тем приходилось хуже всех. Ведь запасов в городе никаких не было. Никто не ожидал, что все так быстро произойдет, поэтому городское начальство — Попков, Кузнецов — эвакуацию толком не провели, запасов продовольствия не сделали. Да и люди в августе не хотели уезжать из Ленинграда. Это считалось непатриотично. Никто не понимал, что происходит, а если б понимали, то уехали бы в августе, когда была большая эвакуация.

Комарова Мария

Уже в сентябре было заметно, что есть нечего. Норму хлеба уменьшали и уменьшали. Мы жили в Куйбышевском районе, на Фонтанке, 60, это между Чернышевским (ныне Ломоносова) и Аничковым мостами. Отоваривать карточки я ходила в булочную на Караванную. Шла по Фонтанке. Тропинка — вся в снегу, по уши снег. Вставали в 5 часов утра с соседом-мальчишкой, шли за хлебом. Стояли.

Однажды, когда открыли булочную, там прокричали, что хлеба нет, а мы ползком забрались внутрь. И булочная закрылась. И мы просидели там 2 дня без всякой еды. Что-то ждали. Потом вышла женщина, видимо, директор, и сказала, что хлеба не будет и завтра. Можете идти домой. А мне сосед, Коля его звали, говорит: «Мария, а что мы пойдем домой, с чем мы пойдем?» Он где-то достал водички попить. 4 дня мы ждали. И не только мы, а вся очередь.

Я недавно заходила в эту булочную, на левой стороне там сейчас прилавки стоят. Продают очень много сладкого. Я еще подошла, смотрю, а продавщица говорит: «Что вы, женщина, все смотрите?» А я отвечаю: «Вспоминаю, смотрю, как эта булочная изменилась!» Раньше там были большие низкие окна с широкими итальянскими подоконниками. Мы с Колей сидели на таком подоконнике.

Потом привезли хлеб, стали выдавать, мы отоварились. Мне дали целую буханочку. Хлеб был маленькими буханками и большими, черный такой, больше

дуранды, наверное, клали в него. Мы брали большой — мне казалось, что он вкуснее. Завязали за пазуху и вышли на набережную Фонтанки. Когда мы пришли домой, то узнали, что у меня умер папа, а у Коли мама еле дышала. Они все умерли. И даже этот Коля. Все у нас в квартире умерли.

Мой отец умер от голода 2 января 1942-го, ему было 42 года. Он служил в Куйбышевском районе в местной противовоздушной обороне шофером. Мы на четверых получали 625 граммов хлеба. Отец — 250 и мы по 125 как иждивенцы. Делили, конечно, его хлеб на 4 кусочка. Всем поровну. И тем самым, может быть, ускорили смерть нашего отца. Он нас жалел, любил. Я еще что-то понимала в том, что происходит. А сестре было 12 лет, она все время приподнималась и смотрела, как бы ее не обделили. А отец пришел с дежурства, сел на диванчик и принял так, потерял сознание. Утром, когда мы проснулись, он уже был холодный. Отца, конечно, не хоронили в могиле, а отвезли в Куйбышевскую больницу — там был морг.

Остались мы втроем — мама, я и сестра. В эти дни очень много умирало людей. Сейчас говорят, что самая большая смертность была в конце 1941-го — начале 1942-го. Люди гибли от бомбежки, от артобстрелов, но в основном от голода.

21 февраля скончалась мама. Она была сердечницей, до войны не работала. И мы остались с сестрой. Сейчас вспоминаю и думаю: боже мой, мне еще не было 16 лет, а я уже была кормилицей в доме и имела иждивенца на руках.

Шу Мария

Я училась в школе, и мы занимались сентябрь, октябрь и половину ноября. Я помню, что мы последнее время по школе ходили в зимних пальто. Было очень холодно. Потом занятия прекратились, но мы приходили в школу, чтобы получить тарелку горохового супа. Там было три горошины и вода. Еще нам давали стакан сладкого чая, на сахарине. Я никогда не пила сладкий чай, но брала его и приносила маме. Возобновились занятия где-то в апреле или в конце марта. Программа была сокращена, 10-й класс скомкан. Например, химии у нас не было. Не хватало учителей. Но экзамены я все равно хорошо сдала.

В середине осени в Ленинграде начался самый настоящий голод. Есть хотелось все время. На улицах не видно было ни птиц, ни кошек, ни собак. Их съели. У меня сохранился дневник двоюродной сестры, который она вела в 1941 году. Там есть такая запись: «Один мой сослуживец сегодня рассказал, что поймал в Удельном парке истощенную кошку, пришел домой, зарезал ее и приготовил суп, а из потрохов — прекрасное рагу. На работе ему все завидовали». А дальше сестра пишет, что, пожалуй, и она бы не отказалась попробовать, ведь со слов сослуживца, это было вкусно.

Я помню, как вываривали кожаные ремни и жевали их. Один раз мы с мамой сварили студень из столярного клея. И я совершенно искренне спросила, почему мы никогда не варили такой вкусный студень в мирное время. Потом мы раскололи наши серебряные и золоченые орехи с елки. Они хоть и служили

ЛЕНИНГРАД

С

КАРТОЧКА
 НА ХЛЕБ
 НА ДЕКАБРЬ 1941 г.

Фамилия..... М. П.
 Имя, отчество.....

Карточка при утере не возобновляется

31 XII В 25 гр ХЛЕБ	29 XII В 25 гр ХЛЕБ	27 XII В 25 гр ХЛЕБ	25 XII В 25 гр ХЛЕБ	23 XII В 25 гр ХЛЕБ	21 XII В 25 гр ХЛЕБ	19 XII В 25 гр ХЛЕБ	17 XII В 25 гр ХЛЕБ	14 XII В 25 гр ХЛЕБ	11 XII В 25 гр ХЛЕБ	8 XII В 25 гр ХЛЕБ	5 XII В 25 гр ХЛЕБ	2 XII В 25 гр ХЛЕБ
31 XII Б 25 гр ХЛЕБ	29 XII Б 25 гр ХЛЕБ	27 XII Б 25 гр ХЛЕБ	25 XII Б 25 гр ХЛЕБ	23 XII Б 25 гр ХЛЕБ	21 XII Б 25 гр ХЛЕБ	19 XII Б 25 гр ХЛЕБ	17 XII Б 25 гр ХЛЕБ	14 XII Б 25 гр ХЛЕБ	11 XII Б 25 гр ХЛЕБ	8 XII Б 25 гр ХЛЕБ	5 XII Б 25 гр ХЛЕБ	2 XII Б 25 гр ХЛЕБ
31 XII Б 25 гр ХЛЕБ	29 XII Б 25 гр ХЛЕБ	27 XII Б 25 гр ХЛЕБ	25 XII Б 25 гр ХЛЕБ	23 XII Б 25 гр ХЛЕБ	21 XII Б 25 гр ХЛЕБ	19 XII Б 25 гр ХЛЕБ	17 XII Б 25 гр ХЛЕБ	14 XII Б 25 гр ХЛЕБ	11 XII Б 25 гр ХЛЕБ	8 XII Б 25 гр ХЛЕБ	5 XII Б 25 гр ХЛЕБ	2 XII Б 25 гр ХЛЕБ
31 XII А 25 гр ХЛЕБ	29 XII А 25 гр ХЛЕБ	27 XII А 25 гр ХЛЕБ	25 XII А 25 гр ХЛЕБ	23 XII А 25 гр ХЛЕБ	21 XII А 25 гр ХЛЕБ	19 XII А 25 гр ХЛЕБ	17 XII А 25 гр ХЛЕБ	14 XII А 25 гр ХЛЕБ	11 XII А 25 гр ХЛЕБ	8 XII А 25 гр ХЛЕБ	5 XII А 25 гр ХЛЕБ	2 XII А 25 гр ХЛЕБ
31 XII А 25 гр ХЛЕБ	29 XII А 25 гр ХЛЕБ	27 XII А 25 гр ХЛЕБ	25 XII А 25 гр ХЛЕБ	23 XII А 25 гр ХЛЕБ	21 XII А 25 гр ХЛЕБ	19 XII А 25 гр ХЛЕБ	17 XII А 25 гр ХЛЕБ	14 XII А 25 гр ХЛЕБ	11 XII А 25 гр ХЛЕБ	8 XII А 25 гр ХЛЕБ	5 XII А 25 гр ХЛЕБ	2 XII А 25 гр ХЛЕБ
30 XII В 25 гр ХЛЕБ	28 XII В 25 гр ХЛЕБ	26 XII В 25 гр ХЛЕБ	24 XII В 25 гр ХЛЕБ	22 XII В 25 гр ХЛЕБ	20 XII В 25 гр ХЛЕБ	18 XII В 25 гр ХЛЕБ	16 XII В 25 гр ХЛЕБ	13 XII В 25 гр ХЛЕБ	10 XII В 25 гр ХЛЕБ	7 XII В 25 гр ХЛЕБ	4 XII В 25 гр ХЛЕБ	1 XII В 25 гр ХЛЕБ
30 XII Б 25 гр ХЛЕБ	28 XII Б 25 гр ХЛЕБ	26 XII Б 25 гр ХЛЕБ	24 XII Б 25 гр ХЛЕБ	22 XII Б 25 гр ХЛЕБ	20 XII Б 25 гр ХЛЕБ	18 XII Б 25 гр ХЛЕБ	16 XII Б 25 гр ХЛЕБ	13 XII Б 25 гр ХЛЕБ	10 XII Б 25 гр ХЛЕБ	7 XII Б 25 гр ХЛЕБ	4 XII Б 25 гр ХЛЕБ	1 XII Б 25 гр ХЛЕБ
30 XII Б 25 гр ХЛЕБ	28 XII Б 25 гр ХЛЕБ	26 XII Б 25 гр ХЛЕБ	24 XII Б 25 гр ХЛЕБ	22 XII Б 25 гр ХЛЕБ	20 XII Б 25 гр ХЛЕБ	18 XII Б 25 гр ХЛЕБ	16 XII Б 25 гр ХЛЕБ	13 XII Б 25 гр ХЛЕБ	10 XII Б 25 гр ХЛЕБ	7 XII Б 25 гр ХЛЕБ	4 XII Б 25 гр ХЛЕБ	1 XII Б 25 гр ХЛЕБ
30 XII А 25 гр ХЛЕБ	28 XII А 25 гр ХЛЕБ	26 XII А 25 гр ХЛЕБ	24 XII А 25 гр ХЛЕБ	22 XII А 25 гр ХЛЕБ	20 XII А 25 гр ХЛЕБ	18 XII А 25 гр ХЛЕБ	16 XII А 25 гр ХЛЕБ	13 XII А 25 гр ХЛЕБ	10 XII А 25 гр ХЛЕБ	7 XII А 25 гр ХЛЕБ	4 XII А 25 гр ХЛЕБ	1 XII А 25 гр ХЛЕБ
30 XII А 25 гр ХЛЕБ	28 XII А 25 гр ХЛЕБ	26 XII А 25 гр ХЛЕБ	24 XII А 25 гр ХЛЕБ	22 XII А 25 гр ХЛЕБ	20 XII А 25 гр ХЛЕБ	18 XII А 25 гр ХЛЕБ	16 XII А 25 гр ХЛЕБ	13 XII А 25 гр ХЛЕБ	10 XII А 25 гр ХЛЕБ	7 XII А 25 гр ХЛЕБ	4 XII А 25 гр ХЛЕБ	1 XII А 25 гр ХЛЕБ

А
Б
В
Г
Д
Е
Ж
З
И
Й
К
Л
М
Н
О
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ъ
Ы
Ь
Э
Ю
Я

нам 12–15 лет украшением, но оказались очень вкусными, не высохли и не стали горькими. 18 декабря 1941 года, в день моего рождения, пришел двоюродный брат из Октябрьского района и принес баночку шпрот, чтобы отметить праздник. Мне исполнилось 17 лет. И теперь, когда у меня собираются друзья в этот день, я покупаю баночку шпрот, и обношу всех. Первыми берут те, кто со мной перенес блокаду и те, кто вообще был в блокаде. Это ритуал.

Первая блокадная зима была очень суровая. В квартире замерзла вода, водопровод, канализация. Нечистоты часто выбрасывались через окно, потому что у людей не было сил выносить их. Было холодно и голодно, но зато город немцы обстреливали реже.

Щупляков Эриксон

Уже в октябре еда исчезла. Я у Дворца культуры Кирова нашел кусочек булочки, сетку нашел, хотел поймать хоть воробья какого-нибудь, но он унес булочку, и я ни с чем остался. Кошки, собаки, — все было уничтожено. Что говорить о кошках и собаках, когда ели людей. У меня жена жила на проспекте Майорова, так у них в квартире один предлагал котлеты в 1942 году. Откуда мясные котлеты? А он был людоед. Его жена умерла, лежала завернутая несколько месяцев, а он с нее мясо срезал и котлеты делал. В 1942 году мы зимой спали в пальто, в шапках-ушанках. Если снять ушанку, так вши сотнями выпрыгивали из нее: откуда они брались, неизвестно.

Заместитель интенданта вермахта, специалист по питанию, профессор Цигельмайер подготовил для германского командования аналитическую справку: «Люди на таком пайке физически не могут жить. Поэтому не следует рисковать немецкими солдатами. Ленинградцы сами умрут. Только не надо выпускать ни одного человека через фронт. Пускай их останется там больше, они скорее умрут». Геббельс записал в своем дневнике 10 сентября 1941 года: «Мы и в дальнейшем не будем утруждать себя требованиями капитуляции Ленинграда. Он должен быть уничтожен почти научно обоснованным методом».

Страшной зимой 1941–1942 годов немецкий план уничтожения Ленинграда оказался вполне реальным. Ленинградская блокада стала одной из самых страшных гуманитарных катастроф в истории человечества: ее можно поставить рядом разве что с холокостом.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Авербах Вениамин

Наш пожарный полк снабжали продовольствием через Ленфронт, паек был немножко больше, чем у горожан. Но снабжение наладили плохо. У кадровых пожарных была своя кухня, столовая, а нас закрепляли за райпищеторгами. Их

столовые получали по нормам продукты и готовили для нас. Порядка не было, но мы хоть плохо, мало, но что-то получали. Это, конечно, несравнимо с положением населения, которое не имело вообще ничего.

У меня мать от голода умерла. Мы ничем не могли помочь родным. Некоторые устраивались к нам в полк уборщицами, а в целом мы были оторваны от семьи. Мы уйти никуда не могли, на пожарах были все время.

1942 год был самым тяжелым, и в плане пожаров, и в плане голода. Люди были ослаблены. Бойцы с трудом держали пожарный ствол, наши девчонки помогали им держать.

Вызывали в любое время суток. Мороз, шланги вмерзали в землю, их приходилось изо льда вырубать. На пожарах приходилось бывать до восьми часов сряду в мороз.

Москаленко Нина

Воды нет. Света нет. Даже радио прекратило работать. Я иду, чтобы получить 125 граммов хлеба. Булочная находилась там, где сейчас метро Лиговский проспект. Она вся загорожена мешками с песком. Стоит очередь, чтобы войти. Снег. Холодно. Мороз — 40 градусов. Идут люди. Вот уже лежит человек. Но все проходят мимо, никто не обращает внимания, не поднимает, потому что надо дойти самому. Подходит моя очередь. Я беру карточку, прижимаю близко, чтобы ее не выхватили голодные. Даю. Кусочек хлеба так же сжимаю. Иду обратно. Смотрю, некоторые люди уже лежат, а кто-то сидит на мешках и не может подняться.

Муж сказал, что у церкви, во дворе, лежит мужчина с открытой брюшной полостью. Вынуты все мягкие органы. Это было первое страшное известие, что по улицам опасно ходить. У нас во дворе поймали женщину, которая кушала вырезанные мягкие части из умершего подростка. Она это делала, чтобы спасти свою жизнь. Мы разговаривали, она сказала: «Пальчики были такие вкусные». Я поражалась. Люди, которые имели кошек и собак, любили их, кормили, потом сами их ели. Когда я была у матери на Петроградской стороне, соседка по коммуналке, которая очень любила свою кошку и кормила ее шоколадом, сказала, что она была очень вкусная.

Однажды я сижу у себя в комнате, топится времянка. Мне тепло, но кушать нечего. И муж приносит жмых. А это уже роскошь, особенно конопляный. Жмых, который раньше ели животные. Я его разбивала молотком, засыпала соды немножко, соли и пекла лепешки.

Воды не было. Люди, которые еще могли двигаться, ездили с санками на Неву, набирали воду и, чтобы везти, немножко ее подмораживали. Я же ходила на Обводный канал и брала снег. Не каждый мог выдержать такую обстановку, и физически, и психически. Люди болели от истощения. И называлась эта болезнь дистрофия. Дистрофия вызывала цингу. Ноги покрывались язвами. Десны были все красные, зубы шатались и выпадали. Нам иногда подбрасывали

во дворы еловые веточки. Мы их брали, кипятили и пили. Когда сгорели Бадаевские склады, люди ринулись туда. Моя мама тоже ходила. Она принесла земли с пепелища. Мы ее кипятили, потом процеживали и пили эту воду. Она была сладкая. Когда у меня вообще ничего не было, я жевала стеариновую свечку. Не помню, глотала я ее или нет, но жевала.

Люди ложились в постели и целыми семьями умирали. Были дружины, которые помогали их вытаскивать. А тех, кто падал на улице, обязаны были дворники втаскивать в подвалы.

По Лиговскому проспекту ленинградцы волокли на Волковское кладбище тела своих родственников, зашитые в простыни, на фанерке или на саночках. Ни досок, ни гробов не было. Люди не могли рыть ямы, они просто подвозили тела к высокому железному забору и оставляли там. Шли один за другим с этими ношами.

Ипатов Валентин

Я окончил 9 классов в ленинградской школе на Московском проспекте. 4 ребенка было у родителей. Еще до войны я работал в каникулы, чтобы немножко семью поддержать. В 1941-м наша артель стала производить военную продукцию — малозаметные препятствия — круглые сетки, которые растягивались, чтобы неприятельская пехота в них запутывалась. Мой дом на Средней Рогатке разбомбили, нас переселили на Смоленскую улицу, в школу, и моя артель тоже переехала на Смоленскую.

В первый налет немецкой авиации на Бадаевские склады я с товарищем дежурил на крыше, и нам удалось сбросить вниз одну зажигалку.

Постепенно паек стал меньше, а работали мы много, часов по 12 минимум, потом дежурства разные, ну и без родителей мне было тяжело. К январю я уже плохо ходил.

Умерших от голода сначала хоронили в гробах, как положено, потом зашивали простынями и увозили на саночках. Через какое-то время уже и на это не было сил — выносили умерших на улицу. Каждый день ездили машины, подбирали эти трупы и отвозили в общую могилу.

Я свалился совсем, была дистрофия III степени. Горбункова, врач 123-й поликлиники на Боровой, куда я поселился, мне выписывала молоко. Потом с Волховского фронта отец по разрешению командования приехал в Ленинград, он немножко меня поднял на ноги. Отец мог бы вывезти меня на Волховский фронт, но я был уже нетранспортабельный.

Потом военкомат дал мне путевку в столовую на Московском проспекте, 100, каждый день меня там кормили беленьким дрожжевым супом и чечевичной кашей, которую я очень любил. В мае 1942 года я уже начал ходить, правда, очень тяжело: на лестницу когда поднимался, сначала за штанину ногу поднимал, потом руками подтягивался, таким образом и передвигался. В трамвай еще тяжелее, потому что и там ступеньки. А трамваи пошли, по-моему, 19 апреля.

Поправился я немножко и в конце лета попытался в армию попасть, потому что там было более регулярное питание, хотя тоже не обильное. Меня не взяли, еще раз отправили в столовую. В августе 1942 года меня призвали и отвели на Суворовский проспект, в школу радиоспециалистов.

Короткевич Галина

Я жила на Невском. На углу с улицей Герцена находился гастроном, к которому мы были прикреплены карточками. Я по карточкам получила 200 граммов мясных консервов. Иду и вижу: у первой парадной сидит мужчина лет сорока и пальцами выковыривает из своей банки консервы. Я говорю: «Что вы делаете, нельзя на морозе есть! Давайте я вас домой отведу». Он отвечает: «Девочка, иди, я знаю, что все равно умру. Только сейчас наемся». Когда я дошла до второй парадной, он уже упал.

Мужчины тяжелее переносили голод, чем женщины. Мои дальние родственники жили в Рыбацком. Вася работал инженером на «Большевики». Он был дома один, пришла соседская девочка, и он ее... зарезал. Как скотину, освежевал и засолил в бочке. Сварил суп, накормил дочку, когда та пришла. На следующий день пошел на завод и все подробно рассказал. Его там же, во дворе «Большевика» расстреляли.

Напротив моих окон, зимой, еле шла лошадь с телегой. Она споткнулась и упала. Она еще не умерла, а люди уже ее разрезали на куски. Я говорю это для того, чтобы все знали, что такое кошмар войны.

В Ленинград по ледовой Дороге жизни шло продовольствие, топливо, боеприпасы, а из города вывозили оборудование заводов и перебрасывали на Волховский фронт воинские части. Командование, вдохновленное успешным контрнаступлением под Москвой, рассчитывало в ближайшее время прорвать блокаду. Потому эвакуация людей становилась как бы и ненужной. 12 декабря 1941 года Военный совет постановил: «Отложить эвакуацию из Ленинграда впредь до особого распоряжения».

В январе 1942-го смертность в Ленинграде достигла чудовищных размеров — 4,5 тысячи человек в день.

Выжившие ослабели настолько, что не могли хоронить своих родственников. Вокруг кладбищ скопились тысячи незахороненных трупов. А крематория в городе не было. В районе парка Победы до войны находился кирпичный завод. Было решено его печи использовать в качестве крематория. На вагонетках вывозили трупы, на них же и сжигали, а пепел сбрасывали в карьеры. Ныне здесь пруды. Всего за 1942 год на заводе было сожжено 117 300 ленинградцев.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Белоусова Татьяна

Я окончила курсы медсестер и начала работать в железнодорожной поликлинике. Там же работали мои мама и сестра. Когда прекратил ходить транспорт, мы добирались туда пешком. А когда ослабели, ночевали в подвале вместе с крысами и покойниками, потому что не в состоянии были идти домой. Крысы ходили, ничего не боялись, сидели, чистили брюшко, усики, смотрели на нас. Мы в них бросали что-то. А они сидели, как будто бы тут никого и нет.

Когда началась весна 1942 года, стали призывать чистить город, потому что он весь был залит нечистотами. Вышли работать все, кто как мог, потому что боялись эпидемии.

Потом появились грузовики. Мы понять сначала не могли, что они возят. А это, оказывается, выкапывали так называемых подснежников, людей, которые упали и замерзли. Буквально ломом выкапывали из-под льда и возили колоссальными штабелями. Сначала на Серафимовское кладбище, потом на Пискаревку. Там были братские могилы, куда этих людей сваливали и закапывали.

В парке Победы была какая-то фабрика, там сжигали трупы. Тот, кто еще жив остался, возмущается, что сейчас там устраивают разные ларьки и прочее, потому что этот парк весь посыпан пеплом сожженных людей.

Королева Зинаида

Перестали ходить трамваи, добиралась пешком оттуда, где сейчас станция метро Чернышевская до Старо-Калинкина моста, на проспект Газа, в наше ателье. Последнее понижение продкарточек было 11 ноября, а первая прибавка — 25 декабря. Я сама ката ела. Пришла в семью двоюродного брата, он был на фронте, меня посадили за стол, угостили котлеткой, а потом и говорят: «Зина, а ты знаешь, что ела? Мы убили своего Пушка, это котлетка из него».

Шла один раз на работу рано утром. Увидела напротив парадной красную тряпку. Подумала: помыл человек пол и бросил. А после меня приходят девочки и говорят: «Зина, а ты ничего не видела? Там милиция и народ». А это, оказалось, голова девушки. Мама ее работала где-то поваром, и они продавали на Сенном рынке мясо и то, что можно было на студень сварить.

Я сама лично ела студень из клея. Я получала 250 граммов хлеба. Семья была 7 человек. Папа получал 250 граммов и сестра, это значит 750, и на троих неработающих по 125, вот разделите это на всех. Жгли соль у нас. В тряпочку завернем, сождем и посыпем на хлебушек. Привкус получался такой, будто бы с яичком ели.

Может быть меня спасло еще то, что у одной нашей сотрудницы племянница работала на заводе Степана Разина, и там были жженные соевые бобы, и вот мы их ели. Люди даже землю ели, которую брали на месте сгоревшего Бадаевского склада, она была сладкая.

У меня умер брат, через два дня умерла мама, а еще через день умер отец. Вымыла их, зашила в простынь и рядом положила троих. Выписала акт о смерти у квартального и с сестрой отвезла их в морг, который находился напротив Финляндского вокзала. Накрыла одеялом и написала: прошу похоронить в одну могилу. Они похоронены на Пискаревском кладбище. 15 декабря умерла сестра, ее тоже вымыла, зашила и отвезла в морг. Осталась пятилетняя младшая сестренка. Я ее в детский садик устроила, потом эвакуировали в Алтайский край. Всех детей и военные предприятия эвакуировали. А мне не предлагали.

На улице Москвина, начиная от входа в приемный покой Александровской больницы, трупы были, как дрова в поленнице сложены, как раз по плечо. Это было что-то страшное. Очень много их было. Идет человек, падает и тут же умирает, а помогать ему сил ни у кого не было.

Москаленко Нина

Мы с мужем и знакомая семья военных хоронили детей. Мы — своего двухмесячного ребенка. Нечем было кормить. Результат — вздутие кишечника. Нас

на машине подвезли к Волковскому кладбищу. Вы, наверное, знаете, что его окружает высокий железный забор. Так вот этот забор доверху, в 4 или в 5 рядов был уложен трупами. Но уже без простыней. Это жуткая вещь. Сразу сердце куда-то опустилось в пятки. Мы пошли по кладбищу. Надо было пройти до Дунькиной горки. И вот что я увидела. Стоит пирамида метра 3 в диаметре из женских трупов, во весь рот выставлены, голые, и у всех развернуты ноги. Что за люди это сделали? Было страшно смотреть. Прошла мимо. Молча, не кричала, не плакала. Стоит такая же пирамида из мужских трупов. Иду. За каждым кустиком маленькие детские трупики лежат. И вдруг смотрю: красивая женская голова блондинки, отрубленная лежит. Что дальше было думать? Почти весь город в трупах.

Когда пришла весна, появились грузовики. А нам сказали, что милиция вся умерла с голоду, что у нас вообще мужчин почти не осталось. Даже брали инвалидов в охранные войска. Думаю: каким образом появились эти грузовики? И что в них? Раньше в них, я видела, возили на мясокомбинат скотину. Но теперь, оказалось, возили трупы людей. Грузовики за грузовиками шли на Пискаревское кладбище. Там мой дядя жил. Рядом с его домом динамитом взрывали почву. Грузовики подъезжали и, как мусор, наших ленинградцев в образовавшиеся ямы сгружали. Потом пришлось дяде Мише работать на этом кладбище. Он говорил: «Идешь, тут торчит нога, там голова».

Юркин Григорий

Всю блокаду я был в Ленинграде, от начала до конца. Скопилось очень много трупов, и решением командования Ленфронта поручено было нашему полку собирать их и вывозить на Пискаревское кладбище. Зима была: 30 градусов мороза, земля промерзла почти на 1,5 метра. Инженерному батальону поручили делать траншеи. Пиротехники выезжали по ночам, сверлили лунки в земле, твердой, как гранит, закладывали взрывчатку и взрывами рыхлили землю. Днем саперная рота вручную копала могилы. А нашей противохимической роте пришлось закладывать в траншеи трупы. В течение почти трех месяцев, с декабря 1941-го по февраль 1942 года наша рота захоронила на Пискаревском кладбище 380 тысяч ленинградцев. Представляете, что это значит — 380 тысяч! Уже сами мы еле-еле двигались, потому что питания не было. Из положенных 300 граммов хлеба нам давали только 150 граммов и 75 граммов сухарей, которые даже в воде не размокали, не знаю, из чего они были приготовлены. Рота потеряла более половины людей.

Люди погибали не от снарядов и не от бомб, а от истощения. Часто нас привозили на кладбище на машинах. Жили мы в это время на Московском проспекте. Обрато везти — горючего не было, приходилось идти пешком, многие не доходили до казармы, падали. Мы их в какой-нибудь дом заносили, на следующий день приходили, а они уже мертвые. Или отправляли их в госпиталь, а оттуда — все равно на кладбище Пискаревское. Вот это было самое трагическое.

Машины шли на Пискаревку по Кондратьевскому проспекту, а там был переезд через железную дорогу. Возле него — спуск крутой, а потом подъем, машины часто застревали. А рядом с Богословским кладбищем находился большой песчаный карьер, к нему даже трамвайная линия была подведена, и кто-то додумался сделать над этим карьером эстакаду метров 5 высотой и, наверное, 4 длиной. Так шоферы, вместо того чтобы ехать на кладбище, заворачивали туда и с эстакады сбрасывали трупы. Сколько их туда сброшено — страх и ужас. В радиусе примерно 50 метров лежали трупы, засыпанные немного землей и снегом. На этот карьер 5 лет возили землю, и она все время оседала, пока не установилась совсем. Сколько там было людей, никто не знает, их, конечно, никто не считал. Сейчас там сделана площадка, на которой установлена простая доска, что тут похоронены люди.

Михайлова Ольга

Мой папочка умер в блокаду. 28 февраля 1942 года мне диспетчеры говорят: «Оля, приходи скорее на завод, там отец твой умирает». Я бегом туда. Больница была вся переполнена. Умиравших клали в заводоуправлении на первом этаже. И там мой папочка. Лежит в финском пальто... Это пальто у него еще с Зимней войны осталось. Я к нему наклонилась, шепчу: «Папочка, папочка...» В это время приходит директор завода, говорит: «Доченька, почему ты плачешь? Кто это?» Я отвечаю: «Это папа мой. Ему укол не делают. Я прошу — не делают». А рядом со мной санитарка говорит: «Мы умирающим укол не делаем». Директор добрый был, он попросил сделать. Папа открыл на минутку глазки, посмотрел на меня и закрыл. Умер. Директор мне сказал: «Не беспокойся доченька, мы папу твоего похороним. А мама как?» Я плача, говорю: «Мамочка лежит, уже не встает с кровати». Он достал блокнот из кармана и что-то там записал: «Не беспокойся, доченька. Постараемся помочь». И дальше ушел на обход.

Всю блокаду мне помогал завод. Я очень довольна. Давали разные стахановские талоны, дополнительные. У нас булочная была рядом с домом, мы ходили туда и еще покупали талончики: крупяные, мясные. Денег много было, нам платили хорошо, а куда их девать?

Один раз меня надули. Мама говорит: «Лелечка, сходи, купи хлеба». Рядом с Обводным каналом был черный рынок, и там все продавали, можно было купить что угодно. Я пошла. Вижу, мужчина продает сало и масло. Я купила у него, а когда пришла домой, развернула, мама побледнела и говорит: «Ой, господи боже мой! Что же ты купила? Это не масло, а стеарин». Вот такие мошенники были в блокаду.

Помню еще, когда сгорели Бадаевские склады, мы с девчонками ходили туда за землей. Принесем целое ведро земли, нальем в него воды, а потом процеживаем. Земля была сладкая, и мы пили такой чай. Соседка по коммунальной квартире работала на Кировском заводе в канцелярском отделе. Там был клей

столярный, и она нам давала иногда плиточку маленькую этого клея. Мы варили его и кушали. А потом другая соседка где-то купила мясо. И оказалось, что это человечина. Ее в милицию забрали. Там она рассказала, у кого и где взяла, ее отпустили.

Мама умерла спустя две недели после смерти отца — 13 марта 1942 года. Я пришла домой с работы, а она уже мертвая лежит. Первая мысль была: «Как хоронить?» Я взяла саночки, завязала ее в простынь и пошла по Обводному каналу. Долго шла, на Лермонтовском проспекте, у памятника Лермонтову, складывали мертвых. Там — высокая гора покойников, без простыней, как дрова сложены. Рядом старик сидит в тулупе: «Что, девчонка, привезла?» Я ответила, а он встал, взял тело мамы и на самый верх закинул. Я заплакала, и так в слезах домой пришла. Я осталась одна. Сирота. Дома никого нет. Сидела на кухне и думала: «Хорошо, что папочка успел окна толстыми досками забить, только щелку оставил». Однажды в нашем дворе разорвался снаряд. И осколки попали даже через эту маленькую щелочку на кухню. Меня не было рядом, а то, может быть, и погибла бы.

Вместе с бомбами немцы сбрасывали на город сотни тысяч отпечатанных в типографии листовок, призывающих восстать против комиссаров и сдать город. Однако в Ленинграде появились и рукописные воззвания, которые неизвестные распространяли в самом центре города. «Граждане, требуйте хлеба! Долой власть, от которой мы умираем!» Эти листовки были написаны самими ленинградцами. Одна из них призывала народ в 10 утра собраться на Дворцовой площади и идти к линии фронта — просить войска сдаться немцам. «Не бойтесь! Наши войска — это наши отцы, братья и сыновья. Стрелять они в нас не будут. Не бойтесь ничтожного НКВД, который не в силах остановить голодную массу людей. Голод будет нашим народным вождем!»

Органы НКВД фиксировали стремительный рост опасных настроений. Ленинградцы постепенно поняли: город намертво отрезан, прорвать блокаду не удастся. Ленинград стал огромной ловушкой, в которой большинству придется мучительно умереть. Угроза голодного бунта заставила органы НКВД приступить к решительным действиям. Осенью и зимой 1941-го по Ленинграду прокатилась волна арестов. Большинство задержанных обвинялись в пораженческой антисоветской агитации.

Агентурные дела получали красноречивые названия: «Паникеры», «Нытики», «Клеветники». Людей арестовывали просто за разговоры. Даже двоих-троих недовольных органы считали контрреволюционной организацией. А приговоры для участников организации были суровые — 10 лет заключения или расстрел.

Управление НКВД по Ленинградской области

38

Совершенно секретно

РАССЕКРЕ
 Протокол эксл. ком. № 2 18.11.97
 Сотрудник ар.:
 [Signature] [Signature]
 Подпись

ДЕЛО № 10

Спецсообщения:

о политнастроениях на-
селения г. Ленинграда
и Ленинградской област.

с	12
с	2
п	38

Том № 1

Начато 5 сентября 1941г.

Окончено 11 мая 1943г.

Количество томов: - 2

г. Ленинград

Управление НКВД СССР по Ленинградской области
и городу Ленинграду

З/ЛО

6 ноября 1941 г.

№ 974

СОВ. СЕКРЕТНО

СЕКРЕТНО

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

За последнее время в Ленинграде среди рабочих, служащих, инженерно-технической и научной интеллигенции возросли пораженческие настроения.

Значительная часть лиц в своих оценках дальнейших перспектив войны считает, что войну с Германией Советский Союз проиграл и что Красная Армия не в силах организовать отпор врагу, Ленинград и Москва будут сланы.

Неверие в победу Красной Армии об"ясняют тем, что:

- а) - Красная Армия к войне с серьезным противником не подготовлена и не может противопоставить свою боевую технику немецкой;
- б) - Армия деморализована отступлением и сдачей противнику большой территории и крупных городов;

Осенью и зимой 1941-го по Ленинграду прокатилась волна арестов. Большинство задержанных обвинялись в пораженческой антисоветской агитации

Но порою от голода языки развязывались и у самих чекистов. Сотрудники НКВД в блокадную зиму привилегиями не пользовались. Получали такой же скудный паек, как милиционеры и пожарные.

Известен пример, когда 5 декабря отмечали День Конституции. В Большом доме читали по этому поводу доклад. После мероприятия один из чекистов сказал товарищам: «А по мне, лучше 100 граммов хлеба, чем доклад о сталинской конституции».

В голодном Ленинграде антисоветские выступления были рождены не только отчаянием людей. Госбезопасность разоблачила несколько профашистских групп, которые ждали прихода немцев — составляли списки коммунистов, комсомольцев, евреев, писали листовки и воззвания. Одна из таких групп гордо называла себя «ЗИГ-ЗАГ». Что означало: «Защита интересов Германии, знамя Адольфа Гитлера».

Из показаний одного из главарей организации «ЗИГ-ЗАГ» Виталия Кошарного: «Задачи нашей организации: проведение антисоветской агитации, распространение листовок, срыв продовольственного снабжения в Ленинграде».

Впрочем, защитники фашизма в политике смыслили мало. Все 12 человек были обычными мелкими жуликами. Хотя листовку и написали, главное их занятие — подделка документов и продуктовых карточек. Встать под знамена Адольфа Гитлера придумал другой главарь — Михаил Баскин, который раздобыл типографский шрифт. Он собирался печатать удостоверения фашистской организации «ЗИГ-ЗАГ» солидным тиражом. Баскин разработал бизнес-план. Когда немцы вернутся в Ленинград, удостоверения можно будет продавать за хорошие деньги ленинградским евреям. Но полет его бизнес-фантазии оборвали ленинградские чекисты.

В створе с директорами магазинов зиг-заговцы расхитили в блокадном городе около 17 тонн продовольствия. Военный трибунал не посчитал возможным сохранить преступникам жизнь.

Ситуация в городе ухудшалась с каждым днем, и ленинградскому руководству все-таки удалось убедить Сталина утвердить решение о массовой эвакуации. Она началась только 22 января 1942 года. До спасительного восточного берега Ладоги в январе блокадники добирались несколько суток. В среднем за день из города перевозили более 7 тысяч человек.

По Дороге жизни с 22 января по 15 апреля 1942 года было эвакуировано 554 тысячи человек. Если бы массовую эвакуацию начали раньше, в декабре 1941-го, спасти удалось бы еще почти 300 тысяч ленинградцев.

По Дороге жизни с 22 января по 15 апреля 1942 года
было эвакуировано 554 тысячи человек

ВОСПОМИНАНИЯ:

Ганелина Ирина

В конце февраля 1942 года я эвакуировалась по льду Ладожского озера. По дороге нас не бомбили, но ехали тяжело, очень долго. Я почему-то до сих пор помню запах бензина, удушливый. Ощущения страха от этого переезда у меня не было. Сначала мы приехали в Жихаревку, там нас накормили, потом погрузили на поезд, в товарные вагоны. Поезд шел в Нальчик — туда, куда вскоре немцы пришли. По дороге у многих началась дизентерия, их высаживали. А меня спасло то, что кто-то из врачей дал мне новое лекарство — сульфидин. Я этим спаслась.

Я очень хотела дальше учиться в институте, поэтому решила ехать не в Нальчик, где не было мединститута, а сошла с поезда в Куйбышеве и поехала в Ташкент. Вообще эвакуация проходила странно, порой поезда с людьми отправлялись в такие места, которые находились под угрозой немецкой оккупации. Например, студенты медицинского института уезжали в апреле на Кавказ. Среди них была моя двоюродная сестра, студентка второго курса. Они прие-

хали в Пятигорск. Студентов младших курсов отправили на сельхозработы. В это время немцы наступали. Ректор увел старшекурсников через Сухумский перевал. А те, кто был на сельхозработах, вернулись в Пятигорск, а уже совсем близко подошли немцы. Сестра совершенно случайно спаслась, ее родственник забрал в Днепропетровск, он с госпиталем туда уезжал. А все, кто остался, либо погибли, либо находились в оккупации.

Басистов Юрий

В Ленинграде было страшно в блокаду. Я знаю, что творилось: трупы на улицах, обстрелы, бомбежки. Мы в город приезжали как-то с опаской, казалось, что на фронте спокойнее. Но мыслей, что не выстоим и город сдадим — не было. Встречал ли я людей, которые сомневались? Да, пожалуй, встречал.

У меня мать в городе в блокаду жила на Литейном проспекте. Голодала сильно, я, как мог, помогал. И ей говорил: «Ничего из вещей не жалея, продавая все, чтобы прожить». В городе был черный рынок. К сожалению, встречались люди, которые наживались на чужом горе. Кто-то даже собирал картины русских мастеров, которые можно было за килограмм пшена купить.

Шу Мария

Поменять вещи на продукты было нелегко, но возможно. Например, у меня в доме жила работница какой-то столовой. Она у меня купила шкаф дубовый зеркальный за килограмм гречневой крупы. Это было уже в 1942 году. Или вот другой пример. У нас булочная была на Мичуринской улице. Моя приятельница, внучка дворянки, взяла прекрасные золотые серьги, оставшиеся от бабушки, дождалась закрытия булочной, зашла туда последней и сказала: «Вот серьги. Дайте мне буханку хлеба». И ей дали.

Москаленко Нина

Люди, которые имели деньги или золото, могли выменять на них буханку хлеба. Или любой другой продукт. Действовали какие-то каналы, но не все об этом знали. И не все это могли делать, потому что почти ни у кого денег не было.

Белоусова Татьяна

Один раз я пошла на барахолку менять папин костюм. Мы почти все его вещи поменяли на продукты, оставили только этот костюм: вернется с фронта, будет что надеть. Получила баночку железную с крупой. Счастливая пришла домой. Решили с мамой, что нам ее надолго хватит, а оказалось, что крупы было чуть-чуть, а внизу насыпан песок речной.

Дорога жизни не могла полностью обеспечить город продовольствием. Но даже то, что поступало в Ленинград, нередко таинственно исчезало. Многие ленинградцы не могли получить свой паек, целыми днями выстаивая в очередях. До марта 1942 года карточки ленинградцев полностью не отоваривались. Даже те скудные блокадные 125 граммов хлеба иждивенцам было порой не получить. При этом на черном рынке продукты не исчезали. Спекулянты продавали хлеб, масло, сахар, но в сотни раз дороже, чем в магазинах. Очевидно, продовольствие поступало на рынок из торговой сети. Органам НКВД была поручена несвойственная госбезопасности задача — навести порядок в снабжении населения продуктами.

Чтобы проникнуть в торговую мафию, чекисты вербовали агентов в магазинах и Ленпищеторге. Жулики, попавшиеся на малом, охотно становились осведомителями и выдавали всю цепочку расхитителей. Среди них встречались и простые продавцы, и снабженцы высокого ранга. Подделывали документы, обвешивали, мешали продукты с водой и олифой. Только через один магазин разворовывались тонны продовольствия.

В спецсообщениях НКВД расхитителей продуктов называли «хищниками». Для «хищников» не было проблемы выживания. Был удачный момент, чтобы разбогатеть. При обысках на квартирах торговых работников обнаруживались ценности на миллионы рублей, десятки тонн продуктов. Их распределяли по госпиталям и детским учреждениям. Госбезопасности в первую блокадную зиму удалось вернуть ленинградцам объем продовольствия, равный 3—4-х дневному потреблению.

Аналитики германской разведки пытались объяснить, почему ленинградцы не подняли бунт и не открыли фронт. Они писали в донесениях про голодную апатию, тупую покорность власти, страх перед НКВД. Но была и другая правда, которая не поддается объяснениям и расчетам.

Известная ленинградская художница Остроумова-Лебедева всю блокаду вела дневник. Записи в нем сугубо личные, порою резкие, точно не для советской печати. Но есть в дневнике и такая запись: «17 ноября 1941 года. Голод. Страшный голод и, кажется, нет выхода. Но я всем существом своим, умом, душой и сердцем сознаю, что нам сдавать немцам Ленинград нельзя! Нельзя! Лучше нам всем умереть».

Из донесения немецкой разведки 2 января 1942 года: «Немецкое военное командование не перестает удивляться упорству и стойкости русских. Это ничего не меняет в их отчаянном положении в Ленинграде, но все же около десяти немецких дивизий остаются связанными на этом фронте».

ВОСПОМИНАНИЯ:

Москаленко Нина

Восстания не могло быть. Нас с детства воспитывали пионерами, комсомольцами. У нас закалка, другой внутренний мир. Мы все плохо жили. Мы не знали, что люди по-другому могут жить. Однажды выступил Сталин. Он сказал: «Жить стало лучше. Жизнь стала веселей». Не знаю, что у нас тогда преобразовалось, но правда, улучшилось что-то. Закалка была советская. Мне даже не представлялось, что мы можем думать по-другому, что может быть восстание. Это невозможно. У нас не было такого сознания. Я по себе сужу.

Шу Мария

Весной 1942 года по всему городу вскопали огороды, всюду, где была земля. На Марсовом поле, прямо на Большом проспекте, во дворах. Помню, преподавательница из школы даже угощала меня редиской. Потом мы собирали какую-то траву съедобную. Весной и летом еще было плохо с продуктами, и организм был очень истощен. Мне кто-то сказал, что надо есть крапиву, и я ела, просто сырую. У меня была цинга на ногах. Ноги раздулись, из язв сочилась вода и кровь. Температура тела доходила до 40 градусов. В то время врачи практически не обслуживали простой народ. Из школы мне прислали витамины и таблетки со вкусом помидоров. Видимо, выжимка какая-то. Потом мне кто-то сказал, что надо есть сырую картошку. Я обменяла зимнее пальто на несколько картофелин. Вымыла клубни и ела с шелухой, кусками. К школьным экзаменам я кое-как поправилась.

С марта 1942 года началась очистка города. Мы ломом и лопатами отбивали грязный лед и грузили его в емкости, похожие на ванны, и отвозили на санках в район Петропавловской крепости. Однажды мы наткнулись на замерзшего человека подо льдом.

Надо отдать должное руководству Ленинграда, они вовремя занялись уборкой города, ведь не было никаких эпидемий.

Когда я окончила школу, устроилась уборщицей, чтобы получать служебную карточку. Работать мне было тяжело из-за слабости и истощения. Мне часто помогали. Так я продержалась август и сентябрь. А в октябре устроилась в госпиталь № 1359. Когда поступали раненые, надо было переносить их, мыть, кормить и многое другое. Если у меня было свободное время, то я ходила в палаты и читала раненым книги. Отношение к раненым было хорошее и со стороны медсестер, и со стороны врачей. Было неплохое питание. Я когда попала в госпиталь, даже не голодала, а порой ела впрок.

Щупляков Эриксон

Весной 1942 года, только травка появилась, — начали ее собирать и вырывать друг у друга. В конце марта врачи и медсестры обходили дома, осматривали,

Огород у Мечети на Петроградской стороне Ленинграда

записывали, сколько кого осталось, особенно детей. Послушала меня врачаха, написала — в госпиталь. У сестренки Верочки — кровавый понос, Ирочка — с воспалением легких. Ей надо было хорошее питание для легочников, а ничего же не было. Врач вывела мать и говорит: «Мамочка, вашей дочери нет, у нее не легкие, а гармошка». Первая Верочка умерла, за ней — Ира.

Я в госпиталь своим ходом пошел, но по дороге потерял сознание. Военные помогли, довезли до госпиталя, и дней 8–9 я лежал без сознания, ничего не соображал. А там учительница из нашей школы работала. Она меня узнала. То витаминку у врача попросит, то еще что-то. Словом, подкармливала. В четырех госпиталях я побывал, в августе 1942 года меня выписали.

Белоусова Татьяна

Зима была страшно тяжелая. Тем, кто ее пережил, потом уже стало легче. Было распоряжение вскапывать все парки, скверики, нам дали семенной материал. Выдали по полкилограмма картошки, сказали, чтобы мы не смели ни одной картофелины съесть. Ее проращивали, потом резали на глазочки. Дали по пакетику семян морковки, лука.

На Боровой, 55, где я работала с мамой и сестрой, был большой сквер. Его превратили в огород. Такого ухоженного огорода потом никто не видел: мы ходили, каждую травинку срывали. Морковку, когда вырывали, обводили сначала пальцем вокруг, чтобы проверить, выросла большая или нет. Если не очень большая, то мы ее оставляли. А потом, когда мы пошли снимать свой урожай картошки, тоже пальцем стали проверять, а картошки никакой не было. Ее кто-то выкопал, — такой был печальный конец.

Глава 7

Ладога

Ладога — самое большое озеро в Европе. Местные жители называют его морем. И в этом нет никакого преувеличения. Здесь часто бывают шторма более 8 баллов. И продолжаются они по несколько суток. Волны могут достигать высоты 5 метров. Горе тому, кто попал в шторм. На обычной лодке можно продержаться минут 10—15, не больше. Суровая Ладога. Но именно она стала единственным шансом на спасение огромного города — Ленинграда.

В начале блокады ни немецкое командование, ни советское не понимали в полной мере, что кольцо сомкнулось не полностью. В осадной линии есть брешь — Ладожское озеро.

Первыми Ладогу использовали связисты. Для связи Ленинграда с Большой землей по дну озера проложили телефонный кабель. Сначала — обычный городской телефонный провод. Но через два дня он порвался. Тогда проложили речной бронированный кабель. Этот продержался 5 дней. Наконец, стали класть морской бронированный подводный кабель. Толщина его — в две руки. Вес одного километра кабеля — почти 8 тонн. С огромным трудом катушки из Ленинграда доставили в Осиновецкую бухту. Водолазам пришлось работать по ночам, в шторм, под обстрелами. Но к концу октября у Ленинграда была надежная связь со страной.

Положение с продовольствием в Ленинграде становилось катастрофическим. Запасов не было. Очевидно, что без подвоза продуктов с Большой земли ленинградцы и бойцы Красной армии к началу зимы вымерли бы от голода. Руководство осажденного города вначале видело шанс на спасение в налаживании воздушного моста между Ленинградом и Большой землей. 50 американских самолетов «Дуглас» обеспечивали перевозки, но каждый из них мог доставить лишь 1,5—2 тонны продовольствия. Это не могло обеспечить и 10 % минимальных потребностей города в продуктах питания. К тому же, в небе гос-

подставала немецкая авиация. Поэтому единственным средством спасения города стало создание водного пути по Ладожскому озеру.

До войны организованного судоходства на Ладожском озере не было. Караваны судов шли в обход — по Новоладожскому каналу, который оказался в руках немцев. Систему судоходства следовало создавать с нуля. На Ладоге отсутствовало все: порты, причалы и даже не было кораблей, способных противостоять морской стихии. В сентябре 1941-го в 50 километрах от Ленинграда на западном берегу Ладоги началось строительство нового порта.

Место для порта выбрали в бухте Осиновец. Это маленькая рыбацья гавань, мелководная, усеянная каменными рифами. На берегу — маяк, один из самых крупных в Европе. Высота — 70 метров. Огонь с маяка виден на 22 морских мили — в привычном исчислении это почти 40 километров. Стены маяка очень толстые — у земли 3 метра. Немецкие самолеты неоднократно пытались разбомбить его, но с воздуха маяк — почти что игла. Он шатался от взрывов, но устоял.

Уже в конце сентября в Осиновце были построены первые два причала, проложена узкоколейная железная дорога. Для подхода судов и барж дно бухты пришлось углубить на 2 метра. Все перевозки были возложены на Ладожскую военную флотилию.

Главная база Ладожской флотилии разместилась в городе Новая Ладога на реке Волхов. Здесь расположились штаб и все тыловые службы. По берегам Волхова выстроили примитивно оборудованные доки. Со всех окрестных озер и рек сюда стащили деревянные баржи, буксиры, катера и лодки. В мирное время в Ладогу с ее ветрами и штормами они даже не пытались выйти. Но война заставила.

Командующим флотилией с октября 1941 года назначили капитана 1-го ранга, а затем вице-адмирала Черокова.

Виктор Чероков — уникальная фигура в истории советского Военно-морского флота времен Великой Отечественной войны. Его Ладожская военная флотилия не потерпела ни одного поражения за годы войны.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Прикот Сергей

Я капитан 1-го ранга в отставке, кандидат технических наук. Прослужил в Военно-морском флоте 29 лет. Войну прошел с первого до последнего дня: и Финскую, и Отечественную. После — служил, командовал кораблями всех рангов. Был строгим, но подчиненные говорили, что считали меня отличным капитаном. Командовал крейсером «Чкалов», с этой должности и уволился.

ДОСЬЕ:

Виктор Сергеевич Чероков. Родился в 1907 году на границе с Ираном, в предгорьях Зангезурского хребта, в городе Ордубаде. Отец - мировой судья. В середине 20-х по комсомольскому набору поступил в Ленинградское военно-морское инженерное училище имени Дзержинского. По окончании служил на торпедных катерах. Затем учился в Военно-морской академии. За 10 лет прошел путь от командира торпедного катера до командующего флотилией.

Вся структура Ладожского порта была подчинена Северо-Западному речному пароходству. А речное пароходство подчинялось Ладожской военной флотилии. Командующий находился в Новой Ладоге, где осенью 1941 года создали военно-морскую базу. Чероков — капитан 1-го ранга — невысокого роста, симпатичный, говорил с восточным акцентом. Он очень тихо разговаривал. Никогда не слышал, чтобы он повышал голос. Он спокойно выслушивал любой доклад, спокойно отдавал распоряжения. Все его с уважением встречали. Он был абсолютным авторитетом и для офицеров, и для матросов. По крайней мере, никаких шуток и анекдотов о нем не было.

Ладожская флотилия в начале войны состояла из двух сторожевых кораблей: «Конструктора» и «Пурги», дивизиона из шести «морских охотников». В стадии перевооружения находились канонерские лодки, которые переделывали из бывших землевозов. Зашивали им днища и ставили на них артиллерию. И был ряд мелких судов, таких как «ка-эмки», разъездные катера-рыбницы, тральщики, буксиры.

Северо-Западное пароходство тоже не отличалось сильным составом. Были баржи деревянные грузоподъемностью примерно 300–400 тонн, большинство из которых годилось только для плавания по каналам в тихую погоду. Буксиры тоже не очень подходили для Ладоги в шторм. Примерно половина из них, типа «Ижорца», могли плавать в открытом озере, а остальные — только в прибрежных водах или каналах. Имело пароходство и несколько мореходных буксиров. Многие гражданские суда переделывались под военные.

Ладога очень трудна для плавания из-за неустойчивой погоды. Часто случаются резкие и быстрые переходы от полного штиля до внезапно начинающегося шторма, который сильнее, чем на море, так как волны круче и разрушительнее. Ладога характерна своей непостоянностью.

В этих условиях осуществлялись все перевозки в начале войны. Скороходных судов не хватало. Барж к зиме осталось считанное количество. Зимой 1941–1942 годов строили флот на Балтийском судостроительном заводе в Ленинграде и у бухты Гольцмана. Собирали стальные и деревянные баржи большой грузоподъемности, годные для плавания в открытом озере. Людей на них не перевозили, только в исключительных случаях. Для людей оборудовали помещения на тендерах, не особо комфортные, но вполне терпимые, скамейки были, кипяильник, бак с водой.

Уже в начале сентября в Осиновец с Большой земли пришли первые две баржи, груженные мукой. Из города стали вывозить оборудование, станки, высококвалифицированных рабочих и инженеров.

8 октября 1941 года на Ладоге проводилась секретная операция. По приказу первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Андрея Жданова из Ленинграда вывезли часть заключенных.

Ночью в Осиновец привезли 2,5 тысячи человек — врагов народа. Погрузили всех на баржу, набив трюмы до отказа, буксир подцепил судно и потащил по Ладоге. Успели пройти часть пути, и тут начался налет немецкой авиации. Буксир был потоплен. Трое суток баржа с экамами простояла на рейде. Еды не было. Надзиратели даже не давали воды заключенным. Несколько раз обезумевшие люди пытались вырваться из трюмов, но их останавливали пулеметными очередями. Трупы выбрасывали за борт. К концу четвертых суток подошел новый буксир и дотащил баржу до Большой земли. На переключке не досчитались 700 заключенных.

По Ладоге для судов проложили две трассы: большую и малую. Первый путь, длиной почти 110 километров, связывал Осиновец с Новой Ладогой. Второй — короткий, всего 30 километров, шел от Осиновца до Кобоны. Малая трасса проходила всего в 10 километрах от линии фронта, и береговая артиллерия гитлеровцев непрерывно обстреливала наши суда. В небе над Ладогой постоянно кружили немецкие самолеты. Их атаки отбивали наши боевые катера — «морские охотники».

Сторожевой катер «морской охотник» МО-215 в просторечии называли «мошка». Несмотря на прозвище, моряки этот катер очень уважали. У него были отличные мореходные качества: скоростной, маневренный, не опрокидывался в шторм, легко входил на волну. А самое главное — очень живучий. Бывали случаи, когда «мошки» возвращались на базу после боя даже с оторванной кормой.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Прикот Сергей

На Ладоге действовало 20 «морских охотников», не более. Я их знаю по номерам. Это была главная боевая сила Ладожской флотилии. Они несли дозорную службу, охраняли военно-морские базы, морские дороги, коммуникации, но главное — охраняли малую трассу Морье — Осинец и Осинец — Кобона и большую трассу Морье — Новая Ладога и Осинец — Новая Ладога. Они конвоировали караваны. В обязанности катеров входила охота за подводными лодками. На «морском охотнике» никакой защиты не было: мостик обтянут парусиной, боевая рубка из дюралюминия. Я бывал на передовой, там хоть можно в какой-нибудь ров укрыться, а здесь негде скрываться. Было страшно, ведь бежать некуда. Находишься вместе со всей командой, с артиллерийскими и пулеметными расчетами.

Для «морских охотников» одиночный самолет не представлял опасности, если его своевременно обнаружить, — открывали огонь и отражали налет, а если прозевать — то могли утопить. Я помню случаи. Прямо из тумана вывалился «мессершмитт» и начал стрелять. Мы открыли огонь, но он уже был низко и вышел из угла обстрела. Трасса от пулемета прямо по нему прошла, но у него бока бронированные, мы его не сбили. Практически не было ни одного перехода до Новой Ладоги, в который мы бы не подверглись налетам.

Путь по Ладоге от Осиновца до Кобоны — примерно 30 километров. У Твардовского есть строки: «Переправа, переправа! Берег левый, берег правый... Кому память, кому слава, кому темная вода». И здесь, на Ладоге, примерно так было. Это путь, который почти непрерывно подвергался бомбежке с воздуха и с берега артиллерией. Здесь наши «морские охотники» несли постоянный дозор. Только они обеспечивали безопасность тендеров, барж, буксиров, иначе их фашисты утопили бы.

Погоняев Павел

Задача «морских охотников» — поиск и уничтожение подводных лодок противника. А еще они должны были сопровождать корабли, которые шли с грузом из Ленинграда и обратно. «Морской охотник» имел две 45-миллиметровые пушки, 2 пулемета ДШК. Скорость — до 27 узлов. Очень удачная конструкция судна, хоть и из дерева. В любых операциях «морской охотник» был пригоден.

Я служил во 2-м дивизионе «морских охотников». Мы должны были охранять Дорогу жизни. Летом — на судах, а зимой снимали наши орудия, вывозили на лед и оборонялись от авиации на суше. До 1942 года был один дивизион «морских охотников», который базировался в Новой Ладоге, а с начала навигации сформировали 2-й дивизион, который базировался в бухте Морье. В нем было 8 или 9 катеров и канлодки. Я служил сигнальщиком, по боевой тревоге вставал в расчет кормового орудия. У нас на катере все имели по несколько

специальностей. Я мог и двигатели запускать, и на штурвале стоять, и бомбы сбрасывать.

Немецкая авиация вела интенсивные налеты на наши базы и корабли. Советских самолетов было очень мало, немцы господствовали в воздухе. Они совершали так называемые звездные налеты. Собирались в массу и с четырех сторон летели бомбить одну и ту же цель. Одна волна самолетов проходила, за ней — следующая. И в ту же цель. Это были налеты на полное уничтожение. Однажды мы стояли в порту Кобоны. А тут — летят. Стеной. Объявили боевую тревогу, мы сразу запустили двигатели и — на выход из гавани. А немецкие самолеты преграждают выход кораблям из бухты, бомбят. От взрывов черная стена стоит. Я тогда находился на пулемете. И хоть не достать самолеты пулеметным огнем, но пока стрелял, было не так страшно. Любой человек может потерять самообладание.

Мы пытались пробиться через стену дыма, огня и взрывов и выйти в открытую Ладогу. Каким-то чудом выскочили. А когда возвратились обратно в гавань, были просто в шоке. Один буксир затоплен, баржи разбиты. Валуны огромные, которые веками лежали здесь, выкорчеваны бомбами. Из ям, где хранили мазут — черный дым. Все горело.

Когда пустили тендеры с эвакуированными ленинградцами из Осиновца, нам приходилось конвоировать колонну. Тендеры очень тихоходные, маневренно-

20 ноября 1941 года по Ладоге прошел первый санный обоз от Осиновца к Кобоне.
На каждой подводе — 2–4 мешка муки

сти никакой. При налете немецких самолетов они — удобные мишени. Прилетит, прострочит по корпусу — сразу много раненых и убитых. Помню, подходим мы к одному тендеру после налета, а оттуда — невероятный детский крик. Нам с баржи подают завернутый в одеяльце комочек, а он весь в крови. С него даже кровь капает. Мы его взяли, боцман положил на палубу, а ребенок орет вовсю. Тогда боцман принес сахар, завернутый в тряпочку, и сунул его младенцу вместо соски. Тот и замолчал. А потом снова расплакался. В Кобону прибыли, и сразу его в медсанбат. Думали, что ранен младенец, и орет от боли. А оказалось, что на нем нет ни одной царапины. Во время налета мать его прижимала к себе, осколки снаряда прошли через нее и залили кровью одеяло, не причинив младенцу вреда. Вот так мать и спасла ребенка.

Харьков Николай

Кобона до войны представляла собой рыбацкое селение. Потомственные рыбаки передавали из поколения в поколение секреты рыбного промысла. Еще здесь выращивали овощи в колхозе, других производств не было. Были почта и клуб.

В Кобоне решили устроить порт. От него ходили буксиры, пароходы и баржи до противоположного берега — до деревни Морье. Это 108 километров по Ладожскому озеру. Очень тяжелый путь, опасный, были большие потери. Осенью 1941 года эвакуировали курсантов двух училищ, во время налета все погибли, утонули. Вода уже была очень холодная, пару минут только можно было продержаться, и течение на Ладоге сильное, особенно подводное.

Еще в сентябре Жданов вызвал гидрологов, которые начали разрабатывать проект ледовой трассы. 20 ноября по Ладоге прошел первый санный обоз от Осиновца к Кобоне. На каждой подводе — 2—4 мешка муки.

Хотя Сталин санкционировал открытие ледовой дороги, но сделал приписку: «Предупреждаем Вас, что все это дело малонадежное и не может иметь серьезного значения для Ленинградского фронта».

22 ноября Военно-автомобильная дорога № 101 была введена в эксплуатацию. В этот день из Осиновца в Кобону за продовольствием ушла первая колонна из 60 машин. Спустя сутки она вернулась, груженная мешками с мукой. Но лед был еще настолько хрупким, что двухтонные грузовики приходилось заполнять только наполовину. Ледовую трассу от Осиновца до Кобоны прокладывали в непосредственной близости от вражеских позиций. Дорога простреливалась немецкой дальнобойной артиллерией с Синявинских высот. Перевозки по Дороге жизни стали настоящими боевыми операциями.

За время блокады на ледовой дороге было задействовано более 4 тысяч автомобилей. Каждая четвертая машина — не вернулась из

рейса. Провалилась под лед или была расстреляна немецкими самолетами. Летчики и моряки до сих пор говорят, что в ясную спокойную погоду сквозь прозрачную воду Ладоги можно увидеть остовы блокадных грузовиков.

Несмотря на все старания, ледовая дорога не справлялась с планом перевозок, установленным Военным советом Ленинградского фронта — 1200 тонн продовольствия и топлива ежедневно. Реально привозили в 2 раза меньше из-за нехватки топлива для машин.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Трофимов Игорь

Я служил до войны в Петергофе, в 29-м автомобильном полку. На второй день войны меня командировали в распоряжение военкома города Ломоносова, и там я вместе с офицером дней 10 развозил по району мобилизационные повестки. Потом вернулся в свой полк и готовился к эвакуации в Ленинград. Нас разбили на батальоны, каждый из которых базировался в своем районе. Один — в Таврическом саду, другой — на Крестовском острове, а мой 388-й батальон оказался на набережной Робеспьера. Мы помогали эвакуировать заводы, возили рабочих и оборудование на Ржевский аэродром, а туда уже прилетали за ними «Дугласы».

На Ладожское озеро мы прибыли 15 или 16 ноября. Разместились в 8-м Рабочем Поселке. Вырыли себе землянки и стали ждать ледостава.

Я выехал в первый рейс по льду в ночь с 29 на 30 ноября. Заранее подготовил машину: снял дверцы, правую фару, на левую фару надел маскировочный щиток. У нас была колонна из 12 машин под командованием младшего лейтенанта Литвинова. Съехали на лед. Вокруг — все черно. Куда ехать? Никаких вещей не было еще. Проехали километров 10, смотрим: с правой стороны показались огоньки. Оказывается, это немцы, боясь нашего десанта, запускали ракеты. Наш путь проходил всего в 10–12 километрах от их позиций. Едем дальше, ориентируемся по этим огонькам. Еще проехали километров 15. Смотрим: на озере опять огонек. Командир говорит: «Останови машину, я сориентируюсь». Оказывается, мы были недалеко от островов Большой и Малый Зеленец. Колонна машин подтянулась. Друг от друга шли в 50–60 метрах,

Трофимов Игорь

потому что лед был очень тонкий. Командир вернулся и говорит: «Правильно едем, впереди — Кобона». Немного поплутали, до Кобоны добрались к 6 часам утра. Из 12 машин доехали только 8. Двух шоферов мы потеряли — Гришу Федорова и Ивана Савицкого, они служили со мной в одном взводе. А еще двое — спаслись, они выпрыгнули из машин.

В Кобоне загрузили по 8 мешков муки на каждый грузовик, заправились, немножко отдохнули и часов в 10 тронулись в обратный путь. Добрались нормально, все 8 машин вернулись на западный берег Ладожского озера. Вскоре рейсы стали регулярными. Проложили колею, поставили регулировщиков. Трасса начала работать с 22 ноября. Мы делали по 2 рейса каждый день в Кобону и обратно.

Сидоров Александр

Продовольствия в городе не хватало. Наша авиация привозила продукты, но это было каплей в море. Старались как можно больше людей вывезти, а граждане наши не хотели, между прочим, уезжать из Ленинграда, особенно пожилые люди. Санитарные службы и милиция выдавали жителям предписание эвакуироваться, и мы на сборных пунктах всех забирали, порой ждали нерадивых. Эвакуировали многих рабочих с заводов. Однажды я должен был забрать со сборного пункта на Соляном переулке семью поэта Тихонова. Он оставался в городе, а дочерей отправлял в эвакуацию. Я их перевозил лично до Волховстроя. Он очень просил, чтобы я присмотрел за ними.

Ледовая Дорога жизни начала действовать 19–22 ноября. По заданию нашего правительства подготовили Военно-автомобильную дорогу № 101, и по этой дороге мы ехали от Вагановского спуска до Кобоны или Лаврово, или Волховстроя, или Войбокало.

Сначала грузили по несколько мешков на легкие грузовики или «газики», но потом приспособили к ним сани. Они были легче грузовиков и меньше проваливались под лед. Дорожники обеспечивали переходные мосты, меняли направление трассы, следили за порядком. Немцы знали, что у нас действует дорога, и постоянно пытались прекратить ее работу, держали под обстрелом с Синявинских высот, но более опасной была их авиация. «Мессершмитты» атаквали наши машины, могли гоняться за одним автомобилем. Но мы знали некоторые приемы, как укрыться от них. Во-первых, держали дистанцию, не

Сидоров Александр

допускали скученности, во-вторых, старались находиться ближе к торосам — это наше укрытие, маскировка.

Самыми тяжелым на Ладоге были 8, 9, 10 и 18-й километры. Там у немцев все было пристреляно, и близко находились их самолеты. Наши войска ПВО сначала стояли на берегу в Коккореево, в районе Вагановского спуска, в Осиновце и в Кобоне — далеко от трассы, и они не могли полностью справиться. Позже нашу зенитную артиллерию стали выводить прямо на лед. Готовили специальную площадку, чтобы орудие при стрельбе не проваливалось. Вот тогда стало чуть легче ездить, но все равно опасно. Каждая поездка — словно последняя. Все водители делали 1–2 рейса, а некоторые выполняли и 3 рейса, не выходили из кабины. За рулем порой засыпали, потому что 3 рейса — тяжело. Ведь водители и грузили машину сами. Были рабочие, но они просто качались от недоедания.

Горючего постоянно не хватало. В Лесотехнической академии придумали поставить на «газики» газогенераторы. Но на грузовики же не поставишь... А если в середине Ладожской трассы закончится топливо, то и водитель, и машина — открытая мишень для немцев. Конечно, были специальные службы по подвозке горючего, но все равно — очень опасно.

В город шоферов не отпускали. Никаких выходных, никакого отпуска. Вот у меня в городе были родственники, а я даже не знал, что с ними. Старший брат работал на заводе Калинина, и его еще в конце августа эвакуировали вместе с семьей. Но я даже не мог предположить, что поезд остановили под Мгой, потому что дальше дорога была разгромлена, и весь состав вернули обратно, в Ленинград. Мне об этом написал только зимой 1942 года отец, который эвакуировался в Алтайский край. И еще он написал о бедственном положении семьи брата. Я попросил командира дать мне задание отвезти что-нибудь в город, собрал кое-какие крохи из продуктов и смог на 10 минут заскочить к брату. Больше возможности побывать в городе у меня не было.

Самохвалова Татьяна

Когда меня выписали, я получила направление в 36-й запасной полк выздоравливающих. Я дважды сопровождала маршевую роту через Ладожское озеро как медик. И возвращалась обратно. Во время таких переходов обязательно отправляли медика, потому что были раненые и обмороженные. Страшно было на Дороге жизни. Я видела, как тонули наши машины. Там, где образовывалась полынья, ставили заграждения из веток, но их заметало снегом так, что и не увидишь. И случалось, что другая машина попадала в эту полынью. Вместе с грузом, а порой и с людьми. Дорог было несколько: одна, где шли машины, другая, метров 100 от нее, где шли маршевые роты на Волховский фронт. Вскоре мне начальник, доктор Петерсен, сказал: «Все, Татьяна, возвращаться в Ленинград больше не будешь. С этой маршевой ротой остаешься на Волховском фронте». Вот так я и попала 20 февраля на Волховский фронт.

Трофимов Игорь

До января 1942 года на ледовой дороге работали только полторки, а потом пришли ЗИСы и автобусы. Немцы часто бомбили трассу. Особенно опасным был 9-й километр от западного берега. Он ежедневно обстреливался. Шлиссельбург был занят немцами, а оттуда до Дороги жизни всего километров 9. Немцы хорошо пристрелялись, каждый день приблизительно в полдень они в течение часа стреляли по дороге. Нам стала помогать наша авиация, а потом на лед поставили зенитное орудие. Стало чуть безопаснее.

Порожняком мы не ездили. Разгружались на станции Ладожское озеро, потом ехали на станцию Борисова Грива, где находился основной эвакуационный пункт, вывозили женщин и детей. За 152 дня, пока работала ледовая трасса, я ни разу не был в городе. Мама осталась в Ленинграде, но я никаких сведений не получал о ней. Она умерла 16 декабря 1941 года. А младшая сестра работала на заводе Калинина, и ее эвакуировали вместе с заводом. В эвакуацию она попала во вторую очередь, и когда состав пришел в Казань, их не приняли, потому что некуда уже было размещать. Тогда их погрузили на баржу и спустили вниз по Волге, и где-то в районе Сталинграда они попали под бомбежку. Вот так я потерял всю семью.

В апреле 1942 года сформировали команду из 11 человек во главе с моим командиром взвода Булановым. Мы должны были загрузить на железнодорожные платформы 100 автомашин, которым требовался ремонт, и отправиться на Московский авторемонтный завод. До Москвы ехали 12 дней. До ноября 1942 года ремонтировались, потом вернулись в Ленинград, вернее в Кобону, и стали ждать ледостава. Вскоре трасса заработала снова. И опять ездили по 2–3 рейса в день. Помню, уже после прорыва блокады, я приехал в Ленинград за новой машиной. Около Богословского кладбища был окружной бронетанковый склад. Я там получил «Студебекер» ЮС-6, крытый тентом, и на нем возил через Ладогу электрооборудование.

Дорога через Ладогу — крупнейшее предприятие осажденного города. Гигантский транспортный узел: машины, конные повозки, запасы бензина, перевалочные станции, пункты обогрева водителей и эвакуированного населения. Обслуживанием и эксплуатацией дороги занималось более 300 тысяч человек. Трассы приходилось постоянно менять — по одной колее могло пройти не более 60–70 машин. После этого лед терял прочность, и путь закрывали на некоторое время, рядом прокладывали другой. Ждали, пока лед нарастет снова. Дорожники круглосуточно следили за состоянием дороги, ставили вешки в опасных местах, строили деревянные настилы, заливали трещины. Отряд тракторов разгребал торосы.

В первую блокадную зиму автомобильная дорога работала до 24 апреля. В последнюю неделю машины ехали практически по воде, доходившей до кузова.

Весной 1942-го стало очевидно — прорвать блокаду Ленинграда в ближайшее время не удастся. Надо срочно готовиться к новой навигации на Ладоге.

Летом 1942-го Кобона стала главным портом по транспортировке грузов. В эти годы уровень озера существенно снизился, и к северу от Кобоны появилась песчаная коса длиной около 12 километров. На южном берегу косы образовалась небольшая удобная бухта, защищенная от волн. Отсюда расстояние по прямой до Осиновца — в 4 раза меньше, чем от Новой Ладоги.

Строительные работы в Кобоне велись авральными темпами. За короткий срок было возведено 8 полукилометровых пирсов, хранилища для продовольствия и горючего. Первая блокадная весна в 1942-м — затяжная. Ладожское озеро долго не очищалось ото льда. Только 22 мая открылась навигация и продолжилась массовая эвакуация жителей Ленинграда.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Харьков Николай

К навигации 1942 года готовились. Ленметрострой построил в Кобоне порт. Построили 10 основных пирсов и 3 вспомогательных. Каждый имел свое назначение. Один пирс — для эвакуируемых людей, другой — для выгрузки боеприпасов, третий — угольный. Так сделали, учитывая опыт зимнего периода. Ведь немец постоянно обстреливал Дорогу жизни, нельзя было собирать в одном месте людей, бензин и боеприпасы.

Кобону не обстреливали из орудий — ее постоянно бомбили с воздуха. Немец не давал тут спокойно жить. Например, 23 января 1942 года налетели 79 фашистских бомбардировщиков, не считая истребителей. После этого налета вместо снега во многих местах была земля.

В начале войны нашей авиации здесь практически не было. Немцы делали все, что хотели. А нашу церковь Никольскую они не бомбили, потому что она для них служила ориентиром. В церкви этой разместился эвакупункт. В частные дома запрещали пускать эвакуированных из Ленинграда, потому что они все были дистрофики, больные. Смешивать их с солдатами запрещалось. Все боялись эпидемий, поэтому частными домами командовал военный комендант.

В Никольской церкви сделали нары, поставили две печки из бочек, два солдата постоянно топили их. Зима была страшно суровая — минус 40 градусов. Люди с другого берега Ладоги приезжали замерзшие, чтобы отправить их в дальнейший путь, надо было сначала обогреть. А потом они ехали дальше.

Все, что доставляли с Большой земли, разгружали в Заборье, а потом везли сюда, в Кобону. Дорога — 308 километров, путь длинный и тяжелый, поэтому

за две с половиной недели проложили в Кобону железную дорогу. В войну по ней привозили грузы, на берегу Ладоги разгружали, сажали в теплушки эвакуированных и везли в Лаврово, Волхов, Тихвин, Вологду. После войны дорогу разобрали.

Немец постоянно обстреливал. Взрывались бомбы и снаряды. Лед колотся, машины выходили на этот отколотый лед и часто переворачивались. Бывало, что вместе с людьми, ведь даже водитель, который видел всю обстановку, и то не успевал иногда выпрыгнуть, уходил под воду.

Мне тогда было 11 лет и нас, детей, обязали приходить с саночками и подвозить вещи эвакуированных. Их высаживали на Ладоге, мы брали их вещи и везли в эвакуопункт, в церковь. Они сами нести свои пожитки не могли, были совершенно беспомощные. Помню, весной, когда началась грязь, один мужчина не смог без помощи из грязи выйти — не было сил поднять ногу. Его вытаскивали. Первое время их пытались накормить хорошо, давали, например, пшеничную кашу с жиром каким-то. Но оказалось, что для них это смертельно. Их кормили горячим обедом, специальным и понемногу. Давали сухой паек, шоколад, гущенное молоко.

А еще очень хорошо запомнилось, когда в Кобону пришли части из Сибири. Они все были в новых белых полушубках, сапогах или валенках. Были похожи на медведей — сильные, рослые и не оголодавшие. Их привезли в Войбокало ночью, а немец находился рядом. Так они там все передние рубежи противника вырезали без всякой артподготовки, без стрельбы. Они были хорошо подготовлены. Потом их перевезли на Ленинградский фронт.

У меня папа умер в Ленинграде в блокаду. Мама перешла пешком через Ладогу. А мы, дети, жили здесь с самого начала лета у бабушки. Страшно было, потому что бомбили постоянно, и спасались мы только в окопах. Большого голода здесь не было — это все-таки сельская местность, есть картошка. За то, что мы возили вещи эвакуированных, нам давали продуктовые карточки.

Прикот Сергей

К весне 1942 года, к открытию навигации, флотилия выглядела более мощной, чем осенью 1941-го. Осенью грузились в основном не у причала, а через вспомогательные средства. Канлодки привозили грузы, переваливали их на мелкосидящие баржи, и те уже подвозили груз к причалу в Осиновце. Вся погрузка-разгрузка совершалась руками матросов. Это было тяжелейшим физическим испытанием для команды. Зимой отстроили причалы, дорогу к ним, создали специальные рабочие батальоны, стало легче. Порт Кобона принципиально отличался от Осиновецкого порта. Прямо к причалу подходила железнодорожная ветка, причем по земле, а не по каким-то шатким сваям, как в порту Осиновца. Так было значительно легче работать, и не накапливался груз на причалах.

90 % эвакуированного населения проходило через Осиновец. Командировочные, больные, раненые шли через Морье. В поселке Борисова Грива располагался эвакуопункт — гражданская организация.

В 1941 году я учился на курсах переподготовки командного состава в училище Фрунзе, в группе военных комендантов. Группа была небольшая, часть умерла, пока мы учились, к апрелю 1942 года осталось человек 15. Прошли мы комиссию, из группы отобрали пятерых, меня в том числе, для работы военными комендантами и отправили пешком на Ладогу.

Порта Осиновец как такового в то время не было. Было несколько жалких рыбацких пирсов на шатающихся сваях. Один — в Осиновце, другой — в Морье, третий, более или менее фундаментальный, у Гольцмана. Вода, камни и сплошной лес сосновый — так выглядело побережье. Был маяк, конечно. У маяка — домик, где гидрометеослужба размещалась. Осиновец — небольшая деревушка из 3–5 деревянных крестьянских домиков. Вокруг никаких населенных пунктов.

Я прибыл туда 4 мая. Комендатура военная, которая отвечала за разгрузку, фактически распалась. Еще в 1941 году, когда немцы утопили две баржи с мукой и зерном, военного коменданта арестовали. Вместо него работал дежурный комендант из воинской части. Комендатура располагалась в землянке. Утром я увидел, что бурно идут строительные работы. Забивали сваи, настилали причалы.

Меня назначили заместителем начальника Осиновецкого порта, Харламова. Главным инженером был Овсянников, капитан порта — Иванов, командир базы — Ванифатьев, капитан 2-го ранга, бывший командир крейсера «Петропавловск». Комендатура отвечала за выполнение плана выгрузки, за сохранность грузов на территории порта и во время доставки их на склад, за противопожарные мероприятия, за организацию противовоздушной обороны в районе порта, за эвакуацию людей, — словом, за все.

В июле 1942 года был создан военный порт. Комендатуру ликвидировали, порт стал подчиняться Управлению перевозок Ленинградского фронта, генералу Шилову. Командовал всем Нефедов. В это время в порту шла тяжелейшая работа. Мы никак не могли уложиться в план, потому что механизации практически не было, только узкоколейные вагонетки. Ни кранов, ни транспортеров для выгрузки. Все делалось вручную, на спинах солдат. Приходилось складировать груз прямо на причале, а это опасно — при бомбежке причал мог обвалиться, и груз тогда оказался бы в воде. Один такой случай был. Но узкоколейные вагонетки, которые раньше возили торф, не успевали доставлять груз на склад, и он все больше накапливался на причалах.

Как-то позвонил оперативник и сказал: «К вам сейчас прибудет командующий фронтом». Подъезжают к причалу 2 автомобиля. Из первого выходит генерал Говоров, из второго — командир базы Ванифатьев. Характерно, что никакой охраны у них не было. Идут прямо к причалу. Мы с комиссаром представились и доложили обстановку. Говоров вежливо выслушал. Он был подтянутый, высокого роста, худощавый, в форме артиллерийского офицера. Я обратил внимание на шпоры на сапогах. Идем на причал. Говоров постоял немножко, посмотрел, развернулся и на выход пошел. Мы сзади его сопровождаем. Я услышал такие слова: «Странно, почему это здесь работают солдаты, а возглавляет комендатура морская». Его визит, наверное, явился основанием для реорганизации перевозочных работ на Ладожском озере.

Мне приказали явиться к Нефедову. Я доложил, как и чем занимался, он внимательно выслушал. Нефедов произвел на меня исключительно благоприятное впечатление. Он был одет по форме, с подворотничком, что тогда было редкостью. Выше среднего роста, немножко полноват, лысоват, с улыбкой на лице. Все время улыбался. Говорил серьезные вещи, а улыбка такая, что кажется, вот-вот засмеется.

Нефедов сразу мне поставил задачи: выполнение плана перевозок, сохранность грузов и причалов, охрана порта. Между нами сложились деловые отношения. Нефедов был вежлив, никогда не оскорблял, не кричал на меня. Все приказания отдавал внятно и спокойно. Я мог переспросить, если что непонятно было.

У него была твердая рука, мог и наказать. Правда, без оскорблений, без криков. Я видел его в жестком состоянии. Это случалось, если надо было работать, а вместо этого строители развлекались или загорали. Тогда он повышал голос. Однажды снял за это с должности командира. Я считаю, что заслуженно. В военное время должен быть порядок. Нефедов не переносил безделья, отлынивания.

Как-то при очередном налете авиации загорелись топливные емкости в бухте Морье. Начался пожар. Нефедов бросился к машине и поехал туда. Не доезжая примерно километра, вынырнул из облаков самолет и начал сбрасывать бомбы и строчить из пулемета. Нефедов никогда при налетах не выходил из машины. Я раза три вместе с ним ездил в Ленинград. Мы с шофером выскакивали при налете, а он оставался, говорил: «Если судьбой предписано, в машине погибну. А если не предписано, живой буду». Остался сидеть и в этот раз. Осколками от сброшенной бомбы его убило.

Погоняев Павел

К началу навигации 1942 года построили порты на западном побережье Ладоги. Потом и железную дорогу подвели. На Дороге жизни было задействовано 3–4 тысячи грузовых машин и Ладожская флотилия, которую собирали с миру по нитке. В основном перевозки производили канлодки — бывшие грунтовозы. Были тральщики, 2 сторожевых корабля: «Пурга» и «Конструктор».

Помню, вывозили детишек из Ленинграда. Сначала их по железной дороге до Морья везли, потом грузили на корабль. Дети не могли ходить. Мы вставляли цепочкой вдоль трапа и их, как кирпичики, передавали друг другу. По-быстрому приходилось работать, пока нет налетов немецкой авиации. Так вот, берешь ребенка, а веса не чувствуешь никакого. В Кобоне снова их выгружали. И ничего нельзя было дать из еды. Дашь, а у него — заворот кишок, и умрет.

Проблема снабжения города и Ленинградского фронта горючим — бензином и керосином — весной 1942-го стала первоочередной. Простаивали автомобили, самолеты, танки. План перевозок горючего по Ладоге, установленный Государственным комитетом обороны, выполнить было невозможно. Не хватало всего — от насосных агрегатов до бочек, цистерн, барж.

Сегодня уже трудно установить, кто первым выдвинул идею о строительстве трубопровода по дну Ладожского озера. Тогда подобныхстроек ни в нашей стране, ни в мире не было. Когда на совещании у наркома внешней торговли Анастаса Микояна впервые заговорили об этом проекте, многие отнеслись к нему скептически, назвав проектирующим. Но Микояну идея понравилась, и он отдал распоряжение начальнику снабжения горючим Красной армии генералу Кормилицыну готовить проектную документацию.

Ставка Верховного командования утвердила решение о прокладке трубопровода по дну Ладожского озера от восточного до западного берега. Протяженность трассы — почти 30 километров. Срок выполнения всех работ — 2 месяца. Уже в конце июня трубопровод начал действовать, город получил столь необходимое топливо. В честь строи-

телей и водолазов в Ленинграде в Доме Красной армии устроили торжественный концерт с участием Клавдии Шульженко.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Прикот Сергей

Нефтепровод через Ладогу — это большое и важное сооружение. А прокладывался он силами флотилии, военными, водолазами ЭПРОН с мая 1942 года. В августе уже начал действовать.

Создали специальную группу, состоящую из тральщика и «морского охотника», выделили кран и понтон, на котором этот кран установили. Трубопровод сваривали на понтонах, а потом краном опускали в воду. Тральщик буксировал эти понтоны, а «морской охотник» охранял район, где шли работы. Немцы предполагали, что там что-то делается, но не знали точно, потому что иначе они бы бомбили сильнее. Они совершали налеты, но наш «морской охотник» их отбивал. Водолазы тоже поднимались из воды, помогали отражать атаку, а когда самолеты уходили, продолжали работу. В основном работы велись в нелетных условиях: в туман, дождь, ночью. А в дневное время, как правило, трубопровод не укладывали. Отвечал за эти работы начальник порта Нефедов. Когда трубопровод заработал, это было большое событие, так как полностью решилась задача снабжения топливом.

Ленинград выжил благодаря Дороге жизни — дороге по льду Ладожского озера. Но перевозить по ней можно было не очень много грузов, примерно 2375 тонн в сутки. Учитывая страшный опыт первой блокадной зимы, ленинградское руководство решило осуществить зимой 1942—1943 годов невиданный ранее проект — построить железную дорогу по льду озера от станции Ладожское озеро до станции Кобона. Беспрецедентная задача. Выполнить ее поручили метростроителю Ивану Зубкову.

В Москве Зубков начал работать сменным инженером на строительстве метро, и уже через год стал начальником шахты. В 36 лет ему поручили самостоятельную задачу чрезвычайной важности — построить метро в Ленинграде. 21 января 1941 года появился приказ о строительстве ленинградского метро, началась закладка первого тоннеля. Но с началом войны пришлось забыть о пуске первого перегона. Специальным приказом Государственного комитета обороны метростроевцев мобилизовали для строительства оборонительных сооружений под Лугой, Кингисеппом, на Пулковских высотах. Затем новое особо важное задание: наладить переправу через Неву на Невский пятачок и обеспечить прорыв блокады.

ДОСЬЕ:

Иван Георгиевич Зубков. Донской казак, родился 26 июля 1904 года в Ессентуках. Его отец - инженер-путеец - работал на Транссибе на знаменитой Кругобайкальской железной дороге. После революции Зубков, воспитанник кадетского корпуса, попал в Закавказье, учился на первом в Грузии рабфаке при Политехническом институте в Тифлисе, а в 1930 году закончил Харьковский технологический институт. В 1933 году переехал в Москву.

По приказу Сталина Зубков создал специальное техническое подразделение, которое с помощью понтонов доставляло на Невский пятачок танки. О каждом переправленном танке он лично сообщал в Смольный по телефону: «Пью чай с вареньем, выпил 7 стаканов». Это означало, что за сутки переправлено 7 танков.

Строительство железной дороги по льду Ладоги началось в ноябре 1942-го. Работать приходилось под постоянными бомбежками. Под лед проваливались люди и техника. Строительство велось в основном женскими руками. Чтобы работы шли круглосуточно, по приказу Ивана Зубкова вдоль трассы расставили десятки передвижных электростанций, свет от которых гасили только при воздушных тревогах. Положить рельсы на лед — невозможно, поэтому их поднимали на сваи. Сваи забивали в дно Ладожского озера, сверху клали прогоны — бревна, а на них уже крепили шпалы и рельсы. Ледовую пустыню должна была пересечь невиданная, 33-километровая эстакада.

Зима 1942—1943 годов была гораздо теплее, чем предыдущая. И поэтому строить дорогу оказалось чрезвычайно сложно. Были подвижки льда, выбивало сваи, трудно было прокладывать путь и, тем не менее, 15 из 35-и километров железной дороги удалось проложить. Но 18 января 1943 года оперативная обстановка на Ленинградском фронте резко изменилась.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Комарова Мария

Не знаю, как мы с сестрой с февраля по ноябрь остались живы. Наверное, так Господь повелел. Приходили в булочную, я отсчитывала деньги, выкупала наши 2 кусочка по 125 граммов, один кусочек продавала, чтобы завтра и послезавтра выкупить хлеб, потому что денег не было. А потом настала весна и стало полегче, несмотря на то, что почти ничего не ели. Мы с Тоней пошли погулять по Фонтанке до Аничкова моста. Смотрю: в Куйбышевском райкоме что-то народу много. Я пошла туда. Оказывается, шел набор на строительство. Я села в очередь, и Тоня со мной за ручку.

Очередь подошла. Лейтенант Виноградов Анатолий Михайлович (он потом работал в Метрострое) спросил: «Сколько тебе лет?» Я ответила: «Восемнадцать!» Он: «Паспорт!» Я: «Паспорта нет». Рядом сидел Войханский, врач. Сестра моя была очень исхудалая, а я немного получше, худая, конечно, но ходила все-таки... Послали на осмотр. И взяли, представьте себе! Анатолий Михайлович спросил: «Что ты умеешь делать?» Я сказала: «Все умею делать! Буржуйку топить, кашу варить. Что заставите, то и буду делать!»

Я этот день поминала свято. Мне повезло на хорошего человека. Я всегда говорила: «Анатолий Михайлович, если бы не вы, не было бы ни меня, ни сестры».

Я попала в Путьрем № 2. Сказали явиться на Финляндский вокзал, посадили в поезд, перевезли через Ладогу, и я оказалась в Кобоне. Отряд был основан на базе Метростроя. Строительство возглавлял Иван Георгиевич Зубков.

Нас перевозили через Ладогу 26 ноября 1942 года. Был мороз, наверное, градусов 40. Нас погрузили в машину, покрыли брезентом. Ехала в основном молодежь, такого возраста, как я.

В Кобоне нам дали паек, отвезли в деревню Лаврово. Там выдали обмундирование, а утром привезли на Ладогу. Я находилась там дней 8–10. Жили в 4-местных палатках по 8 человек. Четверо наверху спали, трое — внизу, один — дневальный, топил буржуйку, чтобы не замерзнуть. Руководил нами Головченко, мужчина лет 45-и. Мы его Батей звали. Он нас очень жалел и помогал во всем. Лом, который мне дали в руки, я впервые в жизни видела. Думаю: что это за прут железный? Или лопата совковая, она такая большущая! Ручка большая, толстая. По Ладоге мы ходили, держась за веревку, потому что был ужасный ветер и мороз такой, что ресницы слипались!

Бобылева Нина

Мы строили железную дорогу по льду Ладоги. Зубков, начальник Метростроя, решил, что она спасет больше ленинградцев. Девчонок нагнали с Ленинграда — очень много. На Финляндском вокзале нас накормили рисом, еще какой-то крупой, мы же были «кожа да кости», а работа тяжелая — лом в руках, лопаты, кувалды.

Прежде всего мы долбили лунки. Одна держит лом, другая кувалдой бьет по нему. Сзади шли военные железнодорожники, вставляли сваи в эти отверстия. Лунки пробивали близко друг от друга. Иногда и проваливались. Холод, мороз, самолеты летают... Но самолеты днем летали, а мы работали больше ночью, только обстреливал нас немец из Синявино. На другом берегу тоже лунки долбили, и мы должны были встретиться. До рельс еще было далеко. На сваи клали брусья, плотно их крепили, на эти брусья клали шпалы. Мы не болели. Все делали одно дело, все знали, что надо выполнить норму.

Мы работали в километре от Дороги жизни. Наше строительство было засекречено, везде стояли зенитки. Немцы били по Дороге жизни, а нас не трогали, только изредка попадали снаряды. Если встречался кто-то неизвестный, мы сразу докладывали командиру.

Мы жили в железнодорожных вагонах, а питание было в другом месте, тоже в вагонах, нам давали что-то жидкое и кашу пшеничную.

Зубков очень часто навещал трассу. Сразу слышалось: «Зубков идет. Давайте на место! Давайте, чтобы все аккуратно было, чтобы копошились, делали все нормально, скорей, скорей».

Однажды работаем мы на середине Ладоги, подъезжает легковая машина военная, выскакивает офицер в полушубке: «Кто у вас старший?» — Я подбегаю. — «Девочки, нужно прекратить работу». — «А почему?» — «Прорвали блокаду».

А мы уже чувствовали, нам видны были огни, слышна стрельба, мы догадывались: что-то будет. Но мы все равно делали свое дело, и вдруг: «Прекратить работу! Блокада прорвана». Мы обнимались, целовались, плакали. До берега было километров 13–15. Мы забрали инструмент: ломы, лопаты, кувалды, — все с собой несем и опять остановимся, поцелуемся: «Девчонки, конец войны, конец войны». Мы считали, что прорыв блокады — это конец войны.

Шу Мария

Когда прорвали блокаду, в городе все ликовали, целовались и обнимались. Вообще, каждая победа на фронте давала надежду: разгром под Москвой, Сталинградская битва, битва на Курской дуге. А тут — прорыв блокады, мы прыгали во дворе и кричали «ура». Но многие и плакали, ведь столько погибло от бомбежек и голода. Вот и у меня мама не пережила первой блокадной зимы, умерла от истощения. Как же я ненавидела немцев! Для меня они были чудовищными агрессорами. Я помню повешенных фашистов на площади Калинина в Ленинграде. Мы с подругами ходили смотреть. У меня не было жалости, сейчас даже поражаюсь. Не знаю, правильно ли тогда делали, что демонстративно их вешали. Озлобление людей против немцев было ужасным. После войны я приезжала во Францию к троюродному брату, мы беседовали в кафе, и вдруг в разговор вступил немец. Он, оказывается, был у нас в плену и понимал по-русски. Помню, что я закрыла руками глаза, мне не хотелось с ним

разговаривать. Мой брат ему это объяснил, он владел немецким языком. В последние годы я к немцам отношусь нормально, ведь не они воевали, а фашисты.

18 января наступающие войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали кольцо блокады. Вдоль Ладоги удалось отвоевать узкий коридор, связавший Ленинград с Большой землей.

Уже на следующий день после прорыва блокады метростроевцы выехали на прокладку железной дороги Шлиссельбург — Поляны. В болотистой местности, усеянной минами, за 20 дней предстояло построить новую железную дорогу: 30 километров колеи, 2 малых моста и 1,5-километровый мост через Неву. Невероятными усилиями это удалось сделать. 7 февраля 1943 года первый состав со станции Поляны прибыл на Финляндский вокзал. Он вез ленинградцам муку, сахар и ленд-лизовскую тушенку. Дорогу Шлиссельбург — Поляны называли Дорогой победы. Но машинисты поездов, идущих под непрерывными бомбежками и обстрелами, придумали ей другое название — коридор смерти. Гибли и строители, восстанавливающие поврежденные пути.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Бобылева Нина

Относился Зубков к нам очень хорошо, говорил: «Девчата, ну как вы?» Я мост через Неву вспоминаю. Когда его разбомбили, мы заново построили и положили сбоку несколько досок, чтобы ходить. Как-то Зубков идет навстречу: «Девчата, что вы делаете! Положите еще досок, это же страшное дело, как вы ходите».

Дорогу победы мы строили летом. Комары нас там ели так, что я сейчас даже чешусь, когда вспоминаю. Нам давали плащ-палатки, которые закрывали нас полностью, казалось, не было ни одной щелочки, и все равно съедали комары. Мы лопатами грузили песок на высокие железнодорожные платформы, их называли «вертушки». Они приходили на Дорогу победы, и там этот песок разгружали, чтобы достраивать дорогу. Часто были обстрелы, приходилось прятаться.

Я как бригадир должна была отличаться во всем. А когда девчонке 25 лет, она лезет черт знает куда. Нам говорят: «Девочки, лед пошел, надо сохранить мост. Там впереди ребята лед взрывают, но попадают крупные льдины, надо их убирать». Меня привязывали ремнем или какой-нибудь мешковиной к главному столбу моста, чтобы не снесло водой, и я отодвигала льдины большой деревянной палкой с наконечником.

У меня был костыльный молоток, он в руках крутится. Когда я им крутила, все ребята выходили смотреть. Я была одной из лучших костыльщиц.

Я долго хранила ватные штаны, в которых мы ходили. К ватным штанам — обязательно носили ватник. Зимой давали валенки, а осенью носили резиновые сапоги.

Мы пели все время «Ладога, родная Ладога» или «Бьется в тесной печурке огонь». Как закончится наша основная работа, мы сейчас же чаек организуем и поем про Ладогу. Мы на совете ветеранов Метростроя собирались, тоже пели.

Комарова Мария

Мы разбирали железную дорогу, которую строили по льду Ладожского озера. Сохранили все, до последнего костыля. Снимали рельсы, прокладки, шпалы. Чтобы выдернуть сваи из воды, нужно было выдолбить лунку. Толщина льда — меньше 70 сантиметров не была. И вот ломом долбишь, пока не появится черная струя воды. Продолбим лунку — привязываем к верхней части сваи веревку, цепляем ее и тянем, пока свая не выпрыгнет из воды. Оттаскиваем ее, грузим на машину. Существовал план: сколько выдолбить, сколько погрузить и отвезти на берег. И относились к нему серьезно. Тем, кто выполнил план, давали к обеду по 36 граммов спирта: за выполнение и чтобы немножко организм работал. Войханский, главный врач, еще велел хвою настаивать и пить.

Если кто-то видел, что костыль валяется, он не проходил мимо, брал его и клал в ящик. Все эти материалы пошли на строительство Дороги победы. Я ее тоже строила. Вбивали сваи, на них клали бревна-прогоны, сверху — шпалы. На шпалы укладывали рельсы. Под рельс клали подкладку и прибивали подошву рельса. Затем костылями прибивали подкладку, а стыки рельсов привинчивали болтами. Поскольку все нужно было быстрее-быстрее, в некоторых местах даже железнодорожной насыпи не делали, а утрамбовывали снег, и на него клали шпалы.

Палатки убрали, — мы жили на берегу, в землянке. А у начальства был вагон. Постоянно бомбили, обстреливали, — дорога проходила всего в 5–7 километрах от передовой линии. Даже когда начали перевозить грузы, мы ремонтировали дорогу только по ночам. Машинисты называли эту дорогу коридором смерти. Меня там ранило, чуть руку не оторвало. Прораб наш говорит: «Мария, заберись, помашешь флажком, посмотришь габариты». Я стала махать флажком, и мне в руку — осколок. Хорошо, что ватник был — руку не оторвало совсем. Я попала в госпиталь. А скольких убило! Было очень много жертв. Только начнем что-нибудь делать — бомбежка. Кричат: «Ложись!» Лежишь и не знаешь: попадет в тебя или нет.

В планах немецкого командования на 1942 год важнейшей предпосылкой для захвата Ленинграда был срыв Ладожской коммуникации. В решении этой задачи немцы рассчитывали на помощь финских союзников.

В июле 1942 года в обстановке полной секретности в порт Хельсинки дважды приходил сухогруз «Тильбек» из Любека. Он вез груз, о содержании которого в финском командовании знали лишь немногие — сверхскоростные итальянские торпедные катера и немецкие десантные баржи «Зибель». Они предназначались для спецоперации на Ладожском озере.

В 1942-м Ладожская коммуникация работала исключительно интенсивно. За навигацию в Ленинград привезли 300 тысяч бойцов пополнения, примерно 300 тысяч ленинградцев эвакуировали на Большую землю. В город поставили по воде 800 тысяч грузов. Большая часть судов шла из Осиновца в Новую Ладогу. Посередине этого пути находился маленький остров Сухо с маяком, и если бы немцы взяли этот остров, связь между Новой Ладогой и Осиновцем была бы прервана.

Сухо — искусственный островок на Ладоге, насыпанный на озерной отмели во времена Петра Великого. Размером Сухо — с половину футбольного поля. Находится на расстоянии 37 километров от Ладоги. В начале Великой Отечественной здесь не было ни гарнизона, ни укреплений: маяк и сигнально-наблюдательный пункт. Только в июле 1942 года на Сухо высадились 90 красноармейцев. К сентябрю они построили трехорудийную батарею противокатерной обороны и установили 3 пулемета.

21 октября 1942 года из финских портов на севере Ладоги вышла итало-немецкая эскадра. Началась секретная операция «Бразиль». Даже главнокомандующий финской армией маршал Карл Густав Маннергейм не был поставлен в известность.

Из ставки Гитлера операцию курировал финский генерал Пааво Талвела.

Пааво Талвела в Первую мировую воевал на стороне Германии в добровольческом батальоне финских егерей. Участвовал в гражданской войне в Финляндии на стороне белых. В 1919 году отряд под командованием Талвела совершил рейд на Олонец, вглубь советской Карелии, вел партизанскую борьбу. И хотя эта военная экспедиция закончилась провалом, Талвела продолжал лелеять планы создания Великой Финляндии. В ее состав должны были войти все финноязычные народы. В том числе и те, что проживают на территории Советской России. В 1924 году Пааво Талвела закончил Военную академию в Хельсинки, защитил диплом на тему «Война с русскими в Карелии». В конце 20-х он создал антикоммунистическое радикальное движение «Лапуа». К началу Зимней войны вернулся на военную службу, командовал корпусом. Позднее Талвела нередко называли «финским Жуковым».

Талвела считал, что используя помощь Германии, Финляндия должна стать великой страной на северо-востоке. Победить Россию и рас-

кинуться от Балтийского моря до Урала. От Северного Ледовитого океана до Волхова. В отличие от Маннергейма, Талвела полностью поддерживал идеологию и практику национал-социализма. 4 июня 1942 года о поездке вместе с Гитлером в ставку Маннергейма Талвела написал: «Настроение было праздничным, когда я осознавал, что лечу в космическом пространстве с, пожалуй, самым удивительным человеком в мировой истории и, в любом случае, наиболее известным человеком современности и великим гением».

Именно Пааво Талвела, вопреки воле Маннергейма, задумал и начал осуществлять операцию «Бразиль», цель которой — уничтожение Дороги жизни.

Для Ладожского озера состав итало-немецкой эскадры был более чем солидный: 19 паромов «Зибель», в том числе 7 паромов с 88-миллиметровыми орудиями и двумя 20-миллиметровыми многоствольными зенитными пулеметами, 3 транспортных парома с 70 пехотинцами на борту, штабной и госпитальный паром, 7 моторных катеров и итальянские торпедные катера MAS. Катера имели 20 тонн водоизмещения и очень высокую скорость — 47 узлов. Экипажи немецких паромов «Зибель» — элитные части вермахта. На них — в полной боевой готовности опытные морские десантники, артиллеристы. Их готовили к высадке на побережье Англии в 1940-м.

Паромы «Зибель» были самым мощным оружием на Ладоге. Они могли уничтожить любой советский корабль Ладожской флотилии. «Зибель» состоял из двух больших барж, наверху — огромная платформа, на которой было расположено 88-миллиметровое орудие — одна из лучших пушек Второй мировой войны.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Погоняев Павел

Немцы готовили в 1942 году операцию с целью перерезать Дорогу жизни — ниточку, которая снабжала Ленинград продовольствием и войсками. Они сосредотачивали войска, но какое количество — здесь разночтение до сих пор. Еще до боя за остров Сухо, 14 сентября, 2 наших «морских охотника» столкнулись с колонной немецких «крокодилов». У немцев были такие паромы «Зибель». Мы их назвали за огромные размеры крокодилами. Немцы наших окружили. Один «охотник» погиб, а второй вырвался. Ему снаряд попал в носовую часть, но он как-то сумел уйти.

Сухо — это небольшой остров. Размер — 90 на 60 метров. У нас там стоял гарнизон обслуживающий — человек 100. Командир — Гусев. Днем немецкая авиация бомбила, а ночью торпедные итальянские катера все время лазали

к нам. У нас были две 45-миллиметровые пушки. Мы отбивались, а в открытый бой не вступали. Катеров у немцев и итальянцев много было, немцы ведь готовили десант для высадки в Англии, и у них были паромы «Зибель». На их парамах — посредине рубка бронированная, 3 пушки 88-миллиметровые (почти в два раза больше, чем наши), 4 установки по 4 пулемета, ход где-то 12 узлов.

Немецко-финско-итальянская эскадра подошла к острову Сухо 22 октября 1942 года в 7 часов утра. По числу бойцов и по огневой силе она значительно превосходила гарнизон острова. Правда, итальянцы повели себя не по-боевому. Еще на подходах к острову, сославшись на то, что у них не хватает горючего, они отправились обратно на базу. Итальянцы не очень хотели умирать за интересы Германии на далеком Ладожском озере. Слухи об их «боевых подвигах» ходили по всей Финляндии. Рассказывали, что как-то два блестящих итальянских морских офицера сумели «уболтать» двух финских девиц. Отвезли их на островок, на Ладогу, где и предались любви. Через некоторое время один из итальянцев вышел на берег и страшно закричал: «Куда, черт возьми, подевалась наша лодка?» Лодки, действительно, не было. Ее украли советская разведка.

Но и без итальянских катеров вражеская эскадра представляла серьезную силу. 88-миллиметровые пушки паромов с дальней дистанции открыли огонь по острову. Через 2 минуты им ответила находившаяся на Сухо советская береговая батарея из 100-миллиметровых орудий. Немцы открыли ураганный артиллерийский и пулеметный огонь. Первые же залпы оказались точными. Гарнизон Сухо остался без радиосвязи. Но в штабе Ладожской флотилии успели принять сообщение прямым текстом: «Немцы высаживают десант на острове Сухо. Веду бой. Старший лейтенант Петр Каргин».

К острову Сухо прилетели самолеты люфтваффе. 9 «юнкерсов» начали бомбежку. Под прикрытием огня с немецких паромов на берег с десантных катеров высадились три ударные группы пехотинцев и одна группа саперов-подрывников. Два из трех советских орудий вышли из строя. Бой на острове Сухо был коротким, но страшным. На площадке размером с половину футбольного поля, среди камней, в смертельной схватке сошлись 70 немецких десантников и 90 краснофлотцев. Штыки, гранаты, приклады, очереди в упор. К концу боя из нашего гарнизона сражаться могли только 13 человек. Остальные были тяжело ранены или убиты. Но, понимая, что положение безвыходное, краснофлотцы и командиры проявляли чудеса храбрости и мужества.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Погоняев Павел

Бой за Сухо начался так: раннее утро, еще темно, в 7:00 — смена вахты. Я сдаю вахту сигнальщику, рассказываю обстановку. И вдруг мы слышим шум, непривычный, не похожий на двигатели. Стали вглядываться — ничего не видно. Волнение на Ладоге было 2 балла. Вдруг на горизонте видим какую-то черную полосу. Сразу доложили командиру. Сыграли тревогу. По связи сообщили в штаб. А на тральщике, когда увидели неприятеля, передали радиogramму открытым текстом, не шифровали, потому что времени не было. Шифровать — это потратить минут 10. Если бы не мы в этом бою победили, то командира за открытое радиосообщение отдали бы под суд.

Немецкие десантные баржи первыми открыли огонь. Сразу попали в командный пункт, где находилась радиостанция. Она вышла из строя. Мы заметили, что немецкие корабли при подходе к Сухо разделились на две колонны. И начался бой. Пошла стрельба, все закрутилось, завертелось. Это было примерно до 9 часов утра. Потом налетели немецкие самолеты и начали бомбить. И тут нам удалось один бомбардировщик «Хейнкель-111» сбить. Он летел низко, видимо, фотографировал. Взрывы — тут и там. Мы на тральщике поставили дымовую защиту. Все в дыму, снаряды летят, у нас мачту снесло, пробоины мелкие по корпусам были: и с правого борта, и с левого, но больших повреждений не было. Потом наша авиация пришла, но немцы уже высадили десант на остров. Мы этого не видели, нам потом рассказали. В первом их броске участвовало 60 или 70 человек. Начали они наших прижимать. К одному орудию подошли, ко второму... Мы до сих пор не знаем, сколько же там человек погибло.

Один из немецких паромов сел на мель около западного берега Сухо. Ему попытался помочь другой паром, но тоже наскочил на камни и застрял. Пришедшие им на помощь два парома сами сели на камни. Все разладилось в действиях немцев.

Радиосвязь с лодками, на которых находились стрелковые группы, оборвалась. Командир немецкого десанта решил воспользоваться сигнальной ракетой и с ее помощью прервать действия стрелковых групп. После сигнала все группы вернулись на парома, прихватив с собой пятерых пленных. Большую роль в отражении атаки немецкого десанта сыграли тральщик ТЦ-100 и «морской охотник» 171. Они отвлекали на себя огонь противника до подхода основных сил.

На помощь бойцам с острова Сухо пришли самолеты Ленинградского и Волховского фронтов, ведомые летчиками Краснознаменного Балтийского флота. Уже в 9 часов утра авиация нанесла первый удар по кораблям противника.

Подобная оперативность советских частей объяснялась хорошей осведомленностью о действиях врага. Разведка Ладожской военной флотилии и Балтийского флота внимательно контролировала ситуацию в Лахденпохье, Сортавале и других портах Ладожского озера. Исключительную ценность представляли и сведения, полученные из финских источников.

В июне 1942 года командование Балтийского флота получило сообщение от члена Государственного комитета обороны А. Микояна. Микоян сообщил, что, по достоверным данным, итальянские торпедные катера перебрасываются из итальянского порта Специя в Финляндию для действий на Ладожском озере. Разведка и штаб приняли меры для того, чтобы выяснить, где появятся итальянцы. На северных берегах Ладожского озера высадились диверсионные и разведывательные группы. И вскоре сообщение Микояна подтвердилось. Командующий Ладожской флотилией капитан 1-го ранга В. С. Чероков приказал усилить дозоры, разведку и поставить несколько береговых батарей на островах Кареджи и Сухо.

После первых ударов советской авиации, в 9:30 эскадра противника с остатками десанта начала спешно отходить от острова. Операция, которая начиналась так благополучно, закончилась для немецкой эскадры бесславно.

23 октября в 4:15 все оставшиеся паромы вернулись в свои порты. Потери составили 18 человек убитыми и 57 ранеными, четверо пропали без вести. Операция «Бразиль» продолжалась 35 часов. Ее итогом стало уничтожение советской береговой батареи из 100-миллиметровых орудий и выведение из строя маяка на острове Сухо. Во время боя советский гарнизон потерял 6 человек убитыми, 5 пленными и еще 23 получили ранения.

Главное значение боя у острова Сухо в том, что до конца войны никаких серьезных ударов по Ладожской коммуникации противник больше не нанес. 20 ноября 1942 года, спустя месяц после проведения операции, смешанный немецко-итальянско-финский отряд был расформирован. Итальянские катера и немецкие паромы ушли в порт Котка. И уже никогда не возвращались на Ладогу.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Погоняев Павел

Наша авиация нанесла основной урон немцам. Самолеты стали топить немецкие корабли. Бомбардировщик заходит в пике, за ним другой... Взрывы... Когда фонтаны воды осели, видим, что нет корабля.

После боя тральщик подошел к острову, взял убитых и раненых и ушел в Новую Ладугу. А нас оставили на всю ночь. Снарядов у нас мало. Мы боялись: вдруг немцы вернутся, а нам отстреливаться нечем. Но, слава богу, они после разгрома ушли насовсем. Утром пришла телеграмма, чтобы мы шли к базе в Новой Ладуге. На Сухо приехал командующий флотилией Чероков, он беседовал с защитниками. Потом мы неделю стояли на ремонте, заклепывали пробоины. За этот бой наш командир получил орден Красного Знамени, командиры орудий — медали «За отвагу», а всем остальным дали медали «За боевые заслуги». Чуть позже, в 1943 году, на Ладугу были доставлены две подводные лодки «малютки». Они ходили в разведку. Но после боя за Сухо немцы больше никаких атак на Ладуге не предпринимали.

Где-то с 1985 года стали проходить сборы ветеранов Ладожской флотилии. Приезжало по 200 с лишним человек. Были и защитники с Тральщика-100. А бойцов с самого острова не было ни разу. Не могу ответить, почему. До сих пор у историков и участников сражения — расхождения во всем, что касается этого боя. Сколько кораблей участвовало в десанте? Адмирал Степанов насчитал 24, а командир Тральщика-100 — 30 кораблей. Начальник гарнизона острова Сухо тоже считал, что 30. Не знаю, кто прав.

Прикот Сергей

Наша авиация до 1943 года была очень маленькой. В основном, защищала от налетов зенитная артиллерия. А вот с 1943-го обстановка изменилась. Наша авиация стала усиливаться и вела бои на равных с противником, а с 1944 года она уже, пожалуй, господствовала.

Противодействие на Ладожском озере оказывала и немецко-финская флотилия. Она состояла из 8 десантных барж. Это мощные корабли. Там 88-миллиметровые пушки стояли, автоматы 20-миллиметровые. И были мощные двухкорпусные катамараны, очень живучие. Еще — много мелких катеров, 4 итальянских торпедных катера новейшей постройки. Один из них мы утопили, а 3 осталось до конца. Так что многое вспоминается, тяжело порой было, но за нами город стоял. Жители и мы, как могли, воевали, учились на ошибках, и смогли победить врага.

Глава 8

В немецкой оккупации

Гитлер много раз задумывался, как ему обустроить Россию: «Никакой вакцинации для русских и никакого мыла, но надо давать им алкоголя и табака сколько душе угодно. Обучим их лишь до уровня, чтобы они понимали наши дорожные знаки и не попадали под наши автомашины. Наша цель: германизировать Россию посредством иммиграции немцев и смотреть на коренных жителей, как конкистадоры на краснокожих».

В оккупированном Пскове немцы ввели новые праздники. 22 июня — день начала освобождения. 20 апреля — день рождения Гитлера. И самый большой праздник — 9 июля — день освобождения Пскова. Начинался он с крестного хода вокруг Троицкого собора. Дальше устраивались гулянья, танцы, детям раздавали мороженое.

Немцы в Пскове обустроились основательно. Они открыли два публичных дома, игорные заведения, проводили футбольные матчи. А в 1943 году даже выпустили путеводитель по древнему русскому городу.

В планах немецкого командования Пскову отводилась особая роль. В городе разместился штаб, административные и хозяйственные службы группы армий «Север». Псков стал столицей оккупированной Ленинградской области, надежным тыловым городом с образцовым немецким порядком.

В Пскове открылись 10 церквей, выпускались газеты для оккупированных территорий «За Родину!» и «Северное слово», работало несколько начальных школ. Средних и высших учебных заведений для русских не предусматривалось. В учебнике для начальных классов, который немцы выпускали на оккупированной территории, можно было найти такие главы: Земледелие в Германии, На заводе в Германии, На государственной трудовой повинности в Германии. И одновременно — отрывки из произведений Льва Толстого и Лермонтова.

В деревнях бывшим колхозникам раздали землю и обложили продразверсткой в пользу немецкой армии. Армия сурово спрашивала за недостатку, зато иногда проявляла отеческую заботу. Мужики в Ленинградской области очень обрадовались, когда в ноябре 1942 года узнали о приказе командования 18-й немецкой армии. Приказ говорил о том, что лошади, отнятые у Красной армии, будут раздаваться по деревням. Крестьяне, естественно, себе их с радостью взяли. Кормили всю зиму, а по весне, когда пришла пора сеять и пахать, когда лошади были особенно нужны, немцы их забрали обратно.

Какова была бы судьба Ленинграда, окажись он под немцами? Мы можем не гадать об этом, потому что Ленинград был в оккупации: Стрельна, Красное Село, Петергоф, Павловск, Пушкин.

Если в блокадном Ленинграде выдавали 125 граммов хлеба, то жители оккупированных городов не могли рассчитывать даже на такой скудный паек. От голода в Пушкине умерли писатель-фантаст Александр Беляев, историк Сергей Чернов и тысячи других людей. У немцев не было ни возможности, ни желания кормить мирное население. Работы, которая бы оплачивалась немецкими деньгами или возможностью получить какой-либо паек, было очень мало. Немцы могли занять, по их данным, не более 10 % трудоспособного населения. Это значит, что 90 % было обречено на вымирание.

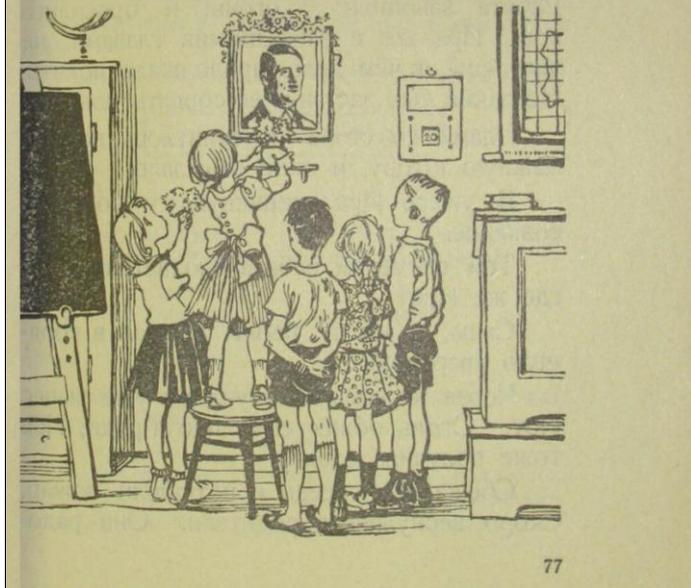
Немецкая агитация

Дети в Германии.

Детям в Германии обеспечено радостное и здоровое детство.

Об этом заботится Вождь германского народа Адольф Гитлер и весь германский народ.

Немецкие дети горячо любят свою родину и своего Вождя. День рождения Вождя — 20 апреля — для них радостный праздник.

В оккупированном Пскове работало несколько начальных школ, в них преподавали по выпущенным немцами учебникам

ВОСПОМИНАНИЯ:

Окунев Михаил

Приход немцев застал меня дома, в Пушкине. Так получилось, что Пушкин сдали практически без боев, немцы пришли совершенно неожиданно. Впечатление было, что это люди с другого света, чужие, неприятные. Они сразу установили свои порядки. Первое, что они сделали — превратили центр города в виселицу. Люди висели на светофорах, на специально оборудованных висе-

лицах, на ветвях деревьев. Повесить могли любого. Цель — устроить население. Под каждым повешенным прикрепляли таблички: «коммунист», «партизан», «еврей», «комсомолец». Люди боялись выходить из дома. Сразу ввели комендантский час.

До войны в Пушкине был детский дом, в котором находились испанские дети. А во время войны там стояла испанская Голубая дивизия. Представляете себе?

Мы с родителями жили на улице Магазиной, а фронттовую линию немцы обозначили по Пушкинской улице, это примерно в квартале. Из всех домов, которые располагались от Пушкинской улицы в сторону Ленинграда, жителей выгнали. Нашу семью поместили в Лицее. Там, кроме нас, было очень много людей.

Вместе с немцами пришли люди, которые когда-то эмигрировали из Советского Союза в Германию. Они хорошо знали русский и немецкий языки и выполняли всю черную работу, связанную с устрашением населения. Буквально через 2 дня после захвата города всех евреев согнали к комендатуре, колоннами отвели в сторону Гатчины, через парк, и там расстреляли.

Шульц Нина

Первый день войны застал меня в Петергофе. Было воскресенье, очень хорошая погода, и мы с родителями отдыхали на пляже. Вдруг люди стали говорить, что по радио объявили о начале войны. Сразу все побежали: кто домой, кто в магазины скупать соль, сахар, спички, мыло.

Когда немцы заняли Лигово и вступили в Петергоф, они примерно в полукилометровой зоне, начиная от Финского залива и южнее, никого из жителей не оставили. Тех, кто жил дальше от фронта, они поначалу не трогали. Это нас, петергофских, в обязательном порядке выгнали прочь. Мы были в кофточках, в курточках, нас из бомбоубежища подняли — и сразу в дорогу. И начались наши передвижки по лагерям, до самой Эстонии.

Шульц Нина

Вместе с нами находились жители близлежащих деревень, почти все финны, очень мало русских. Гнали нас такими широкими колоннами по дорогам, с автоматами, с собаками, все южнее, южнее. Конвоиры по-разному относились: некоторые нормально, а некоторые: цурюк-цурюк, шнеля-шнеля, пинали, если мы замедляли шаг.

Днем мы шли, ночевали — в заброшенных деревенских домах. Питались турнепсом, картошкой, морковкой, — всем, что на полях росло, никто нас ничем не кормил. И так — до Волосово. Когда идешь колонной — не убежать. Мы из нашей деревни двигались пятью семьями, так никто не убежал.

В Волосово располагался лагерь для гражданских лиц и для военнопленных. Военнопленных держали за колючей проволокой, мы им подбрасывали иногда картошку. Их там очень много умирало. Те, кто еще был жив, рыли рвы и мертвых закапывали, а на другое утро уже хоронили тех, кто копал накануне. Это мы видели.

Нам иногда привозили большой бак баланды, я ее запомнила на всю жизнь, потому что казалось, что это очень вкусно из-за запаха, который шел от нее. А это был кипяток, в который бросили несколько кубиков брюквы, они и давали запах. Мы спешили со своими манерками за этой баландой. А в остальное время питались подножным кормом.

Однажды разбомбили немецкую конюшню. Мы все туда побежали, отрезали, кто сколько мог унести, от лошади мягких частей, отмыли мясо в корыте, и, таким образом, один раз даже ели конину. В Волосово мы пробыли 2 месяца.

Никифорова Людмила

Когда началась война, мне было 9 лет. В августе папа ушел на фронт. А мы с мамой и еще двое детей остались в деревне Нестерково Оредежского района. Брат старший рыл окопы. Мама слегла в больницу. Я осталась с младшим братиком, годовалым. А старшая сестра была у бабушки. Папа прислал всего два письма: одно — из Луги, о том, что бьют фашистов из пушки, он был артиллеристом, а второе — из Ленинграда. Я берегла эти письма-треугольнички, чтобы передать маме. И очень хотела, чтобы быстрее кончилась война.

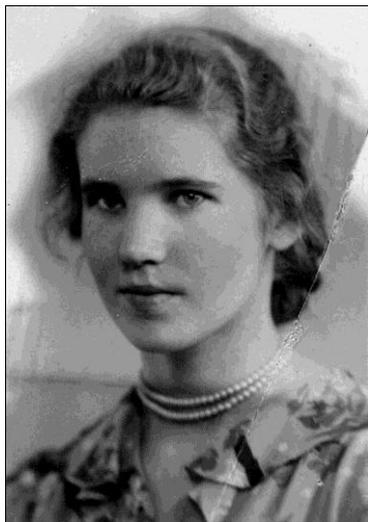
Мама вернулась. Немцев не было еще у нас в деревне, но Вырицу уже захватили. Мы и все жители ушли в лес. Летали самолеты, слышны были выстрелы. Мама надеялась, что мы эвакуируемся, но мы не успели. Немцы пришли в деревню. Они ловили у нас кур, забирали все, что только можно. Разрыли ямы, где мы прятали вещи. Я помню, что мама, когда разрыли яму, хотела посуду оставить, это было ее приданое. Она просила немца, но тот сказал «нет» и ударил маму по животу. Она упала, у нее потекла кровь, потом она, опираясь на меня, ушла в дом.

Немцы ушли дальше, оставили нас без всего. Деньги были, но на них ничего нельзя было купить. Нам очень хотелось через линию фронта перейти, но не смогли, мама опять заболела. Жилось нам очень голодно, запасов никаких не было. Мы с сестрой пошли просить милостыню в соседнюю деревню, откуда наш папа родом. Нам женщины дали мешок картошки. Иногда мне давали хлеб, я все приносила домой.

Бабкина Галина

В 1941-м, когда немцы наступали, нас эвакуировали из деревни в Ильменские болота. Там раньше давались покосы для скота. Было жарко очень. Детей везли на лошадях, а взрослые шли рядом. Приехали. Собрались набрать в озере воды, вскипятить. Развели костры. И вдруг началась бомбежка. Налетели самолеты, как начали бомбить! Стали прятать детей. Бомбили так, что я до сих пор боюсь, когда гром гремит. Волосы шевелятся, вся дрожу. Молний не боюсь, а грома не выношу. После этой бомбежки повезли нас обратно, потому что мосты на Новгород разбомбили. И мы жили уже под немцами, в оккупации.

Однажды к нам в деревню пришла еврейская семья из Питера: девочки Галя и Жанна и их бабушка Катя, уже пожилая женщина. Они жили у Смольного, в хорошей квартире. Гале было 6 лет, а Жанне 3 года. Галя была беленькая, а Жанна рыжеватая. Они в Луге отдыхали, а тут война. Пошли на Новгород, осенью были у нас. Они знали уже, что немцы евреев расстреливают, хотели спрятаться. Моя мама их приютила. Вещей у них практически не было, только то, что на них. Они у нас в доме прятались всю зиму 1941–1942 годов. И мама всегда нам говорила: «Никому ничего не рассказывайте. Меньше знаешь — легче жить». Весной они пошли в сторону Старой Руссы, наверное, боялись оставаться, потому что летом дети будут бегать — кто-нибудь может донести. Когда мы провожали их, плакали. Они уходили, оставили мне ленинградский адрес: «Если будем живы, приходите к нам после войны». И я у них была в 1952 году. Они все остались живы! Значит, их не выдали, спасли. Вот такие русские люди! А в нашем селе повесили двух партизан и не разрешали снимать. Там мухи кружились. Это детское впечатление на всю жизнь осталось. Когда немцы отступали, мы в землянках прятались. У нас никого не угнали в Германию.

Бабкина Галина

Дадоченко Антонина

Виселиц я нагляделась в Пушкине достаточно. Когда мы сидели в подвале Лицея, моя мать очень не любила меня выпускать. А мы, дети, выбегали. К ноябрю уже на каждом углу на фонарных столбах мы видели повешенных: и мужчин, и женщин. На улице Революции на столбе висел мужчина с табличкой «я вор», на Московской — женщина, вся обвешанная баранками. На одном столбе висел парень молодой, на нем — трафарет «я вор». А через садик от нас висел мужчина с табличкой «я мародер». Вот так.

Перед ноябрьскими праздниками нас всех выгнали из подвала на площадь у дворца, выстроили в каре, заставили поставить перед собой вещи. Немцы подходили к нашим вещам и копались. А что могло быть у беженцев? У нашей семьи взяли пиленый сахар. Мы еще не голодали, не знали, что это такое. Когда немецкий солдат взял кусочки сахара, я, конечно, была сражена.

На следующий день нас под конвоем повели пешком в Гатчину по старой Красносельской дороге, впереди колонны — двое военных и один сзади. Привели в лагерь на улице Хохлова, загнали туда, даже не переписывали никого. Потом нашу семью перебросили на территорию «Заготзерна». Там поместилась воинская немецкая часть, а мать должна была обслуживать немцев. Место было полузакрытое. Русских туда практически не пускали. Мать заставляли мыть полы, стирать эти сраные подштанники немецкие. Носки штопать. А нас с братом заставляли набирать из колодца по 30 бадеек воды и таскать в конюшню. В саму конюшню нас не пускали. Там у них были лошади, а мы считались вспомогательной силой по обслуживанию этих лошадей. Таскали им сено.

Из еды немцы нам ничего не давали, ни кусочка хлеба. Голодали мы страшно. Первым спасением стали поля петрушки за конторой «Заготзерна». Когда сошел снег, все население рванулось выкапывать эту петрушку. Ходила и я. Варили ее чанами и ели. Потом стали собирать лебеду, крапиву.

Одним из новых учреждений, созданных в Гатчине немцами, был детский дом. Очень странно, что он находился при военном госпитале. В нем часто умирали дети. Только за 1942 год — 250 человек. Как впоследствии оказалось, у детей забирали кровь для раненых немецких солдат.

Немецкие колонизаторы действовали рационально и планомерно. Русские «недочеловеки» должны были в большинстве исчезнуть, а оставшиеся — приучиться служить третьему рейху. Но прежде всего, следовало очистить территорию от элементов опасных и просто бесполезных.

В крупнейшей психиатрической больнице имени Кащенко немцы решили расположить госпиталь. Более тысячи больных выгнали на улицу. Но они никуда не ушли, остались на территории больницы, не понимая, что происходит и что их ожидает. Через неделю за больными приехали эсэсовцы из айнзатцгруппы «А» и объявили об эвакуации душевнобольных под Псков. Перед посадкой в грузовики каждому сделали укол фенола. В течение 10 минут в живых уже никого не осталось. И поехали они не под Псков, а в деревню Ручьи. В ближайший противотанковый ров.

Штаб-квартира айнзатцгруппы «А» под командованием бригаденфюрера СС Шталкера располагалась в Гатчине. Именно она должна

была осуществлять чистку Ленинграда. Но с Ленинградом не получилось, и чистки происходили в его пригородах. Расстреливали политруков, партизан, евреев, цыган, инвалидов и просто заложников.

В Пушкине расстрелы евреев проводились прямо в Александровском парке: у Большого каприза, на Розовом поле; в Лицейскому саду; в Баболовском парке. Казнили всех, от младенцев до стариков.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Дадоченко Антонина

Въехали сначала мотоциклисты немецкие, никого из населения не тронули, развернулись и уехали. Потом появились регулярные воинские части. Мы тогда находились в блиндажах у Царскосельского вокзала. Пришел немецкий офицер и сказал на плохом русском языке: «Линия фронта, уходите». Мы спросили: «Куда?» Он ответил: «Идите в Пушкин». Мы всей деревней пошли в город. Пушкин был пустой: ни немцев, ни русских, — никого. Все горожане прятались, кто где мог. Мы поселились в Лицее. Там был подвал с трехметровыми стенами, разделенный на отсеки. Каждая семья занимала такой отсек. В двух отсеках от нас находилась семья евреев Литмановичей: бабушка лет 90, муж с женой и двое детей, один — грудной, завернутый в пеленочки.

Бои шли, мы слышали стрельбу, но немцев пока не видели. Со стороны Александровского парка в Лицей пришли 10 русских военных, все молодые парни, лет до 20. Они себя называли последним заградительным отрядом. Они организовали заслон и стали держать оборону. Но продержались недолго, потому что немцы обошли Екатерининский дворец с другой стороны и зашли этим солдатам в тыл. Все 10 человек погибли. Некоторые из них пытались через бруствер уйти, но были убиты у входа в Александровский парк. Двое лежали на брустверах. Сам командир лежал в яме у входа в Лицейский сад. Мы всех их потом собирали и хоронили, уже при немцах.

Немцы нас проверяли каждый день в этих подвалах. Входили по двое, по трое, проходили в середине и глядели. А потом уходили. Через некоторое время в Пушкине заговорили, что евреев будут расстреливать. Молодой человек Литманович очень забеспокоился, стал нервным, а его бабушка пришла в наш отсек. Мы там находились с братом маленьким. Они с мамой долго шептались. Потом эта бабушка принесла нам грудного ребенка, и он у нас сутки примерно находился. Его мама забирала, кормила и снова приносила. Вечером в подвале появился офицер с моноклем и стеклом. С ним — двое сопровождающих. Нам объявили, что все должны построиться у своего отсека. Мы так и сделали. Офицер шел, возле некоторых останавливался, говорил «юда» и ударял стеклом по плечу. Этих людей уводили. Литмановичей — и бабушку, и молодую женщину, и ребенка, который ходил — вывели на улицу. Когда офицер дошел до нас, мы стояли — мать, брат и я. Он мимо меня прошел, мимо брата... Мать

держала на руках ребенка. Завернутого. Одеяльце обычное, как у всех. Немец откинул одеяльце и говорит: «Юда». Двое подошли к моей матери, вырвали ребенка и передали на улицу. И так они обошли всех, кто находился под Лицеом. Я должна сказать, что была поражена, особенно в дальнейшем, когда жила в Гатчине, насколько немецкие офицеры были натасканы на «юда». Это что-то уникальное, непередаваемое.

На улице тех, кого вывели, построили у Лицея и повели по дороге в Гатчину. Ребяшня помчалась за ними, мы с братом тоже. Немцы нас отогнали.

Всех евреев расстреляли на Черных болотах. Как мы узнали, что они расстреляны? Очень просто. На другой день рано утром забегал кто-то по отсекам и заговорил: «Идите, получайте вещи, кто хочет». Взрослого населения пошло туда мало, побежала в основном ребяшня. Мы с братом пошли, не знаю, зачем. Из открытой двери выбрасывали вещи. Вдруг выкинули чепчик, который был на девочке, которую у нас забрали. Я запомнила эту сцену на всю жизнь. Его очень сильно бросили, он вылетел из дверей и так плыл, плыл по воздуху и упал на голову мальчика, который стоял предо мной. Белый кружевной чепчик, с розовыми ленточками. Что-то случилось со мной в тот момент, я повернулась и ушла. А уже женщины открыто говорили, что все евреи расстреляны.

В Гатчине на площади Коннетабля на обелиске установили свастику. Город стал лагерной столицей севера. Сюда сгоняли всех жителей пригородов Ленинграда, отсюда же насаждался новый немецкий порядок.

В битве под Ленинградом немцы захватили сотни тысяч военнопленных. В листовках пропагандисты вермахта не скупались на обещания: «Здесь у нас весело и сытно, брат», «Приходи, у нас есть хлеб». Но немецкие концлагеря мало походили на картинки с листовок. С самого начала войны действовала установка не относиться к советским солдатам, как к военнопленным.

Из памятки для немецких охранных команд от 8 сентября 1941 года: «Беспощадно применять оружие! По отношению к трудолюбивым и послушным военнопленным — также неуместно проявление мягкости».

В Красных казармах в Гатчине немцы устроили концлагерь для военнопленных. Описание этого лагеря есть в спецсообщении НКВД: «Обращение с заключенными зверское. Суточный паек: 200 граммов хлеба и кружка баланды. Рабочий день — 14 часов. Если работы нет, заставляют целый день бегать по кругу. Слабых, не способных работать, на глазах у всех расстреливают».

Для «разгрузки» лагерей немцы периодически проводили массовые казни. Но главную работу должны были сделать голод, холод и болезни.

Оккупированная Гатчина

Осенью 1941 года в Гатчине сожгли барак с военнопленными, больными тифом. Тех, кто пытался выскочить, расстреливали из автоматов. В Гатчинских лагерях в 1941 году было повешено 200 военнопленных, расстреляно — 650. Умерло от истощения — 17 тысяч.

В районе Крестов на окраине Пскова находился один из самых крупных концлагерей для военнопленных. Здесь было уничтожено 65 тысяч человек, что примерно равняется количеству населения всего города Пскова до войны. Три четверти советских военнопленных, которые оказались в немецком плену, погибли от голода, холода и нечеловеческого отношения.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Окунев Михаил

Немцы очень боялись, что местные мужчины окажут сопротивление, станут партизанами и будут вести боевые действия с немецкой армией, поэтому первые облавы начались примерно через 10 дней после захвата города. Всех, кто попадался, сгоняли со свистом, с улюлюканьем и отправляли в комендатуру. Мы с отцом попали в одну из облав, и нас с колонной отправили в гатчинский концлагерь. При въезде в Гатчину, недалеко от чугунных ворот, стоят Красные казармы, вот там и был лагерь. Все было обнесено проволокой. В лагере находились и военнопленные, и гражданские. По несколько дней ничем не кормили. Утром просыпаешься, а там 200–300 человек мертвых. Условия были жуткие, но это не только в Гатчине. Смертность была ужасной. Если из 20 человек один выживал, это было хорошо. А коммунистов, комсомольцев, евреев, пленных офицеров сразу отводили в сторону и расстреливали.

Людей из лагеря использовали на дорожных работах, на аэродроме, если нужно было выполнять какую-то грязную или тяжелую работу. Охрана, кстати, была русская, из тех, кто перешел на сторону немцев.

Некоторые пытались бежать. Кого-то ловили, а кому-то и удавалось. Мы с отцом бежали. Нам помогли моя мать и сестра. Их тоже вскоре после нас схватили, выгнали из Пушкина, и они сами дошли до Гатчины. Сестра была постарше меня. Я 1927 года рождения, а сестра 1924-го. Она закончила 10 классов вместе с Рыбаковым, нашим НКВДэшником, которого заслали агентом для организации сопротивления и партизанского движения в гатчинскую комендатуру. Он там переводчиком был и помог сестре нас освободить. Больше года Рыбаков занимался разведывательной работой, а потом его разоблачили и казнили.

Мы с отцом до ноября 1943 года скрывались в Сиверской, нам Рыбаков выдал фальшивые документы. Приходилось как-то выживать, подрабатывать. Постоянной работы не было. Зарабатывали на дорожных и строительных работах, в подсобных хозяйствах, на лесозаготовках. Люди жили тяжело. Ни пайков, ни карточек, ни магазинов при немцах не было. Народ вымирал.

Окунев Михаил

Дадоченко Антонина

На территорию «Заготзерна» выходила задняя часть военного концлагеря. И то, что я там видела, вы не видели в жизни. Мы же там жили. В сорокаградусный мороз раздается вопль. Подхожу к окну, вижу: тащат полуголого человека, подвешивают вниз головой к столбу и обливают холодной водой. К вечеру снимают, и он сутками там лежит. Я это видела через день. Понимаете? Видела, как били военнопленных плеткой. Мать пыталась окна забить, но мы на это смотрели все 3 года.

Тюлякова Антонина

С немцами я встретилась на станции Поповка, под Ленинградом. Это была линия фронта. Нас оттуда колонной пешком погнали в сторону Пскова.

Когда пришли в Псков, нас заставили отметиться на бирже, а потом должны были куда-то везти. То ли в Германию, то ли еще куда, — не знаю. Нас было трое: я, брат и сестра. Мама дорогой заболела тифом, и что с ней сделали немцы, я до сих пор не знаю. В Пскове мы убежали. Сначала брат, потом я с сестрой. Мне местные жители сказали, что недалеко от города есть бывший совхоз «Диктатура», и там очень много беженцев. Там нас смогут спрятать. Вот мы туда и ушли.

Обстановка в оккупированном городе была ужасная. Жили, в основном, в бараках. Беженцев много было: из Петергофа, Пушкина, Павловска, — отовсюду гнали людей. В совхозе мы жили до весны. А весной 1942 года появился эстонец и стал владельцем этих совхозных земель. Он брал на работу, меня тоже вывел один раз. Нужно было таскать очень тяжелые камни, а я не могла этого делать, была очень истощена. Тогда он сказал: «Больше ко мне не приходи». Я без работы осталась с маленькой сестрой. Брат ушел в пастухи куда-то в Эстонию, а у нас не было питания даже на один день. Люди нам помогали, еще я подружилась с дочерью хозяина. Вдруг объявили, что на территории совхоза есть какая-то партизанка. Стали проверять у всех документы. А у меня документов не было, ведь я до войны закончила только 7 классов. Паспорта нет, даже свидетельства об окончании седьмого класса нет. И меня снова забрали в лагерь, а сестренка осталась одна. Но я оттуда убежала с помощью местных жителей.

Лагерь в Пскове находился в бывшем монастыре. Там все разгромлено было, остались только стены, и немцы настроили бараков. В них мы и жили. В лагере было ужасно! Кормили плохо. Хорошо, что местные жители приносили нам из деревень еду. Спали на нарах — ни соломы, ни матрасов. Рядом был лагерь военнопленных. И нас, и их водили на работу на соседнюю фабрику, мы там таскали огромные туки, загружали их в машины.

В наш лагерь приезжал Власов. Он организовывал народно-освободительную армию. Однажды собрали нас и военнопленных. Входит целая свита немецких офицеров, среди них Власов. Он призывал военнопленных вступать в его ар-

мию, чтобы скорей покончить с советской властью. А нам пожелал работать на немцев честно и добросовестно. Потом уже, когда я была в партизанском отряде, у нас целый 4-й отряд³⁹ состоял из бывших власовцев. Они пришли к нам с оружием, партизаны им поверили. Но проверяли. Давали особые задания и проверяли.

Под Ленинградом против Красной армии воевали люди разных национальностей, и оккупационный режим отличался в зависимости от того, какие части стояли в конкретных деревнях или городах. Эстонские и латышские части, как правило, занимались самой грязной работой: охраной концлагерей, карательными операциями. Фламандцы и норвежцы состояли в дивизиях СС, находились на линии фронта и считались образцовыми бойцами. Но больше всех запомнились населению Ленинградской области испанцы. Их поведение резко отличалось на фоне других оккупантов. 250-я испанская дивизия, получившая название по цвету голубых рубашек испанских фалангистов, состояла из добровольцев. Это были яростные антикоммунисты, которые не могли простить большевикам участие в Гражданской войне в Испании.

Из дневника испанского лейтенанта Бенджамина Ареналеса Валькабадо: «Я стал частью испанской дивизии добровольцев на русском фронте вместе с немецкими товарищами в войне, которую ведет европейская цивилизация. Я снова буду воевать как доброволец за те же идеалы, которые двигали мною в испанской войне».

Испанцы пришли освобождать русский народ от большевизма и местных жителей «недочеловеками» не считали. Была даже тенденция к братанию с местным населением, и население к испанцам относилось достаточно тепло.

Из дневника жительницы города Пушкина Лидии Осиповой: «Если едет на подводе немец, то никогда вы не увидите на ней детей. Если едет испанец, то его не видно за детьми. И все эти Хозе и Пепе ходят по улице обвешанные детьми».

Сохранились доклады немецких офицеров, которые жаловались, что испанцы постоянно снабжают население хлебом и слишком тесно общаются с русскими. Немецкие оккупанты искренне возмущались поведением союзников. Испанцы открыто вступали в связи с русскими женщинами и нередко венчались в православных храмах, после чего увозили жен с собой в Испанию.

Из дневника Лидии Осиповой: «Немец выпорол русскую девушку. В ответ на это испанцы начали избивать всех попавшихся им по дороге немцев. Испанцы хоронили девушку. Гроб несли на руках и все рыдали. Ограбили всю оранжерею, которую развели немцы».

Солдаты 250-й испанской дивизии с местными жителями

Гитлер писал об испанских солдатах: «Как войско, испанцы — это толпа оборванцев. Они считают винтовку инструментом, которую не надо чистить ни под каким предлогом. Их часовые существуют только в принципе. Когда приходят русские, местные жители вынуждены их будить. Но испанцы никогда не уступали ни пяди земли».

Голубая дивизия и Испанский легион сражались под Ленинградом исключительно эффективно и отличались высоким боевым духом. 4 тысячи испанских добровольцев погибли, среди них 153 офицера. 3 тысячи пропали без вести. Осенью 1943 года Голубая дивизия была отправлена на родину. Остались только добровольцы иностранного легиона. Но и их в марте 1944-го также перевели в Испанию.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Дадоченко Антонина

Я очень признательна испанцам. Не помню, в каком году, но Гатчину заполнили испанские войска. Они к русским относились так хорошо! Выходили на улицу и раздавали буханки хлеба. Вот тут мы немножко поели. Испанцы все

время дрались с немецкими полицаями. Драки были ужасные, прямо среди бела дня. Вот тротуар. Идет патруль немецкий. Навстречу — 3 или 4 испанца. Испанцы считают, что немцы должны уступить им дорогу. А патруль не уступает. И начинается драка. Тротуары в Гатчине — очень узенькие, русские, если шел немецкий патруль, должны были обязательно сойти на дорогу. Испанцы этого не делали. Каждый второй испанец хорошо говорил по-русски, но, конечно, ломано. Они говорили, что благодарны русским за то, что мы приняли их детей и сдадутся в плен. Но, насколько это реально, я, конечно, подтвердить не могу.

Галибин Константин

В Красном Бору стояла перед нами Голубая дивизия. Холодно было, а они — с юга. Поэтому их боевой дух был не тот, что у наших ребят. Тем более нас кормили, вооружение было хорошее, одеты, обуты.

Однажды наш разведчик взял в плен испанца. Замерзшего, не очень хорошо одетого, не очень сытого. По русскому обычаю, накормили его, напоили водкой, дали закусить, отогрели. Никто из нас испанского языка не знал, поэтому общались только на пальцах. Время он провел у нас очень хорошо. Ему понравилось, и нам тоже. Общались мы с ним недолго. Пришли ребята из специальной организации и его забрали. В части, в которой я имел честь и удовольствие служить, не было случая, чтобы пленному били морду. Как-то один боец приехал верхом на немце, так мы ему сами начистили рыло. Беспомощного человека, который не может сопротивляться, зачем бить? Это не по-нашему.

Басистов Юрий

Наш отдел, кроме немцев, работал в пропагандистском направлении с финнами, с испанцами Голубой дивизии, с норвежским и голландским легионами. Все эти части стояли у стен Ленинграда. Из Москвы из Коминтерна приехали два эмигранта-испанца, которые помогали работать с Голубой дивизией.

В нашем дивизионе была очень хорошая аппаратура нашего производства. Мы эти приемники любовно между собой называли «собачками», потому что они тоже по следу умели идти. На втором этапе войны мы использовали вхождение в немецкие радиосети с пропагандистскими и подрывными целями. Это нам хорошо удавалось, особенно когда появились немецкие трофейные станции. Существовала целая система: нащупывалась волна, выходили на нее, и на том конце немец отзывался. Иногда выходили в эфир без указания источника, это была так называемая «черная пропаганда». А иногда, наоборот, общались: «С вами говорит представитель Красной армии. Вы уже знаете, что там-то и там-то разгромлены. Вас скоро ожидает конец». Немец слушал, иногда прерывал связь, иногда — нет.

Я работал в политическом управлении в 7-м отделе по работе среди войск противника. Помню, нам попались дневники немецких солдат. Для нас это бы-

ла ценнейшая информация. О чем думали? Какой внутренний мир? О чем переживали? Вот, например, в дневнике запись: «Мы у Ленинграда, скоро будет его падение, оно приблизит окончание войны. Надо еще одно усилие, но русские очень сопротивляются». Человек, писавший этот дневник, надеялся, что скоро город падет, а пал сам, и его дневник очутился в наших руках как трофейный документ.

В начале войны наша пропаганда большого влияния не имела. Когда немцы наступали и брали город за городом, когда продвигались по 120 километров в сутки, что можно было пропагандировать. Тем более, наша информация в то время носила классовый характер. В наших первых листовках говорилось: «Немецкие рабочие, немецкие крестьяне! На кого вы подняли свое оружие? На страну Советов, на первое государство в мире рабочих и крестьян! Помните, здесь ваши братья». Очень быстро мы поняли, что классовая пропаганда на немцев не действует. Ведь они были поколением, охваченным очень сильным влиянием нацистской агитации, всякими националистическими идеями. Большинство немецкого народа поверило Гитлеру, что им предстоит особая роль в мире. А прозрение пришло, когда Германия была разбита полностью.

В дальнейшем тон нашей пропаганды стал другим — информационно-силовым. Мы действовали на основе фактов, с доводами устрашения. Наши листовки выходили с очень удачными коллажами, например, Наполеон держит в руке маленькую фигурку Гитлера и говорит: «И ты еще туда полез? Я там был — ничего у тебя не получится». Или другая, со словами: «Эту страну не удастся завоевать, здесь вы сломаете себе голову, здесь вы протянете ноги».

В 1943 году в 67-й армии⁴⁰ была создана звукостанция на самолете. На высоте 600–700 метров, когда пилот начинал постепенное снижение, в течение 1,5–2 минут наговаривался текст пропагандистского характера. Когда наша эскадрилья стояла в Колтушах, приезжал корреспондент ЛенТАСС Борис Уткин и делал репортаж о нашей работе. Сохранилась фотография: на фоне самолета стоит пилот старший лейтенант Женя Некрасов и я, старший лейтенант, летавший на этом самолете в качестве диктора. Два лета мы летали по ночам с аэродрома в Колтушах, а потом с нового аэродрома, который располагался за нынешним проспектом Энгельса.

Немцы нас обстреливали очень активно, мы это видели по трассирующим пулям вокруг нас. Возвращались на базу с пробоинами в крыльях, а один раз маслопровод немцы проббили. Но Женя Некрасов дотянул до аэродрома и как-то сумел сесть. Очень был опытный летчик. К сожалению, в конце войны он был сбит и погиб.

В германской армии были уверены, что русские в плен не берут. Попадешь в плен — тебя расстреляют. Мы должны были изменить это убеждение, чтобы снизить боевую способность войск вермахта. Если человек знает, что его расстреляют, то он будет драться до последнего. А если он знает, что в плену останется жив, то будет сопротивляться менее яростно. Мы писали в наших листовках: «Вот, познакомься с жизнью пленных в лагере. Некто Франц Гольд, по-

вар, на обед приготовил «айнтопф». По-немецки это горшок, где суп и второе вместе, что-то типа нашего жаркого. И еще, каждому — по 200 граммов хлеба. Такая листовка запоминалась. Франц Гольд — реальный немец, который был у нас в плену. Здоровый мужик, стал в ГДР заместителем министра госбезопасности и начальником охраны Политбюро и правительства ГДР, я его очень хорошо знал. Не буду говорить, что в плену было сладко. Плен есть плен: болезни, тяжелый труд и, конечно, недоедание. Я перевел немецкую книгу «О прошлом с любовью». Ее написал немецкий офицер, бывший в плену под Ленинградом. Он попал в плен в Польше, но сидел в лагерях в Сестрорецке, Лисьем Носу, Красном Селе, и даже в Ленинграде на одном заводе работал. Когда он вернулся в Германию, стал католическим священником. В 1990-е, когда у нас были пустые полки, создал фонд помощи Ленинграду. Он писал, что в тяжелое время плена увидел необыкновенную страну и необыкновенных людей. Ненависти по отношению к немцам он не чувствовал. Наверное, это так. К уже поверженному врагу массовой ненависти не было.

С первых же дней оккупации гитлеровцы столкнулись с организованным сопротивлением в собственном тылу. Ленинградское управление НКВД уже в июне 1941-го предусмотрело самый мрачный вариант развития событий. Советская пропаганда еще обещала скорую победу над врагом. Но чекисты создавали диверсионно-разведывательные отряды, которые выводили в леса Ленинградской области. Первый отряд, набранный из студентов института физкультуры имени Лесгафта, ушел в леса под Лугу уже 27 июня. Спецотряды НКВД создавали в лесах партизанские базы. А с приходом немцев развернули борьбу в тылу врага.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Пенкин Алексей

Я работал на ремонте судов в Балтийском пароходстве и учился на вечернем отделении мореходки. В тот день, когда началась война, мы были в Мореходном училище на Васильевском острове. Нас поздравили с окончанием второго курса, раздали зачетные книжки и сказали, что учебу нам придется заканчивать уже после войны, а сейчас надо идти воевать. Я приехал домой. Жена говорит: «Тебя просили прийти в Балтийское пароходство, в политотдел».

Я пришел. Мне сказали, что есть постановление о создании партизанских отрядов в помощь Советской армии. Проводится запись желающих защищать Родину. Все стали записываться. И я записался. Скомплектовали группу, все были с военной подготовкой. Многие закончили мореходную школу в 30-х годах. Нас из пароходства, как моряков дальнего плавания, на постоянную

С первых же дней оккупации гитлеровцы столкнулись с организованным сопротивлением в собственном тылу

службу в армию и во флот не брали на основании Приказа № 45 Министерства обороны, могли призывать только на кратковременные сборы.

Нас стали готовить к разведывательно-диверсионной работе. Учили стрелять, водить мотоцикл, работать с радиостанцией и, главное, делать взрывчатку. Должны были прыгать с парашютом, но это почему-то не состоялось. А еще мы обязаны были рассказывать местному населению, что происходит в стране и на фронтах, то есть вести пропаганду.

Нас разделили на тройки, выдали комбинезоны синеватого цвета, плащ-палатки полуавтоматы-винтовки. Они не особенно хорошие, чуть засорятся и уже не действуют. Гранаты выдали, но не лимонки, а такие трубчатые. Туда запал вставлялся, надо было ручку отвести и быстро бросить, иначе запал мог взорваться в руках.

Вначале мы работали в Лужском и Кингисеппском районах. Шоссе минировали ночью, пока у немцев все движение прекращалось. Они предпочитали по ночам отдыхать. С рассветом шли танковые бригады или техника немецкая, и мы подрывали их. Один раз подорвали большую колонну.

Потом узнали, что в деревню Старицы прибыл немецкий штаб. Его два человека охраняли. Наши опытные бойцы, Кондрашов и Мельник, сумели снять часовых, у них были бесшумные винтовки, и мы забросали бутылками с горючей

смесью школу, где размещался штаб. Паника была невозможная, стрельба оттуда, шум, гам. После этого фашисты очень озверели.

Однажды мы заминировали участок проселочной дороги фугасами. Отошли метров 100, смотрим: едут два мотоциклиста и сзади легковая машина. Решили остаться и посмотреть, получится что-нибудь или нет. Взрыв. Одного мотоциклиста я не видел, другого куда-то занесло, а у машины весь верх снесло. Надо было уходить, но мы решили посмотреть, кто вел машину. Подошли и видим: один человек убит, генерал какой-то, а рядом — что-то типа сундука без ручек. Вытащили его. Помню, кто-то из наших сказал: «Что они туда, кирпичи положили, что ли?» Другой: «А может, там взрывчатка?» Пытались открыть — не получилось. Решили в лагерь отнести и отдать командиру. Отдали и забыли про это. Потом уже как-то спросили, что там было. А командир говорит: «Чем меньше будете знать, тем крепче будете спать».

Спали мы в лесу. Нарубим елок, сделаем шалашик. Но спать много не приходилось. Немножко отдохнем и передвигаемся дальше. У нас был мобильный отряд, все время в движении. Ботинки у всех разлетались, я даже пару дней ходил босиком. У крестьян никогда не просили, где-нибудь сами доставали. Мне подобрали два ботинка с одной ноги. Великоваты были немножко, оба левые, но ходил, а что делать? Питались ягодами, иногда в деревнях что-то давали. Спасали черника и брусника. Костер запрещено было разводить — слишком хороший ориентир.

В сентябре поступил приказ, чтобы мы вернулись в Ленинград. Отряд перформировали, часть отправили в Балтийское пароходство, потому что специалистов-механиков и штурманов не хватало на флоте. Меня и Константинова Александра отправили туда электриками. Мы оказались на маленьком судне, которому присвоили номер 539. Из него сделали госпиталь. И на этом судне мы перевозили раненых из Ораниенбаума в Ленинградский порт, пока залив не сковало льдом.

Второй раз нас забрасывали в начале 1942 года в район Волховского фронта. Везли нашу четверку на поезде, высадили в Малой Вишере. Там была потеряна связь с одной группой подпольщиков и надо было выяснить, в чем дело. Если отряд выдали, то постараться выяснить, кто выдал. Нам не удалось это выполнить, потому что по дороге мы попали под обстрел и были ранены. Рацию разбило, и нам пришлось вернуться.

Диверсанты собирали и передавали информацию о немецких войсках, минировали коммуникации, громили базы и штабы. Однако уже осенью 1941-го диверсионные группы начали испытывать острую нехватку боеприпасов и амуниции. Кроме того, немцы предприняли жесткие карательные действия.

Из донесения полиции безопасности 1 декабря 1941 года: «Были выслежены многочисленные партизанские группы, которые уничтожены собственными силами. Партизанское движение заметно поутихло».

Немецкое военное командование на оккупированных территориях хотело иметь спокойный мирный тыл. Крестьянам пообещали землю, верующим открыли храмы. Квартирующие в деревнях германские солдаты не бесчинствовали, а налаживали человеческие отношения.

Из донесения полиции безопасности: «Русскому гражданскому населению по сути все равно, под чьим оно господством — русских или немцев. Важнейшая забота — собственное пропитание».

ВОСПОМИНАНИЯ:

Маляров Игорь

Я должен был в 1941 году идти в школу в Ленинграде. Меня на лето отправили к бабушке в деревню Апанасенки Невельского района, сейчас это Псковская область. Началась война. Отсюда уже невозможно было выехать. И таких, как я, было много. У меня дядя умер в блокаду, двоюродный брат. А я жил всю войну с дедушкой Кузьмой Васильевичем, бабушка умерла в 1942-м.

Я помню, перед самой войной в деревне мужики проклинали колхоз, советскую власть и Сталина. Говорили: «Скорее бы война». Ожидали, что колхозов не станет или советской власти не станет.

В 1941 году приехали в деревню за молоком военнопленные с немцем. Один немец с винтовкой и 7 человек пленных, причем не изможденные, их только что взяли. Они могли бы его скрутить, убить. Однако ничего такого не сделали. И кстати, этот немец сказал: «Гитлер — капут, Сталин — капут и войне — капут». Потому что он воевал с 1939 года, и война ему уже надоела.

Самые точные карты были немецкие. На советских картах нашей деревни Апанасенки не было. А на немецких — даже колодец был обозначен. Вот так. У нас кругом болота. Сюда на телеге-то было тяжело приехать, а немцы на машинах только зимой могли добраться. Зимой 1942–1943-го они у нас квартировали. Расположились, зажгли плошки прямо в избе, свечи такие, штаны раскрыли и били вшей на огне, не обращали внимания ни на кого, а в доме бабы были. Говорят: немецкая культура, а немецкий солдат запросто мочился прямо при бабах. Когда они уезжали из деревни, они всем нашим курам головы свернули. У них свой был паек хороший, а наши куры — это дополнительно.

Маляров Игорь

У нас был колхоз имени Сталина, так немцы ничего не поменяли: присылали разрядку на колхоз имени Сталина. Их название устраивало. Им было все равно. Они не с индивидуальных участков собирали, а с колхоза. И видимо, эти нормы устраивали крестьян, они сдавали в срок, никаких эксцессов не было. А когда говорят, что немцы дали землю — это ерунда. Сами крестьяне, как распались колхозы, по жребии всю землю делили.

Руководство Ленинграда мирный немецкий тыл никак не устраивал. Русская земля должна была гореть под ногами оккупантов. В каждый партизанский отряд назначались оперуполномоченные от НКВД. Кроме того, чекисты выполняли в тылу врага особые задачи собственными силами. 18 января 1942 года по линии НКВД был издан приказ, в соответствии с которым главной задачей ленинградского управления была организация диверсионных актов в тылу противника.

В 1941 году в Ленинградской области действовало всего 7 диверсионно-разведывательных групп. В 1942-м их забрасывали в несколько раз больше. Только за первое полугодие — 24 группы. Из них 14 групп бесследно исчезли. Одна из причин — отсутствие радиосвязи. Эти отряды отправлялись на задание без раций.

Совещание партизанских командиров

Советские разведчики говорили: «Можно быть трижды отважным и везучим, но все усилия превращаются в ноль, если у тебя нет радиостанции». Самая популярная среди партизан и диверсантов радиостанция — «Север». Весила она всего 2 килограмма. С батареями и антеннами — 10. Обычные станции весили килограммов 40. Немцы были уверены, что это чудо техники в Россию поставляют англичане. Но «Север» — советская разработка. Выпускалась в блокадном Ленинграде на заводе Козицкого.

Из вражеского тыла непрерывным потоком шли радиogramмы. Разведчики НКВД докладывали, где сосредоточены немецкие войска, расположены пушки, обстреливающие Ленинград, аэродромы, с которых взлетали вражеские бомбардировщики. Эти точки немедленно обрабатывались огнем советской артиллерии и авиации. Весной 1942-го даже немцы вынуждены были признать успехи советской разведки.

Из донесения немецкой контрразведки 8 апреля 1942 года: «Впечатляющее знание противника дислокации немецких частей можно отнести на счет несомненной агентурной и шпионской деятельности».

Чекисты активно налаживали связи с местным населением. Без его поддержки выполнение заданий в тылу врага было невозможно. Но практически в каждой деревне находились пособники и агенты немцев. По их доносам регулярно проводились карательные акции.

Из донесения полиции безопасности: «В способах борьбы с партизанами изменений не произошло. Например, от одного осведомителя зондеркоманды стало известно, что в деревне Кузнецово есть партизаны. В результате немедленных действий партизан обезвредили. Были схвачены также 4 пожилые женщины, которые носили партизанам в лес еду».

Красная армия упорно пыталась прорвать блокаду. Достоверные сведения о немецких войсках и укреплениях нужны были командованию, как воздух. И эти сведения регулярно поступали в спецсообщениях НКВД. Но добывались они высокой ценой. Во вражеский тыл советские агенты забрасывались в массовом порядке, прежде всего — женщины и дети.

Из донесения немецкой контрразведки 1 декабря 1941 года: «Из Ленинграда в большом количестве засылаются женщины и дети в возрасте 12—13 лет. Советское командование сознательно использует добродушие и легковерие немцев».

ВОСПОМИНАНИЯ:

Смирнова Ольга

Наш батальон расформировали где-то в январе 1942 года. Меня должны были отправить работать в госпиталь, в город. Я комиссару говорю: «Оставьте меня

лучше на фронте. Я — фронтовая медсестра, не умею делать то, что делают в госпитале, нас учили всего 2 месяца». Он меня отправил к военкому Всеволожска Горнову. Я Горнову сказала, что знаю немецкий язык, потому что у меня учительница была этническая немка. А еще до войны я училась в классе народного танца в Доме пионеров имени Жданова. У Горнова в кабинете сидели два человека из НКВД, Гвоздарев и Петров. Они меня спрашивают: «Вы хотите на передовую?» Я ответила, что там принесу больше пользы, чем здесь. А они мне предложили идти за передовую, помогать в разведке. Я должна была так немцам рассказать о себе, чтобы они меня решили завербовать, отправить в школу, а там я должна была имена и задания запоминать, а когда меня обратно отправят, рассказать все нашим. Я комсомолка и, хоть мне страшно было, согласилась.

Готовили нас совсем немного, наверное, 2 недели. У меня была очень хорошая легенда: я артистка, мы приехали давать концерт. Я подобрала листовку, и папа мне сказал уходить к немцам, чтобы выжить. Когда концерт закончился, я и перешла. Я даже в танцевальном костюме переходила линию фронта. А немцы не дураки, они стали спрашивать, кто у нас был в группе. Кто пел, кто танцевал, кто стихи читал. Я взяла имена своих школьных товарищей, а потом, когда меня через два месяца переспрашивали, не смогла вспомнить. И я им говорю: «Если у вас побуду еще месяц, так забуду, как меня зовут».

Гестапо — это страшно. Допрашивали только ночью. Я научилась плакать навзрыд, говорила немцам: «Я пришла к вам, поверила этой листовке». Однажды меня допрашивал какой-то гестаповец с лошадиной мордой. Он схватил меня за волосы и давай об стену бить, а потом потащил в солдатскую казарму и заставил там танцевать. Я думала, что сейчас издеваться надо мной станут. Я босиком была, вся в крови, лицо разбито, а платье грязное, я же два месяца не мылась. Как-то духом собралась, подумала, что это мой последний в жизни танец и оттанцевала. Я вспомнила наш бал и ребят своих, весь класс. У меня музыка в ушах звучала. И я выдала «Чардаш». Меня потом привели в землянку, дали листов 10 бумаги, сказали: «Пиши все, кто тебя послал, зачем. Если не напишешь, то мы тебя расстреляем». Я снова все написала, как по легенде. А еще взяла один лист и написала письмо как бы папе и спрятала его в дрова, но так, чтобы немцы заметили. В письме писала: папа, зря ты мне советовал уйти к немцам, они обещаний не выполняют и, похоже, я погибну. Ну и слова прощаний. Потом пришли два солдата с автоматами и погнали меня к лесу. У меня вся жизнь как в калейдоскопе промелькнула. Страшно, и жить хочется. А они меня довели до леса, постояли и вернули обратно в гестапо. А там немцы сидят и усмеваются: «Ну, что, артистка, испугалась?» Потом меня увезли в Любань, потом в лагерь.

Я была в женском концлагере Равенсбрюке. Через него прошло 123 тысячи женщин, из них 92 тысячи осталось там. Лагерное питание было лучше, чем блокадное, честно говорю, но оно было рассчитано всего на 8 месяцев пребывания, а затем человек, так или иначе, должен был погибнуть. Утром давали горячий кофе из ячменя, в обед — брюкву вареную горячую, а вечером давали

200 граммов хлеба. В блокаду и этого не было. У меня спрашивают: почему я выжила в концлагере? Я думаю, потому, что у меня мамы не было. Я привыкла к голоду. Кто покормит, кто — нет. И потом, я прошла блокаду. Когда попала в концлагерь, питание для меня не было самым важным.

Разведчики уходили за линию фронта, надеясь, что там живут такие же советские люди, они помогут. Но вся прифронтовая полоса была охвачена сетью завербованных немецкой контрразведкой осведомителей. И подавляющее большинство советских разведчиков в течение 2—3 дней оказывалось в застенках гестапо. Оттуда было только два пути: сотрудничать с немцами или мучительно умереть.

Массовые провалы заставили ленинградских чекистов изменить тактику работы в тылу врага. Они стали делать упор не на количество агентов, а на качество. Хорошую подготовку советских разведчиков отметили и гитлеровцы.

Из донесения немецкой контрразведки 8 апреля 1942 года: «Противник в последнее время перестал использовать массовую засылку неквалифицированных агентов. Напротив, он перешел к использованию отдельных агентов, которые специально отобраны и обучены».

Управление НКВД начало планомерную борьбу с коллаборационистами. Надо было наглядно показать жителям оккупированных территорий, кто здесь настоящий хозяин. За линию фронта забрасывались маршрутные группы НКВД, которые выявляли, общаясь с местным населением, кто — пособник немцев. Устраивалась публичная и непременно жестокая казнь. Чаще всего осужденных вешали, прикрепляя к ним табличку с приговором. Порою устраивали нечто средневековое, например, четвертование.

Информация о том, что наиболее активные поборники «нового режима» уничтожаются, причем самым жестоким образом, быстро расходилась по деревням. НКВД удалось создать эффект присутствия, с которым всем приходилось считаться.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Никифорова Людмила

Зима настала очень быстро. К нам однажды пришли партизаны и забрали лучшие вещи: папину шапку, нарядную и дорогую одежду. Мама лелеяла мечту уехать в Ленинград. Мы ж не знали, что город в кольце. Думали, что приедем, папу найдем, его часть была на письме указана. Но случилось иначе. В начале декабря раздался стук в дверь. Брат открыл дверь — там стояли наши десантники. Он впустил их, закрыл дверь. Следом — немцы. Стучат. Брат

долго не открывал. Они выломали филенки, влезли в коридор и стали бить брата прикладами. У него изо рта, из носа, из ушей потекла кровь. Мы все вскочили, обступили, плачем. Немцы побежали по комнатам. Стали стрелять. На чердак поднялись. Там постреляли. Вернулись обратно и побежали по дороге дальше. Видно, к лесу. В это время мама пришла. Она сказала: «Зачем же вы впустили этих партизан? Они опять нас ночью оберут». Брат стал уверять, что это другие партизаны, что они одеты совсем иначе, не в пальто, а в шубах. И тут немцы возвращаются к нам в дом. Наверху — десант. Внизу — немцы. Мама кофточку белую одела, юбку, сделала прическу, самовар поставила, вскипятила чай. Накрывает на стол и говорит: «Битте, битте». И просит нас выводить партизан. Она же знала, что немцы сжигают дом вместе с жильцами и с партизанами. А немцы у нас в доме остались ночевать.

В 1942 году пришла наша 2-я ударная армия. Бойцы были не очень хорошо вооружены, трудно им пришлось. Затем опять пришли немцы. Забрали маму, держали ее в подвале, издевались над ней. В нашем доме они не жили, потому что были выбиты все окна. У нас не было ни кур, ни коров, есть было нечего, поэтому мы ели немецкие отходы, то, что они нам кидали. Часто ели опилки липовые. Весной лебеда появилась. На навозной куче грибы выросли. Старшего брата мы в апреле похоронили. В ноябре немцы окружили деревню, погрузили нас на подводы, на машины и увезли на станцию. Там затолкали в грузовые вагоны и повезли в Латвию, затем в Германию. Маме пришлось работать на заводах, ей давали еду, а нам, детям, ничего не давали. Она все приносила нам. Было голодно, но терпимо.

Дадоченко Антонина

Сестра была связана с подпольщиком из рабочего поселка. А поскольку она хорошо знала немецкий язык, он ей посоветовал пойти работать в комендатуру переводчицей. Она пошла. А потом вступила в гатчинскую подпольную группу Игоря Рыбакова⁴¹. Но их предали. Они все были расстреляны, в том числе моя сестра.

В Гатчине, в бывших Павловских казармах размещался концлагерь для русских военнопленных. Подпольщики помогали заключенным оттуда бежать, переправляли их в лес к партизанам. И моя сестра в этом участвовала, за что и поплатилась. Сколько человек они переправили, я, конечно, не могу сказать, потому что участвовала в этом только косвенно — ходила по гатчинским разбитым домам и собирала тряпки для бежавших.

Подпольщиков всех забрали. К нам пришли из гестапо с четырьмя овчарками. Не выпускали нас сутки, а потом Лильку, сестру, забрали. Все документы, фотографии забрали в гестапо. Естественно, мать пошла узнавать, что и как. Она вернулась в слезах, потому что ей сказали: «Ваша дочь должна подписать согласие на работу с немецким рейхом. Если она не даст этого согласия, вы и остальные члены семьи будете расстреляны». Сестра не согласилась, и нас вызывали в гестапо на допросы. Вызывали в основном мать, а я ее сопровождала. Последний раз, когда мать потребовала сказать, где ее дочка, ее прямо там избивали палками, а меня спустили с лестницы, я летела, считала ступеньки.

Трофимова Ксения

В конце августа 1942 года нас посадили снова в вагоны и повезли куда-то. Я решила, что надо попытаться убежать с последним моим ребенком, хоть его спасти. А тут еще нам, на счастье, выдали хлеб — целую буханку на несколько дней. Когда нас выгружали и строили колонной, удалось чудом уйти. Зашли мы в какую-то деревню, попросили там напиться водички. Женщина говорит: «Вы, небось, есть хотите, а не водички?» И накормила нас. Потом дальше пошли. По дороге встретили женщин, они с работ возвращались. Одна мне говорит: «Что ж ты, такая старуха, а ребенка завела?» Я отвечаю: «А тебе сколько лет?» — «Пятнадцатого года рождения». — «И я пятнадцатого». Они ахнули, и по очереди несли Олега, моего сына, на руках до какой-то деревни, где мы остановились на ночлег. Потом дошли до деревни Толчино, бывшего имения князя Кропоткина. Там нам люди помогли добраться до моих родителей. У родителей жили хорошо, все соседи помогали, врачи помогали, которые оказались в оккупации.

В деревне иногда власовцы появлялись под видом партизан, приходили ночами за продуктами. Местные жители даже не знали: давать им продукты или нет, власовцы это или партизаны.

Нам сказали, что наступают немцы и будут бить по деревне, что надо уйти в лес. Мы ушли в партизанские землянки. Я даже корову увела, а мама не согласилась уходить. Она говорила: «Я у немцев служила, у французов, у евреев, у русских. Все хорошие. Вот вырой мне ямку, и я там буду прятаться». Я вырыла ей укрытие, мы туда стащили вещи, те, что получше. А папа пошел с нами, он был глухой. Из леса мы смотрели, как горит родная деревня. Ушли все, кроме одной старушки. Она сгорела, потому что не могла ходить, лежала на печке. Когда немцы ушли, папа вернулся. Мама оказалась жива. Она потом рассказывала, что вышла, когда немножко обстрел прекратился. Смотрит: нашу хату немцы поджигают. Она подошла к ним и стала просить не поджигать. И тут один фашист ткнул ей головешкой в лоб, а потом они зажгли дом и пошли дальше.

В нашей деревне немцы разрешили открыть церковь, и она работала. Все жители молились. Верили, что Бог поможет. Немцы и эту церковь подожгли. Она сгорела, как свеча. Батюшка моего Олега крестил. Отец Дмитрий, по-моему, его звали, а фамилию я забыла. Мы с ним разговорились, и оказалось, что мы земляки. Он был бухгалтером совхоза «Красный бор». Я у него спросила: «А как вы стали священником?» И он мне рассказал, что в молодости пел в церковном хоре, прислуживал батюшке и всю службу знал хорошо. Когда немцы пришли и население стали угонять, уже регистрацию провели, он предупредил партизан, и те отбили состав с пленными, спасли людей от угона в Германию.

Вечерами старушки зажигали свечку или лучину и пряли. А я им читала свои горестные стихи. Однажды вечером постучали в дом партизаны. Мама говорит: «Родненькие, нечем вас угостить». А старший отвечает: «Нам, мамаша, ничего не надо. Вот нам ваша дочка нужна». Сели за стол, он представился: «Бертов, хозяйственник 5-й партизанской бригады». Потом представил молодых парня и девушку: «Работники газеты «Партизанская месть», Високанов и Чехонцова». Я говорю:

— Ну, и что?

— Нам сказали, что вы пишете стихи. Почитайте нам.

— Так они вам не подойдут, в этих стихах у меня одно горе.

— Ничего, почитайте.

Вот я читаю, а у них слеза так и катится по щеке. Бертов говорит: «Завтра приходите в такой-то дом, знаете? Там — редактор нашей газеты Абрамов. Вы с ним побеседуйте, годятся ваши стихи или нет».

Я пошла на другой день, читала. Мне говорят: «Мы берем ваши стихи в газету. Вы согласны с нами сотрудничать?» Я ответила, что рада, если могу чем-то помочь. Я писала о боях, о партизанах, о М. И. Калининe, на смерть В. И. Ленина целую поэму написала. Все это печаталось в газетах «Ленинградский партизан», «За советскую Родину» и «Партизанская месть».

Из Ленинграда в немецкий тыл забрасывались не только диверсанты, оружие и боеприпасы. В борьбе за души людей важным средством была информация. В Ленинградской области печаталось больше 40 партизанских газет. Вряд ли крестьяне до войны зачитывались советскими газетами. Но при немцах партизанские листки шли нарасхват. Хотя их читателям грозила смертная казнь.

В 1943 году Красная армия прорвала блокаду. Под Сталинградом окружили и разгромили мощную немецкую группировку. Сражение на Курской дуге закончилось отступлением вермахта. Очевидный перелом в войне отозвался ростом сопротивления на оккупированных территориях. Немецких пособников становилось все меньше. Зато агентура НКВД росла с каждым днем.

Агенты советской разведки работали в ключевых местах: в немецких комендатурах, офицерских клубах, на железнодорожных станциях. Партизанам помогали даже священники. Пользуясь свободой передвижения, они собирали ценную развединформацию.

В деревне Погорелово местный батюшка не только сотрудничал с партизанами, но и проповеди читал оригинальные: «Придет настоящий хозяин и спросит: «Чем ты помог мне в суровую пору? И грозен будет

голос хозяина"». Мужики понимали — это он про советскую власть. Или батюшка говорил: «Помогайте птицам лесным в зиму морозную. Ведь эти птицы охраняют ваши поля от нечисти». Крестьяне догадывались — речь о партизанах. Послушать проповеди собиралась вся деревня. И никто своего попа не выдал.

Гитлеровские каратели воевали не только с партизанами и диверсантами. За каждого убитого немецкого солдата, за диверсии и поджоги должны были головой отвечать ни в чем не повинные местные жители.

Из донесения службы безопасности: «Крупный случай саботажа произошел в Тосно, где загорелась лесопилка. В качестве меры возмездия расстреляны 13 заложников».

Деревня Большое Заречье до сих пор отмечена на карте, но здесь нет ни домов, ни людей. В октябре 1943-го немцы собирались угнать всех жителей в Германию, но большинство крестьян проявили непокорность и ушли в леса. В деревне оставались старики, женщины, дети — 66 человек. На них каратели выместили злобу. Сожгли всех заживо вместе с деревней.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Тюлякова Антонина

Как я оказалась у партизан? Все очень просто. Однажды девушке, с которой я подружилась в лагере, разрешили съездить домой в деревню, там очень заболела ее мать. Дали всего 3 дня. Я ей сказала: «Аня, ты не возвращайся, там партизаны где-то недалеко. И если сможешь, помоги мне отсюда бежать». Она ушла. Через 10 дней — стук в окно барака. Подбежала девушка чуть постарше меня и говорит: «Завтра ты должна убежать через эту форточку». И скрылась. Утром я притворилась больной, стала громко кричать, что вот здесь у меня болит — дескать, аппендицит. Меня оставили в бараке. Через некоторое время девушка снова постучала в окно, и я через форточку выползла. На берегу реки Великой стояла лодка. Меня перевезли на другую сторону, а потом отправили в деревню Кебь, где была и моя подруга. Вряд ли мы бы пошли в партизанский отряд — слишком уж молоды были, мне и 16 не было, но сказали, что началась облава, немцы снова проверяют всех, и мы вынуждены были собрать свои вещички и уйти в лес искать партизан. Сутки проходили мы по лесу, никого не нашли. Переплыли через речку Кебь, промокли. Местные девушки, которые шли с нами, предложили идти на хутор к какой-то Насте. А она оказалась партизанской связной. Вот она нас и привела к партизанам. Я вскоре стала разведчицей.

Первое мое задание было — сходить в деревню Кебь и узнать, как охраняется мост через реку. Мы это сделали хорошо и быстро. Вскоре я попала в 7-й пар-

тизанский отряд, где получила уже боевое задание — подорвать железную дорогу. Это было очень просто. Выдавалась 400-граммовая толовая шашка, в ней — отверстие в середине. Туда вставлялся бикфордов шнур длиной сантиметров 30–35, который надо было подложить под рельс с внутренней стороны и поджечь. Все. Взрыв — и рельс испорчен.

Наш отряд находился в четырех километрах от Варшавской железной дороги. Мы должны были все время ее взрывать, по возможности, каждый день. Но каждый день не получалось. Во-первых, у нас не хватало тола. Ведь его сбрасывали на парашютах или привозили самолетом У-2. Во-вторых, немцы дорогу укрепили и начали охранять — стало сложнее.

Еще у нас было задание — устраивать засады на Киевском шоссе, караулить машины. Но долгий бой мы не могли вести, загоралась машина — мы уходили. Вооружение у нас было неважное: армейские старые винтовки, карабины, автоматы ППШ. Было два ручных пулемета Дегтярева и одно противотанковое ружье. Трофейное оружие было, но наши боеприпасы к нему не подходили.

Местные жители нам помогали. Немцы рассчитывали, что крестьяне обижены коллективизацией и будут против советской власти. Но Гитлер не учел русскую душу. Какие бы ни были обиды, они забываются у русского человека, если главная цель — защита Родины от захватчиков.

Немцы нас боялись и в лес не ходили. В декабре 1943-го, накануне Нового года они устроили карательную операцию. Против нас вышло человек 500, причем было много финнов, все прекрасно вооружены. На Киевском шоссе стояли их танки и орудия. Нашелся предатель, который вывел немцев на наш отряд. Пришлось отойти. Мы отправили в соседний отряд, в деревню Заречье, за помощью. У них была целая рота автоматчиков. Когда они подошли, завязался бой. Немцы стали отступать, а мы их все теснили. Больше они к нам не сошлись.

Когда прорвали блокаду, к нам навстречу шла 42-я армия⁴². Из штаба Ленинградского фронта дали указание взорвать Торошинский мост. Это большой железнодорожный мост через реку Пскову недалеко от Пскова. В подрыве участвовали почти все отряды нашей бригады. Мост мы взорвали своевременно, но потеряли 26 человек. Немцы уже отступали, а тут у них на 82 часа движение застопорилось. Потом мы устроили взрыв в кинотеатре в Порхове. Там 714 немцев погибло. У нас каждый день какой-нибудь отряд уходил в засаду взрывать дорогу или мост. За один месяц 78 эшелонов было нами взорвано. Так что я считаю, что наша партизанская борьба сыграла очень большую роль в освобождении Ленинграда от блокады. На территории Ленинградской области сражалось 35 тысяч партизан.

Когда закончилась война, нас чествовали наравне с бойцами Красной армии. А вот после «Ленинградского дела» было арестовано все руководство партизанского края. И хотя их потом реабилитировали, о партизанской борьбе как-то перестали говорить, вообще не вспоминали. А ведь среди нас было 19 Героев Советского Союза, а сколько рядовых героев!

Окунев Михаил

Мы в Сиверской организовали такое собственное партизанское движение. Собралось 5 семей лесников во главе с лесничим Вырицкого леспромпхоза Пятиным Евсеем Александровичем. В 1943 году начался массовый угон трудоспособного населения. И мы из страха, что могут угнать, стали договариваться, как уйти в лес.

В начале ноября мы сделали землянки в лесу между Вырицей и Гатчиной, завезли туда продукты питания, даже корову привели. Находились там до конца декабря. Но нашлись люди, которые доложили немцам о нас, наши же бывшие солдаты и офицеры, которые теперь у немцев занимались вылавливанием и уничтожением партизан. Нас окружили, с выстрелами, со взрывами и направили в штрафной лагерь в Выру.

Это был самый страшный лагерь, через который прошли десятки тысяч людей, многие там и остались. Он был страшнее лагеря в Гатчине. Там использовались изощренные пытки: все, что можно было придумать, то над людьми и делалось. Люди просто уничтожались. Состав заключенных в течение месяца 2–3 раза менялся. То есть лагерь заполнялся, а потом счет шел только на убывание.

Мне повезло, из Выры меня с группой узников отправили в другой лагерь, в Прибалтику, в район Даугавпилса. Там, кроме русских и прибалтов, находились поляки, французы, англичане. Им помогали от Красного Креста, а к русским было ужасное отношение. У меня сестра погибла в этом лагере.

В июле 1944 года нас освободили наши войска, я сразу вернулся в Пушкин и в военкомате написал заявление с просьбой отправить меня на фронт. Попал в заградительный отряд. Это уже не те заградотряды, которые существовали в начале войны. Мы находились непосредственно в строевых частях и были чем-то типа милиции, следили за порядком, не занимались никакими расстрелами. Осенью 1944 года я попал в 36-ю стрелковую дивизию, в школу снайперов, окончил ее и довоевал до Победы снайпером.

Маляров Игорь

В нашей деревне не было партизан. Но в соседней, в Завруях, был Стенька Хоботенок. Я не знаю, какая у него была связь с партизанами, но его расстреляли каратели вместе со всей семьей, вплоть до грудного ребенка.

Спокойнее всего было, когда в деревне квартировали немцы. Тогда порядок был, и никого не убивали. А приходили партизаны — искали предателей, убивали. За партизанами каратели приходили, расстреливали тех, кто помогал партизанам. И, кстати, провокации были. У нас такая Ирина Назарина жила. К ней пришли якобы партизаны, а она среди них узнала власовцев. И сразу закричала: «Партизаны! Партизаны! Спасайтесь!»

Когда мне было 9 или 10 лет, немцы выдали мне паспорт. Там не было фотографии, но было написано, какого я роста, телосложения, какой цвет глаз и так

далее. Жаль, не сохранился. Настолько все были напуганы, что, когда наши пришли, освободили, мы все документы немецкие в печке сожгли. А интересно было бы сейчас на них посмотреть.

Когда немцы уходили, они сжигали дома и зверствовали. Мы спрятались всей деревней в лесу. Но старики наши были боевые: кто в Первую мировую воевал, кто даже в Японскую. И один пошел в разведку в соседнюю деревню. А с ним Миша увязался, наш деревенский дурачок. У него с головой было не в порядке, но он был безобидный и все его любили, хотя дети и дразнили. Старик пошел в деревню, а Мишу в лесу на окраине спрятал. Но тут деду русские разведчики встретились, говорят: «Иди домой, отец, наши уже идут». Он побежал, радостный. А Мишу-дурачка не найти. Наконец, нашел — у дороги лежит, его каратели застрелили. Когда уходили, он им на дороге попался. А немцы таких дураков не любили.

Мы вернулись домой. Через несколько дней пришли наши. Освободили нас. А когда освободили, солдаты яму с картошкой раскопали и все съели. Мы потом голодали.

Я помню, в карты резался с советскими офицерами, все — молодые ребята. Обыгрывал их постоянно. Так им понравился, что они предложили мне с ними ехать, стать сыном полка. Но дед мой сказал: «Отец родной с войны вернется и его заберет. Нечего ему в сыновьях полка делать».

Глава 9

Освобождение

После победы на Курской дуге Ставка разработала амбициозный план кампании 1944 года. Он предусматривал наступление по всей полосе фронта: от Черного до Баренцева морей. Этот план получил впоследствии название «10 сталинских ударов». И первый из них был нанесен под Ленинградом.

Немцы ожидали наступления там, где много раз атаки захлебывались в крови: в районе Мги, Пулкова, Колпина. Между тем, Говоров и Мерецков предложили Ставке операцию «Нева-2», согласно которой главный удар наносился с Ораниенбаумского пятачка. Ставка 12 октября 1943 года одобрила этот план, назначив ориентировочный срок наступления на начало января 1944 года.

С 5 ноября 1943 года по Финскому заливу через Кронштадт из Ленинграда на Ораниенбаумский плацдарм было скрытно переправлено 211 танков, 700 пушек и 50 тысяч солдат и офицеров. 2-я ударная и 42-я армии должны были прорвать оборону немцев на восточном фланге Ораниенбаумского плацдарма и юго-западнее Пулкова, соединиться в Ропше, окружить и уничтожить немецкие войска в районе Красного Села, Ропши и Стрельны. Главный удар операции «Нева-2» планировалось совершить силами 2-й ударной армии. Затем с Пулковских высот встречный удар должна была нанести 42-я армия. Одновременно в направлении на Новгород переходил в наступление Волховский фронт.

Операция готовилась долго, удалось создать мощную ударную группировку. Наши войска превосходили немцев в живой силе в 3 раза, по числу артиллерийских орудий — в 4 раза, а по числу танков и самоходных орудий — в 6 раз.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Ипатов Валентин

Осенью 1943 года нас погрузили в эшелон и привезли в Лисий Нос, а оттуда на баржах переправили в Ораниенбаум. Мы сосредоточились в Таменгонтском лесу⁴³. Там стояли танковые бригады. Радиостанции танков все опечатали для маскировки.

В Ораниенбауме местность лесисто-болотистая, там даже проехать и пройти тяжело, а решили оттуда наступать. Это было стратегически разумно. Заготовили много деревянных щитов для проезда танков и сопровождающих машин.

Немцы воевать тоже умели, они танкопроходимые места заминировали и подготовились к обороне. Саперы почти каждую ночь перед этой операцией ползали в глубоком снегу с миноискателями, делали проходы почти до самых немецких окопов. Нейтральная полоса обычно — 200–300 метров. А там она до километра в отдельных местах доходила.

Каждый наш командир, даже низшего звена, побывал на наблюдательном пункте, изучил линию фронта.

Обычно перед наступлением танки подъезжают вплотную к нейтральной полосе, въезжают в специальные углубления с накатом и ждут сигнал к атаке. Здесь же танки стояли за 5 километров от линии фронта.

Казаев Петр

Готовилась операция по снятию блокады Ленинграда. Мы перебрасывали 2-ю ударную армию из Лисьего Носа в Ораниенбаум. Ходили только по ночам. Переброс начался чуть ли не в сентябре. У нас привыкли к такому распорядку: с темнотой выходим, с рассветом уходим, потому что мы находились в поле зрения немцев. Немцы располагались в Старом Петергофе, петергофская церковь была их наблюдательным пунктом⁴⁴, а у нас наблюдательный пункт — на Морском соборе⁴⁵, так что мы друг друга видели.

В Ораниенбаум приходили туда, где сейчас паром швартуется, место называлось «угольная стенка». Там раньше был просто пирс большой, вместо досок — бревна настелены. И туда каждое лето привозили большое количество угля для кораблей. К этой угольной стенке пришвартовался, смотрю: там войск много — боже мой. Посадили кого-то на борт. Я даже не знал, что там сам Говоров. На мостик поднялся генерал-лейтенант, представился: «Начальник особого отдела Ленинградского военного округа». Потом спрашивает: «Командир, дорогу знаешь?» Я ему: «У нас дорог нет, есть фарватеры. Я все эти дороги по-пластунски прополз». Из гавани выходим, подходим к Кронштадту. Мне приказ: «Командир, в Ленинграде, не доходя Тучкова моста — канатная фабрика, там пирс есть, вот к тому пирсу надо подойти в 3 часа ночи». Я говорю: «Мне тут час-полтора идти. А куда я два часа с половиной буду девать?» Он так посмотрел: «Не знаю, куда хочешь девай, но быть там в 3 часа ночи

ровно». Я на рейде кружусь, время выжидаю. А корабли перевозят войска и вооружение из Лисьего Носа, и каждый спрашивает: «Что случилось, нужна ли помощь?» А мне по плану операции были запрещены всякие средства связи. Считалось, что моего корабля нет в море. Я взял фонарик, лампа Ратьера называется. На нем можно открывать и закрывать шторы и передавать световые сигналы морзянкой. И каждому кораблю отвечал этим фонарем: «Нет, не нуждаюсь».

Я понимал, какая ответственность лежит на мне, если корабль утонет или немец его обнаружит. Это весь Ленинградский фронт будет обезглавлен. Но все обошлось благополучно. Говоров вызвал меня в каюту, спросил: «Как дела, командир?» Я говорю: «Все в порядке, товарищ командующий». Генерал-лейтенант проводил военный совет фронта. Присутствовало все начальство Ленинграда и Ленинградской области, Кузнецов был, еще человек 7–8, в кают-компании все сидели.

Я точно рассчитал, ровно в 3 часа ночи подал трап. Говоров сошел. Потом Трибуц⁴⁶ возвращается, меня вызывает: «Командир, командующий фронтом всему кораблю за отличное выполнение операции дает трое суток отдыха». Представляете, во время войны, да еще когда идет большая переброска, вдруг всему кораблю трое суток — это самая большая награда была!

Я говорю: «Товарищ адмирал, разрешите к мосту лейтенанта Шмидта подойти?» Он: «Пожалуйста. Трое суток в твоём распоряжении, весь корабль отдыхает». Перешел, отпустил личный состав. У нас много было ленинградских. Кто-то возвращался веселый, что все живы, квартира цела. А кто-то грустный: никого не осталось и квартиры не осталось. Служил у меня еще радистом Марк Фрадкин. Он вернулся из города и говорит: «Товарищ командир, а я достал такую скрипку, каких в мире мало». Потом он развлекал нас игрой на ней в кают-компании в свободное время. После службы уже читаю: знаменитый композитор, песенник, стал руководителем большого хора.

Второй раз я встретился с Говоровым в первых числах января 1944 года. Уже была тяжелая ледовая обстановка, но переброска 2-й ударной армии продолжалась. Мне дали распоряжение: никого из личного состава не принимать, пассажиров и грузы на борт не брать. Только в самом конце, когда уже машины подъехали, мне сказали, что будет Говоров с военным советом Ленинградского фронта.

Началась передвижка льда. А дамбы там не было — открытые воды. Если дул ветер с юго-запада, в это время начиналось наводнение, а когда наводнение заканчивалось, весь лед от Ленинграда уходил в море. Вот здесь меня немножко затерло. Задержался. Средствами связи я опять не имел права пользоваться. Говоров слышит, что машина работает то вперед, то назад, вызвал меня: «Командир, что-то на этот раз долго». Я ему доложил, что обстановка тяжелая. Если большая льдина нагрянет, пока ее пробьешь, расколешь... Задержались мы на полчаса, может, на час. Я благополучно высадил генерала в Ораниенбауме. Он очень торопился, и уже трое суток отдыха моему кораблю не дал.

Говоров сдержанный был, на вид суровый, неразговорчивый, но когда с ним поговоришь, совершенно мнение менялось. Он говорил вежливо и со мной, и с другими. Все очень положительного мнения о нем были.

Вот Федюнинский, командующий 2-й ударной армией — человек более веселого характера. Я ему предоставил каюту свою, так он в ней не сидел — пришел в кают-компанию, начал анекдоты травить. Человек он более общительный, по сравнению с Говоровым, но тоже в военном отношении грамотный.

Муштаков Порфирий

В сентябре 1943 года я получил приказ прибыть на командный пункт армии, к генералу Мерецкову. Командный пункт размещался в лесу, в районе деревни Некрасово, километров 10–11 от берега Волхова. Мне дали задание произвести полную разведку оборонительных сооружений, артиллерийских батарей, минометных батарей, наблюдательных пунктов и других объектов у немцев. Я сразу понял, что готовится крупная наступательная операция.

Я руководил подразделениями артиллерийской инструментальной разведки. В нее входили батареи звуковой разведки, оптической, топографической, взводы метеорологической разведки, потому что нам нужно было знать влажность, температуру, давление воздуха и направление ветра. Для этого запускались аэростаты и радиозонды. У нас очень грамотные были офицеры и сержанты. Например, при выстреле противника у нас бежала лента на звукометрической станции и записывала колебания. А мы по колебаниям отличали одно орудие от другого. Офицер смотрит на ленту и говорит: «Цель номер 12». Мы занимались разведкой в районе Новгорода и Чудово.

Мы очень основательно готовились к операции по освобождению Ленинграда от блокады. Верховное командование и страна в целом большие усилия прилагали к решению этой задачи. 2-я ударная армия перебрасывалась с октября на Ораниенбаумский плацдарм. А ведь это не так просто. 44 тысячи воинов перебросили! 700 вагонов с боеприпасами! 190 танков! Орудий — сотни! Причем, все это — не нарушая установившегося транспортного режима на Финском заливе. Да еще так, что немцы мало что заметили.

У нас был разведчик, лейтенант пограничных войск, который закончил шпионскую школу в Германии. Когда немцы его забросили, он перешел к нам и сказал: «Я все что угодно буду делать, только чтоб служить Красной армии». И он несколько раз переходил к немцам и убеждал их в штабе, который находился напротив Ораниенбаумского плацдарма, что русские готовят наступление на запад, на Нарву.

Помимо работы разведчика, были построены деревянные макеты орудий и танков. Их расставили в направлении на запад. А 2-я ударная армия планировала наступать на юго-восток, на Ропшу. Радисты тоже хорошо давали дезинформацию для фашистов. В итоге, по приказу Гитлера из Югославии перебросили около корпуса под Нарву в ожидании, что атака будет именно там. А мы неожиданно нанесли удар со стороны Ораниенбаумского плацдарма. Мы научились воевать и уже ни в чем не уступали противнику.

Немцы видели, что русские что-то готовят. Командующий группой армий «Север» фон Кюхлер, понимая безнадежность положения, забрасывал Берлин просьбами отвести войска в Латвию и Эстонию, сократив линию фронта. Гитлер обратился за советом к командующему 18-й армией Линдеману.

ДОСЬЕ:

Генерал-полковник Георг Линдеман, в 1944-м - 60 лет. Кавалерист, герой Первой мировой войны. Убежденный сторонник нацистского режима. Лично предан Гитлеру.

Линдеман доложил Гитлеру именно то, что тот хотел услышать. 18-я армия сможет, как и в предыдущие годы, выстоять, опираясь на неприступные оборонительные сооружения Северного вала. Гитлер остался очень доволен и приказал продолжать осаду Ленинграда.

Фюрер считал: всякое отступление приводит к деморализации войск. Поэтому он приказывал удерживать даже те участки фронта, которые не имели стратегического значения. Для него важен был пример Карла XII и Наполеона. В сражении под Москвой приказ Гитлера стоять насмерть сыграл позитивную роль. Немцы отступили, но сохранили линию фронта. Однако, начиная со Сталинграда, эта стратегия больше не работала.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Басистов Юрий

До сих пор я помню одного пленного немца в чине унтер-офицера, с которым мы разговорились. Я хотел выяснить его настроение, что думает о войне,

о доме. Он мне сказал: «Спасибо вам, господин офицер, за откровенность, но я хочу сказать, что вы неизбежно потерпите поражение. Я говорю это откровенно. Я понимаю, что нахожусь в вашей власти, и вы можете меня расстрелять». Я ему ответил, что мы пленных не расстреливаем и что время покажет, кто потерпит поражение.

Потом настроение немцев стало меняться. Они уже не говорили, что победят. Часто произносили на немецком «война — говно», говорили, что в Германии — бомбежки, жаловались, что родственникам дома голодно, по карточкам уже ничего не получить. В январе 1944 года нам пленные рассказали шутку, что в Германии проводится сбор стульев. Зачем? Да хотят прислать под Ленинград. Дескать, вы так долго там стоите, что можно и присесть. Еще пленные рассказывали о немецком фольклоре. Есть известная немецкая песенка, по-моему, из какой-то оперетты. «Эс гейт аллес фюр уберт, эс гейт аллес фюр бай, нах идем десембер комт видер айн май». В переводе: это правда — все в жизни проходит, и после каждого декабря приходит май. А солдаты ее переиначили и распевали так: все проходит, и хайль Гитлер, и его партия. Так постепенно менялось их настроение.

Мы начали осваивать заброску немецких пленным назад, в войска, с разными целями. Например, в 1943 году, после Сталинградской битвы, из Москвы пришло задание: переправить через линию фронта письма немецких генералов, которые попали в плен в Сталинграде. А как переправить? Ведь не пошлешь нашего офицера связи к генералу группы армий «Север»: «Вот вам письма от генерала, который у нас в плену сидит». Задание Москвы надо выполнить, и мы выбрали несколько пленных офицеров и спросили: «Вы согласны выполнить задание?» Добровольцы всегда находились.

К концу войны мы еще и антифашистские группы через линию фронта регулярно отправляли. Я помню, что последнюю такую группу забрасывали 2 мая 1945 года из Курляндии. Передавали ли они письма — точных данных нет, но есть косвенные свидетельства, что письма дошли. Что было дальше с этими людьми, обвинили ли их в предательстве, я не знаю.

В конце войны в Курляндии, в лагере, где размещались пленные Курляндской группировки, мы беседовали с немецкими генералами. Они очень охотно с нами разговаривали, охотнее простых солдат. Мы спросили: «Как вы относились к нашей пропаганде?» Командир одного корпуса ответил: «Вы нам с вашей пропагандой доставляли много головной боли, особенно в конце войны».

В 1943 году под Москвой создали национальный комитет «Свободная Германия». На каждый фронт послали представителя из пленных немцев, примкнувших к антифашистскому комитету. На Ленинградский фронт из Москвы приехал, в сопровождении, естественно, немецкий офицер Эрнст Келлер. Он представился нашему командованию, был у Жданова на беседе, а потом его приютил 7-й отдел политуправления. Келлер начал создавать актив в армиях и дивизиях. Он имел право от себя писать листовки, а мы их издавали. На листовках стояла его подпись: уполномоченный национального комитета такой-то. Я с ним очень часто выезжал на фронт. Это был честный и порядочный

человек. Келлер не был ни коммунистом, ни социал-демократом, но и убежденным нацистом не стал. У нас он проникся идеологией социализма, — мы в лагерях военнопленных занимались пропагандой марксизма-ленинизма. Забавно, что марксизм-ленинизм на немецком жаргоне назывался марлен (Маркс и Ленин). В лагере немцы очень активно марлен изучали. Например, правнук Бисмарка, который попал к нам в плен, я его очень хорошо знал, стал коммунистом. Его мать — графиня, внучка Бисмарка, писала письмо Сталину: «Освободите моего сына. Он ведь правнук Бисмарка, тоже великого человека, как Вы». Эрнст Келлер после войны вернулся в Берлин и стал генеральным директором почты и телеграфа. Мы с ним были дружны до самой его смерти.

Куприн Семен

Если вы были в Пулково, то видели при подъеме на высоту справа от дороги арку. Под этой аркой у нас землянка была, мы там жили. Дорогу и все объезды мы заминировали фугасами.

В армии тоже было очень трудно с питанием. Нас спасало то, что на нейтралке оставили много капусты в поле. Мы туда повадились ходить. Ходили без оружия, и немцы нас не трогали, не стреляли. Эту капустку мы собирали, щи варили. Немцы тоже ходили. Мы по ним также не стреляли. Зачем?

Нам плохо пришлось, когда пошли в наступление. Выдали паек на 5 дней. А с такой голодухи как было удержаться, чтоб этот паек не съесть? И потом неизвестно, выживешь после боя или нет, а еда останется. Съели все сразу, а потом 5 дней голодали. Отощали так, что еле-еле выбирались из землянок.

Советское командование учитывало возможность самостоятельного отхода немецких войск. На этот случай разрабатывался специальный вариант наступательной операции под названием «Нева-1». Но, не дождаввшись отхода, пришлось действовать по плану «Нева-2».

Наступление началось с небывалой по мощи артподготовки. 2-я ударная армия атаковала в направлении Ропши. На следующий день с Пулковских высот ударила 42-я армия, в центре которой наступал 30-й гвардейский корпус генерала Симоняка. После операции «Искра» Симоняк получил прозвище «генерал-прорыв». В первый же день его корпус врезался в немецкую оборону на 5 километров. Командующий 18-й армией Линдемман понимал, что его войска под угрозой окружения и теперь умолял Кюхлера разрешить отойти как можно скорее. Кюхлер, выждав сутки, дал приказ отступать. Ночью 18 января корпус Симоняка штурмовал самый сильный узел обороны — Воронью гору. Уже на рассвете над горой подняли красный флаг. Утром 20 января части 2-й ударной армии и 42-й армии встретились в районе Ропши. Петергофско-Стрельнинская группировка немцев была уничтожена.

Утром 20 января части 2-й ударной армии и 42-й армии встретились в районе Ропши

Тысяча солдат и офицеров вермахта сдались в плен. Захвачены танки и артиллерия, обстреливавшие Ленинград. Освобождены Петергоф, Стрельна и Красное Село. В этот же день войска Волховского фронта вошли в разрушенный Новгород.

Впрочем, окружить крупные силы противника так и не удалось. Из Новгорода немцы вывели с огромными потерями 3 дивизии, кавалерийскую бригаду, эстонский и латышский батальоны. В окружении в районе Ропши оказались 2 немецкие дивизии. Но и они совершили прорыв на юг. С боями удалось прорваться и немецким войскам, окруженным под Пушкиным. Командир 26-го армейского корпуса получил за этот подвиг Дубовые листья к рыцарскому кресту.

21 января войска Ленинградского и Волховского фронтов развернули наступление на Лугу, обходя фланги немецкой 18-й армии. Под угрозой окружения, войска вермахта спешно отходили на запад. 18-я армия потеряла две трети боевой мощи. Командующего группой армий «Север» фон Кюхлера, который предупреждал о катастрофе, Гитлер отправил в отставку. Вскоре его место занял преданный кавалерист Линдеман.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Ипатов Валентин

14 января 1944 года по сигналу о начале наступления потянулись наши танки. Я сидел за радиостанцией и слышал, кто где находится, как идет движение, кто подорвался. Когда подъехали к немецкой передовой, за 10 минут подбили 5 наших танков, их надо было отремонтировать и эвакуировать. Наша артиллерия в 9:30 начала массированный налет, и продолжался он 60 минут. Сперва стреляли «катюши», потом — кронштадтские форты из 305-миллиметровых орудий.

Артиллерия скосила все деревья, под которыми немцы разместили свои противотанковые пушки. Они перед боем рыли окоп, оставляли небольшой просвет и маскировали орудия. Снаряды, которые могли поразить их, ударялись о стволы деревьев. Поэтому немцы сохранили живучесть.

Наш командир Ковалевский Анатолий вышел и показывал дорогу, где пройти танкам. По радиостанции его спрашивают: «Куда же двигаться? Ничего не видно. Он говорит: «Вот как мой танк направлен, так и двигайтесь».

К ночи взяли Послелесье, начали двигаться в направлении Жеребятки, сейчас этого поселка нет, там только строения совхозные. Жеребятки мы взяли ночью — прошли за день 3–4 километра.

Самые тяжелые потери понес из-за неподготовленности 204-й полк. Он, когда брал Порожки, из-за того, что не было технической разведки, потерял 19 танков и 4 танка в Черной речке утопил. В Порожках мы потеряли 500 человек. У нас был наблюдательный пункт на высоте 105 метров. Там находились Федюнинский и все командиры Ленинградского фронта, которые участвовали в этой операции. Немец начал контратаку. Я стоял рядом с моим товарищем Димой Ползиковым. Где-то далеко разорвался снаряд, а он упал. Оказалось, осколок попал ему в мозжечок, погиб на месте.

Потом были бои за высоту «142» около Кожериц. Пехота уже захватила эту высоту, но немцы контратаковали и взяли ее обратно. Командир 98-й дивизии дал команду лыжникам обойти ее, и с помощью танков и пехоты нашей бригады эту высоту взяли. Она была последним подготовленным укреплением в полосе немецкой обороны.

Мы повернули налево, на Ропшу, до Ропши шли 6 дней. Немцы разумно оборонялись, на высотах и в населенных пунктах они чаще всего занимали круговую оборону, с окопами полного профиля. Наступить нам было непросто — танки с трудом одолевали полутораметровые сугробы. Но тем не менее, мы потихоньку продвигались, брали один опорный пункт, другой...

В ночь с 17 на 18 января наши войска захватили Ропшу. Приехали генералы, меня по радиации вызывают, говорят: «Надо командира бригады, тут приехали зафиксировать момент окружения Петергофской группировки немцев». 20 января мы встретились с 42-й армией Ленинградского фронта. Мы их танки сперва приняли в темноте за немецкие, а потом смотрим — силуэт наш.

Петергофская группировка была разгромлена, и в честь победы на этом участке Сталин приказал части, участвовавшие в операции, именовать Ропшинскими. Сейчас в этом месте стоит танк 222-й танковой бригады.

После Ропши мы пошли в направлении на Кипень, там немцы контратаковали, был очень сильный минометный огонь. Причем я впервые увидел то, что у нас называли «ишаками» — миномет из 10 стволов. Он так своеобразно скрипел, за что его и называли «скрипач» или «ишак».

Я был ранен, привезли меня в госпиталь. Я поразился, какие мастера эти врачи. Там палатка, в ней так тесно, что еле-еле можно пройти. Я лежу, мне де-

лают операцию, рядом другому бойцу осколок удаляют, он ему по всем ребрам прошелся. Смотрю: ему такими согнутыми вилками рану раздвигают.

У меня кость была задета, рана — 6 на 18 сантиметров, и меня отправили в Ленинград. В госпиталь положили, операцию сделали, вырезали 34 кусочка, через день — в баню рану прогреть.

Беляев Павел

Когда шли бои под Нарвой, наши части захватили один бронетранспортер, на котором стоял смонтированный шестиствольный миномет, как у нашей «катюши». Миномет убрали, и мы использовали бронетранспортер для эвакуации раненых.

Мне оказала очень большую помощь Фаина Павловна Лаврова, которая командовала девочками-медиками. Сколько у них было храбрости, мужества! Я как-то сказал, что если бы наша часть состояла в большинстве из девушек, то победа была бы раньше. Не было случая, чтобы по вине медицинской службы не оказали своевременной помощи, не было эпидемических заболеваний.

Под Нарвой я первый раз увидел пленных немцев. Смотрю: идет группа. Холод — 37 градусов мороза, у них курточки серого мышинного цвета, утепленные, правда. Ботинки вставлены в галоши, плетенные то ли из соломы, то ли из лыка — эрзац-валенки называются. На головах пилотки, а сверху пилоток шали.

Один из пленных оказался русским. У нас девочка, санитарный инструктор, узнала его. Говорит: «Мы вместе с ним работали на заводе». Она стала задавать ему вопросы, но он не отвечал, стыдно было.

Коршунов Александр

Началась сильная пальба. Впереди Пулковские высоты все в огне, и ракеты сыплются прямо кучами. Нам дали команду — идти за танками. Сначала в Пулково, потом в деревню Виттолово. Там бои были сильные — Виттоловский котел, очень много солдат погибло, но немцев оттуда выгнали. Потом мы шли на Гатчину, сам город обошли у Вороньей горы. Тут мы остановились немножко, передохнули и нам сказали забираться на гору. Я прямо с пулеметом шел. Плачу, устал тащить его, а идти надо. На ночь мы остановились в большом противотанковом рву, утром должны были идти в атаку. Ночь была лунная, светлая, смотрим: немцы идут, два эшелона. Командир подбегает ко мне, говорит: «Пулеметчик, давай огонь». Я отвечаю: «Товарищ командир, не могу, ну не стреляет, замерз совсем». А он на меня кричит: «Я тебя застрелю, если сорвешь мне бой». Что делать? Ну, я взял, пописал на пулемет, и он заработал. Немцы отступили. Наши кричат: «Вперед, в атаку!» Все побежали. Так добрались до Сусанино. Там переночевали и рано утром, еще темно было, пошли на Вырицу. В Вырице сразу всех кинули в бой. Немцы отходили. В некоторых

районах завязывались сильные бои, нам очень доставалось там. Бились за каждую деревню, за каждый огневой пункт.

Мой самый тяжелый бой — это освобождение Ленинграда. Много там погибло и наших, и немцев. Мы штурмовали, они шли на нас, мы стреляли в них из траншей, из землянок. Там все так перемешалось, что жуть стояла.

Широкогоров Иван

Я попал в 30-ю гвардейскую танковую бригаду⁴⁷, в мотострелковый батальон сначала командиром взвода, потом стал командиром роты. С этой бригадой пошел 15 января 1944 года от Пулковских высот на Красное Село, дальше — на Русско-Высоцкое, оттуда — на Красную Мызу, там бригада получила задание перерезать отступление немцев из Гатчины в Прибалтику, занять населенные пункты Большие Губаницы и Волосово. Мы пришли уже под вечер в Губаницы. Завязался жестокий бой. Мы шли в атаку вместе с танками. На каждом танке разместились автоматчики, как второй экипаж. Деревня горела, и мы были освещены, как будто днем. А когда летит на тебя рой трассирующих пуль, хочешь, не хочешь, но испытываешь страх. Наш командир бригады полковник Хрустицкий дал команду: «Делай, как я!» и устремился в бой. Его танк подбили, Хрустицкий сгорел вместе с экипажем. Губаницы и Волосово мы взяли в 9 часов утра 27 января. Битва была ожесточенная. Мы в этом бою потеряли много машин, из 43 танков Т-34 осталось всего 19. Хрустицкому Владиславу Владиславовичу посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Муштаков Порфирий

Новгородско-Лужская операция начиналась так: главный удар — севернее Новгорода, с нашего плацдарма западнее реки Волхов. Второй удар, одновременно с первым, — с юга. Это не мощный удар, но очень эффективный. «Катюши» дали такие залпы, которых фашисты просто не ожидали. 14 января по единому стратегическому замыслу Волховский и Ленинградский фронты начали наступление. 2-я ударная армия была переброшена на Ораниенбаумский плацдарм, и тоже начала наступление. Фашисты стали метаться, но было уже поздно.

Я наблюдал, как «катюши» били по опорным пунктам. Представляете, тысячи снарядов вылетели за какие-то минуты. Все горело, разрушалось. И когда я за передовым танком двигался и опорные пункты рассматривал, это была картина... Поражение немцев было потрясающим.

Мне приходилось допрашивать одного гауптмана — капитана, командира разведывательной бригады. Он перенес наш массированный огневой удар реактивных систем и ствольной артиллерии. Когда я его спрашивал, как он это пережил, он схватился за голову и сказал: «О! Что-то страшное, что-то страшное. У вас и бог за Сталина!» Я ему говорю: «Варум? Найн-найн. Их бин атеист».

Белоусова Татьяна

В 1944 году, после снятия блокады Ленинграда, наша дивизия получила название Красносельская, а полки стали именоваться Ленинградскими.

Перед решительным боем была такая артподготовка, что мы все оглохли. После нее как-то быстро мы стали двигаться.

Было 3 замечательных дня, которые сохранились в моей памяти. Это 12 января, когда прорвали блокаду Ленинграда, 14 января, когда полностью сняли блокаду, и 9 мая, когда кончилась война. Это самые счастливые дни во время войны. Все с ума сходили, прыгали, радовались, целовались. Стреляли в воздух из чего только возможно было. Обнимали друг друга.

Новоселов Николай

Я участвовал в снятии блокады Ленинграда на Ораниенбаумском пятачке со 140-й бригадой ПВО. Командовал ею тогда майор Бушков Анатолий Николаевич. Позже он стал генерал-полковником, чудесный человек был, хороший командир. После освобождения Ленинграда мы продвинулись к Усть-Луге, тогда меня назначили флагманским специалистом по связи. В скором времени меня направили на учебу в Ленинград. Ленинградцы, конечно, каждого военнослужащего встречали великолепно. Отношение гражданского населения к воен-

ным морякам и так было особенным, но тут творилось что-то невероятное. Встреча была исключительная.

Скворцов Александр

Стояли мы в Дачном с 85-й дивизией⁴⁸ до начала наступления в 1944-м.

В 1943 году нас отвели в деревню помыться из шланга водичкой тепленькой, потому что грязные были, конечно. Дали подворотнички. После этого привели обратно, и начали мы открыто готовиться к наступлению. У нас уже было достаточно вооружения, мы стреляли, не считая патронов. Немцы начали побаиваться.

Потом меня забрали в разведку, ходил к немцам в тыл. Они тоже чувствовали, что дело приближается к чему-то боевому. Перед наступлением нам дали 10 дней, мы отдыхали в Щемилровке в деревянных бараках, а потом — обратно в Пулково.

Мы взяли Ропшу, встретились со 2-й ударной армией, которая наступала с Ораниенбаумского пятка, чуть не перестреляли друг друга. Командование не согласовало между собой пароли и сигналы.

Мы брали Воронью гору. Это тяжелый был бой. Решил задачу лыжный батальон, он сумел первым подняться на гору, мы за ним забрались. Это было 27 января 1944 года.

Мы слышали, что сзади стреляют. Не впереди, а сзади. Командир взвода спрашивает: «Товарищ лейтенант, а что это?» А это Ленинград салютовал полному освобождению от вражеской блокады.

Ленинград был полностью освобожден от вражеской блокады. 27 января 1944 года от канонады сотен орудий в городе из уцелевших окон вылетали стекла, а некоторые люди падали в ужасе на снег. Другие бросались к ним и кричали: «Вставайте, не бойтесь, это салют! Это победа!» Впервые за всю историю Великой Отечественной войны Сталин разрешил провести салют победы не в Москве.

К 1944 году Красная армия ценой огромных потерь приобрела сплоченность и боевой опыт, не уступавшие вермахту. Солдаты немецкой группы армий «Север» отходили к Пскову так же быстро, как наши войска отступали в 1941-м. Но стремительное наступление наших войск было остановлено. Вдоль по реке Великой войска вермахта подготовили мощную линию обороны «Пантера». Ее строили почти два года. Этот рубеж немцы называли воротами в Прибалтику, которые должны быть закрыты намертво. Овладеть Нарвой и Псковом к 15 февраля, согласно планам командования, советским войскам не удалось.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Скворцов Александр

Дошли до границы 1939 года с Эстонией. Там было болото, дорогу через него до Котлов мы делали сами. Пушки, лошади валились в топь. После Котлов мы пошли на Усть-Лугу. С ходу Усть-Лугу взяли, вышли на Таллинское шоссе, на открытую дорогу. Я знамя нес, потому что нашего знаменосца убило, — попал под огонь. На нас спикировали два «мессершмитта», развернулись — и еще раз. Потеряли мы очень много бойцов.

Дошли до деревни Вайномыза под Нарвой, там я знамя сдал, и нас послали в разведку взять языка. Языка мы не взяли, и ранение я получил. Там была траншея — противотанковый ров, видимо, я через него прыгнул, и меня в этот момент ранило, метко стрелял немец. Отправили в медсанчасть, пролежал я несколько суток без сознания, с перелом ноги. Потом отвезли меня в Мечниковскую больницу, а оттуда в госпиталь, который находился в школе на проспекте Щорса. Когда перевели в батальон выздоравливающих, переделали, выдали вооружение. Я получил должность командира взвода.

Тихомиров Владимир

Начало войны я встретил летчиком-инструктором. В мае 1943 года меня направили на курсы командиров отделения. После окончания я переучился с учебных самолетов П-2 на Як-1 и в октябре 1943 года оказался в Ленинграде в авиации Балтийского флота. База располагалась в Кронштадте, а полки были разбросаны по разным местам. Меня назначили командиром звена в 9-ю штурмовую авиационную дивизию, которая располагалась на Ораниенбаумском плацдарме.

В основном мы летали над морем: над Финским заливом, над Выборгским заливом, ну и по мере продвижения фронта, над акваторией Балтийского моря. Цели наши были — корабли, но когда происходили прорыв и полное снятие блокады Ленинграда, наша дивизия участвовала в поддержке войск Ленинградского фронта. В частности, мы поддерживали армию Федюнинского, которую в декабре перебазировали на Ораниенбаумский плацдарм. Мы наносили удары, выполняли штурмовку наземных сил противника.

Тихомиров Владимир

Все вылеты были тяжелые. Например, когда я выполнял боевое задание по прикрытию нашего десанта в проливе Теплый (он соединяет Псковское озеро и Чудское), у противника было 26 бомбардировщиков, и их прикрывали 8 истребителей. Мне пришлось вступить в бой. В этом бою я лично сбил два самолета и сбил ведущего второй пары. Такой был серьезный бой.

Мы были полностью вооружены. Все летчики имели самолет, безлошадников не было. Допустим, в эскадрилье 12 летчиков и командир, — значит, есть и 12 самолетов, всегда с полным боекомплектом.

Таран в бою — это редкость. У меня был случай, что я чисто случайно избежал тарана, как избежал — до сих пор не могу понять. А мой друг погиб на третьем таране. Но это исключительный случай. Таран не нужен, ведь если летчик подбит, он может сесть или дотянуть до своих. У нас были летчики, которые садились на вражеской территории и возвращались. Но воздушный бой вызывает в каком-то смысле азарт. И поэтому если кончились боеприпасы, а пилот хочет выполнить боевую задачу, то что ему делать? — Остается только таран лоб в лоб или стараясь отрубить хвост вражескому самолету.

18 марта 1944 года 7-й гвардейский штурмовой полк наносил удар по кораблям противника в Финском заливе. Одним звеном командовал я. Мы дошли до цели, штурмовики выполнили боевую задачу. Я сбил один «109-й». Возвращались домой. Не доходя до берега километров 30–40, по радио передали, что сзади истребители противника. Но я как командир звена, вместо того чтобы осмотреть воздушное пространство, не придал этому должного внимания. И был тут же атакован. По радио слышу, что «маленький» горит. А у нас стрелков называли «горбатый», а истребителей — «маленький».

У меня самолет стал неуправляем, то есть не мог ни набрать высоту, ни снизиться. Я попытался рулями выправить — не получилось ничего. Тогда я начал убирать газ — самолет опустил нос. Я подобрал оборотки и с малым углом планирования потянулся к берегу, но так как прибор измерения температуры воды двигателя уже зашкаливал, я принял решение садиться на лед. Подвел самолет ко льду, выпустил посадочные щитки, шасси выпускать не стал и перед самым приземлением, для того чтобы вырвать самолет из угла планирования, дал газ. Так и произвел посадку. Самолет я разбил, но остался жив. Ударился головой сильно, помял ноги, так как лед был с торосами. Мне оторвало колонку управления, набралась полная кабина льда. Я вылез, надо мной кружились мои летчики. Я им дал знак, что горючее на исходе, махнул, чтобы летели домой. Посмотрел еще раз в кабине, как показывает компас. И тут смотрю: бегут несколько человек. А уже были сумерки, плохо видно. Я достал пистолет, пару выстрелов сделал, они остановились, начали махать головными уборами. Оказалось, что это пограничники наши, недалеко в селе находилась погранзаезда. Я у них переночевал, а утром прилетел командир эскадрильи и меня забрал. Так я оказался опять на своем аэродроме. Последний мой вылет был 8 мая 1945 года. Всего я выполнил 211 боевых вылетов, лично сбил 11 самолетов противника.

Устиновский Юрий

Проблем с топливом у нас не было, да и вообще не было перебоев со снабжением: и боеприпасами, и необходимыми авиационными двигателями для замены или ремонта. Наш полк состоял из 27 боевых самолетов. Это три девятки. Если ставилась задача полку, значит, предстояло нанесение бомбового удара по какому-то объекту очень важного значения. Если была менее важная задача, то она поручалась эскадрилье из 9 самолетов. Наиболее впечатляющие вылеты, сохранившиеся в моей памяти, — это на Толмачевский мост. Он очень вредил нашим войсковым подразделениям, потому что через него происходило основное немецкое снабжение. Но его настолько трудно было разбить! Мы потратили очень много сил и средств. Не помогли даже специальные 250-килограммовые мостовые бомбы. Мост этот был специфичный, потому что его ферма находилась под железнодорожным полотном и попасть в нее было очень трудно. Эпизод с подрывом моста в истории авиации Ленинградского фронта толкуется двояко. Но я точно знаю, что наш экипаж накрыл Толмачевский мост в тот момент, когда на него вышел боевой эшелон. Мы попали и по эшелону, и по мосту. Мы привезли фотодокументы, потому что при любом бомбометании проводился фотоконтроль.

Второй значительный случай был летом 1944 года, когда Финляндия выходила из войны. Тогда эскадрилья майора Кузьменко и штурмана Манина с пикирования разбила финские шлюзы. Они затопили определенную территорию, и войска сразу смогли прорвать там наступление. Эти экипажи были представлены к правительственным наградам. В частности, майор Кузьменко и штурман Манин за выполнение операции получили звание Героев Советского Союза.

В 1944 году, когда уже была окончательно снята блокада Ленинграда и наши войска погнали немцев на запад, мы перебазировались из Левашово на аэродром в Сиверскую. Раньше мы немецкую технику видели только в воздухе, а тут увидели их самолеты в разбитых ангарах. Мы свои самолеты старались держать в идеальном состоянии. Они были вычищены, подкрашены, блестящие. А от брошенной немецкой техники у нас осталось тяжелое впечатление, потому что самолеты были грязные, обгоревшие, запущенные. В таком состоянии, видимо, они и эксплуатировались.

Второе, что бросилось в глаза в Сиверской: у нас рядом с самолетом рыли землянку, в которой жил экипаж, а у немцев возле каждой машины стоял на салазках индивидуальный домик. В нем была печечка, так что если холодно, можно было ее затопить и ожидать вылета.

Когда мы сели в Сиверской, тыловые части, так называемые отдельные батальоны аэродромного обслуживания, немножко от нас отстали. А вылеты начальство требовало. И нам пришлось использовать немецкий бензин, он подошел к нашим двигателям. Нас просто поразило его качество. Он был намного лучше нашего этилированного бензина. И еще, нам пришлось использовать немецкие боеприпасы. У них каждая бомба находилась в ящике. Бомбы были точные, наточка выполнена на токарных станках.

И немецкие продукты нас поразили. Например, хлеб был укупорен в целлофановые оболочки, и на нем стояла дата, к примеру, 1940 год. То есть эти продукты были заготовлены еще до войны и использовались немцами уже в 1944-м.

На тараны наши летчики шли редко. Это был вынужденный героический поступок, когда самолет был подбит, уже горел, летел над немецкой территорией, так что выпрыгивать из него значило — попасть в плен, и командир принимал решение идти на таран танковой или войсковой колонны. В нашем полку был такой случай.

Иногда летчики получали задание свободно охотиться — при этом один самолет летал в каком-нибудь районе, на усмотрение пилота. Его очень часто поджидали истребители и атаковали. Самолет мог отбиваться: с задней полусферы стрелял стрелок-радист, с верхней полусферы — штурман, у которого был пулемет, а с передней полусферы отбивался сам летчик из двух пулеметов, которые находились в носу самолета. Я сейчас не помню фамилию летчика, но он пошел на лобовую атаку немецкого истребителя и сбил его из своих пулеметов. Наши люди не уступали нигде и никогда. Выполняли свой долг так, как им это удавалось.

В марте 1944-го началось резкое потепление, и весенняя распутица быстро превратилась в наводнение. Советские войска продвигались с огромным трудом, и Ставка решила остановить наступление.

После освобождения Ленинграда от блокады в соседней Финляндии даже самым воинственным политикам стало ясно, что война проиграна. В феврале 1944 года начались мирные переговоры с Москвой, которые очень скоро зашли в тупик. Финский парламент не был согласен с требованиями Сталина:

- граница 1940 года,
- советская база рядом с Хельсинки,
- огромная контрибуция,
- немедленное объявление войны немцам.

Чтобы ускорить мирные переговоры, советские самолеты бомбили Хельсинки. Бомбили по расписанию, каждые 10 дней. Называлось это — «бомбежки во имя мира». На столицу Финляндии планировалось сбросить 16 тысяч бомб, но только 5 процентов из них поразили свои цели. А политический результат вышел прямо противоположный. Финляндия вышла из переговоров. К лету 1944 года войска Ленинградского и Карельского фронтов готовили наступление на финские позиции.

Однако 23-я армия, простоявшая три года на Карельском перешейке, от боевых действий совершенно отвыкла. За годы позиционного противостояния враги стали вполне мирными соседями. Например, если озеро находилось на нейтральной полосе, солдаты с обеих сторон ходили стирать и мыться по очереди. Финны с удовольствием меняли свои галеты на нашу махорку. В армейских кругах была популярна шутивная загадка: «Какие две армии не принимают участие в войне?» Ответ: «Королевская шведская и 23-я советская».

Поэтому к прорыву мощной финской обороны готовились более боеспособные части 21-й армии. На центральном направлении атаковал 30-й гвардейский корпус генерала Симоняка. 9 июня 1944 года корабли Балтийского флота, артиллерия и авиация ударили по финским позициям. На каждые 5 метров фронта приходилось по одному орудю. Бомбежка продолжалась 10 часов без перерыва. 10 июня части 21-й армии перешли в наступление и взломали финскую оборону. За 10 дней советские войска продвинулись на 120 километров, прорвали 4 полосы обороны и вышли к Выборгу.

20 июня 1944 года в ставку Маннергейма пришел радиоперехват — переговоры наших танкистов: «Стою в центре Выборга. Вижу замок. Жду дальнейших распоряжений». Войска Красной армии настолько стремительно взяли Выборг, что Маннергейму об этом даже не успели доложить официально. 21 июня Ставка приказала командованию Ле-

нинградского фронта продолжить наступление и перейти границу 1940 года. К 26 июня советские войска должны были достигнуть линии Иматра — Лаппенранта и повернуть на Хельсинки.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Белокров Георгий

Когда мы Карельский перешеек брали, летом 1944 года, у нас самолетов было очень много. Только одни отбомбят, улетают, уже летят другие. Финны по лесу разбежались, а потом отступали потихоньку. Вообще финны — вояки хорошие, но их мало. Ну что они могли против нас? Нас-то там было много. Вот и в Финскую войну, если бы не их дзоты, мы бы их быстро взяли.

Белоусова Татьяна

Мы попали на Карельский перешеек. Финны зверствовали очень. Мы поселились в старых землянках, чтобы не строить новые. А оказывается, они были пристреляны снайперами. Выходил человек, и его уничтожали. Потом мы срочно переделывали входы и строили новые землянки.

Когда финны брали пленных, они им вырезали ремни на спине, посыпали ра- ны солью, перцем. Издевались, как только возможно. Отрезали уши. Я никогда не думала, что финны такие злющие и мстительные.

Беляев Павел

В 1944 году наша бригада участвовала в освобождении Выборга. Тогда у нас были тяжелые танки — «Иосиф Сталин». Для них на Карельском перешейке очень плохие условия. Там огромные валуны, маневрирование невозможно. Бои были очень тяжелыми. Когда мы ворвались в Выборг в июне, стояли бе- лые ночи, смотрю: бегут финны. Выборг оказался пустой совершенно. Все финские города, которые мы занимали, были пустыми. Считалось, что рус- ские — звери, бандиты.

Самохвалова Татьяна

После прорыва блокады меня перевели в Выборгскую Краснознаменную стрелковую дивизию⁴⁹. Я участвовала в освобождении Выборга. Сопротивле- ние финнов было упорным. Они виртуозно дрались ножами. Наши снайперы стреляли из снайперских винтовок, а финны нас подкарауливали на дереве и бросали в спину нож. Свои хутора они заминировали, поэтому впереди всегда шли саперы. И вот они идут, а тут неожиданно, непонятно откуда, вдруг нож в спину. Это наши войска врасплох застало. Финны дрались очень усердно, не хуже, чем немцы. Но мы-то уже научились воевать. Мы уже воевали не кула- ками, не ремнями, не винтовками, а автоматами, артиллерия дралась в основ- ном. Разведка хорошо работала. Но наступать все равно было тяжело.

Финны в своих укреплениях заготовили ловушки. Артиллерия препятствие ог- нем пробьет, пехота устремляется вперед, а там... ловушка. Боец добегаёт до дзота, наступает на землю или на камень и проваливается в яму. Много сол- дат пропало. Наши тыловые части долго искали их в этих ловушках.

А еще там было очень много валунов. Такие, знаете, огромные камни, высотой с дом. И финские солдаты прятались в этих камнях. В нашем полку был сол- дат Данилов Павел Федорович. Его наградили крестом еще в царское время. Воевал усердно. И вот в один из боев никак было нашему батальону не про- браться через валуны, не выкурить финнов оттуда, у них еще дзот был камен- ный. Огонь — стеной, а никак не пробиться. Потери — огромные. И вот Дани- лов подошел к командиру и говорит: «Товарищ командир, по-видимому, надо тут мое геройство. Вернусь — хорошо. Не вернусь — дадите моей семье знать, что погиб за Родину». Навесил он на себя гранаты, взял миномет и по- лез в обход валунов. Мы его прикрывали минометным огнем. Его ранили в ли- цо, в ноги, но он все-таки дополз до дзота и забросал его гранатами. Данилову присвоили звание Героя Советского Союза. Сейчас в Выборге есть даже ули- ца, названная его именем. Вот с такими людьми мне пришлось встречаться — с героями.

Куприн Семен

Перебросили нас на Карельский перешеек. Передо мной стояла задача навести понтонный мост через Вуоксу для переправы наших войск на финскую сторону, я был начальником переправы. Населенных пунктов не было рядом. Мне дали план, в каком порядке воинские части переправлять, но нашелся ярый командир какой-то дивизии, подъехал, сказал переправить его на финский берег. Я ему объяснил, что могу действовать только по плану. А он — нахрапом, переправляй и все. У меня был взвод охраны, я дал команду «в ружье», но в итоге разошлись мирно. Их часть переправили благополучно, он поблагодарил нас, улыбался, в общем, все хорошо.

Когда уже войска переправились, Финляндия попросила перемирия. Перемирие с ней заключили. Для нас и для финнов война закончилась на Вуоксе.

Вообще финны — молодцы, они воевать умеют. Мы почему много несли потерь во время финской кампании? Потому что они — очень хорошие военные, боевые, настоящие мастера своего дела. Были случаи, когда мы их находили пристегнутыми цепями на деревьях. Может быть, это с их согласия, я не берусь сейчас утверждать. Но говорят, что финны просили пристегнуть их, чтобы от страха не сбежать.

Говорили, что в финскую войну очень страдал наш офицерский состав. Когда им выдали белые полушубки, снайперы по ним узнавали офицеров и уничтожали их.

Широкогоров Иван

Когда мы заняли Выборг, я с тремя танками и десятком саперов отправился к подстанции Ихантала. У нас было задание — не дать финнам подорвать шлюзы. Утром мы миновали свой передний край, как-то удачно проскочили километров 8, пока не напоролись на отчаянное сопротивление финнов. Я дал солдатам команду не жалеть патронов, из автоматов бить по верхушкам деревьев, чтобы «кукушки» нас не снимали. Затем «фаустник» подбил наш средний танк, из-за этого возникло замешательство. Мы спешили и заняли круговую оборону. Нас здорово обстреливали из минометов. Я не успел за валун спрятаться, мина разорвалась и меня ранило в бок. Меня перевязали, и мы сидели в обороне, чтобы не подбили два других танка. Потом уже подошла пехота. А к вечеру присоединились все наши танки. Шлюзы все-таки взорвали.

Скворцов Александр

Я попал в 177-ю дивизию, в разведку. Пошли за языком, перешли реку, наблюдение вели, когда немцы меняются. Мы сумели взять языка, офицера. Возвращаемся обратно. Перешли реку Вуоксу, тут-то все и началось... Немец нас учуял и из шестиствольных минометов такой огонь открыл, какой нашей «катуше» не открыть. Вылез из реки — не помню как, помню только, как от-

правляли меня в Ленинград, в госпиталь. Нас в автобус всех зачихали, довели до Кировска. Там когда-то была церковь, потом — школа, в войну в ней организовали госпиталь, и нас всех туда положили. Мне ампутировали ногу. Через 3–4 дня — обход врача. Мне говорят: «Выписываем вас домой». Это было 28 декабря 1944 года. Дали мне приписное свидетельство, фуфаечку желтую, ноги завязали бинтами, костыли дали, конечно. Таким образом я закончил войну.

На подступах к финской границе советские войска встретили ожесточенное сопротивление. Наступление резко сбросило темпы. За 10 дней войска Ленинградского фронта продвинулись всего на 8 километров и не достигли даже главного оборонительного рубежа финнов — линии «Салпа». «Салпа» — в переводе с финского — засов. Линия обороны имела глубину несколько десятков километров. И она гораздо мощнее знаменитой линии Маннергейма, которую Красная армия штурмовала во время Зимней войны. Чтобы продолжать наступление, Говоров запросил подкрепление. Но теперь у Сталина были другие планы. Войска союзников уже высадились в Нормандии, началась гонка за Берлин. Сталин понимал: ключ к победе лежит не в Хельсинки, а в Берлине и приказал остановить наступление.

Снова начались мирные переговоры, и 19 сентября Финляндия вышла из войны. Это единственная страна — союзница Третьего рейха, от которой не потребовали безоговорочной капитуляции и руководство которой, включая главнокомандующего К. Г. Маннергейма, не предстало перед судом. Поведение финнов вызвало даже у такого несентиментального человека, как Сталин, определенное уважение. Статус страны, установленный договором о дружбе 1948 года, позволял финнам, в отличие от других народов, под контролем советских войск пользоваться благами капиталистической экономики и парламентской демократией. Финляндия сохранила независимость, и финский народный юмор отреагировал так на окончание войны: СССР победил, но Суоми заняла второе место.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Тиркельгауб Самуил

Перемирие с финнами было заключено в сентябре 1944 года. Они уже чувствовали, что немцам хана, да и их дела были не так хороши. Они стали раздавать русских пленных в качестве батраков по хозяевам-финнам.

Нас посадили в эшелон. На каждой станции одну теплушку выгружали. А мы по очереди подползали к зарешеченному окошку и смотрели, что там делается.

19 сентября 1944 года Финляндия вышла из войны

Русские выстраивались, на них набрасывалась толпа финнов, и каждый хватал того, кто казался посильнее.

Потом охрана сообразила, что так нельзя делать, и когда до нашей теплушки дошла очередь, нас построили и стали вызывать по списку, кто кому достанется. Прочитали мою фамилию и назвали одного из финнов. Выходит огромный старик, примерно метр девяносто ростом, килограммов 130 веса, и рядом с ним я... Общий хохот. Уж на что нам было невесело, а тут всем стало смешно, только хозяин был очень недоволен, что ему достался такой шуплый пленный.

Старика звали Юхо Кента, ему тогда было 64 года. Он посадил меня в двуколку, сам занял четыре пятых места, и через весь поселок Теува (он на юго-западе Финляндии, в 60 километрах от города Вааса) привез меня домой. Я подумал, что тут много народу живет, потому что это был огромный двухэтажный домина, метров 80–100 длиной, много окон, огромный двор, постройки для скота, а оказалось, что в доме живут только он с женой, две дочери и племянник.

Мне была отведена отдельная комната. Работал я батраком 6 месяцев. Ко мне относились очень хорошо. Я был как член семьи у них. За одним столом ели, вместе работали.

В лагерях нам подсовывали газеты, в которых рассказывалось все с точностью до наоборот. Когда я был у хозяина, пытался слушать радио. У него приемник стоял в большой комнате, но он не давал мне его слушать. Мне ничего не стоило включить его, но я не стал спорить.

Кроме меня, у хозяина было еще два батрака-финна. Они работали по очереди через день за то, что им в аренду сдали по две сотки земли. Финны на этой земле посадили картошку, а когда та поспела, стали просить у хозяина лошадь. Хозяин сказал мне: «Отвези, а потом приведешь лошадь». И я поехал к этому батраку с картошкой. Он не знал, куда меня посадить. Домишко очень бедный, но чистота — как у всех финнов, потрясающая. Стол выскоблен, вокруг все блестит. Он тут же послал хозяйку принести масла или сметаны, у них в доме ничего этого не было. Хозяйка принесла, но я есть не стал, потому что не был голоден. Так он не знал, чем меня ублажить. Принес приемник, говорит: «Слушай Москву». Таким образом только я и мог послушать.

Мне было 24 года, у меня было среднее образование: 10 классов и первый курс института, — достаточно способностей, чтобы за полгода выучить финский язык. И я там был единственным русским, на родном языке говорить не с кем было.

В первых числах октября 1944 года всех пленных собрали, привезли на станцию в Теува, погрузили в эшелон и отправили на границу к Выборгу. На границе финны одели нас почему-то в английскую форму. Когда нас приняла советская сторона, нас первым делом завели в полевую баню. Мы разделись, помылись, а уже обратно нас к одежде не пустили. Мы голенькие, без ничего оказались на другой половине, где нам выдали новую одежду. А у кого что бы-

ло с собой, забрали. Единственное, отдавали по просьбе фотографии родных и близких. Все остальное осталось на «грязной» стороне бани, так сказать.

В Выборге мы пробыли несколько дней в лагере, потом нас снова погрузили в эшелон и — кого куда. Я попал в концлагерь на полярном Урале, на станции Половинка, в шахте работал. То есть из финского плена попал в наш.

В финском лагере было хуже только потому, что там чужая сторона. У нас, правда, кормили немножко лучше. Рано утром загоняли в шахту, целый день мы там работали, вечером поздно возвращались и — спать, на следующий день то же самое.

Мне повезло, что наша контрольная комиссия потребовала у финнов картотеку военнопленных. В моей карточке было записано два побега и, кроме того, было ясно, как я попал в плен — с «Иосифа Сталина». Поэтому я просидел в лагере всего около 4-х месяцев, потом меня расконвоировали, но без права выезда в другой район и без документов. Когда я вышел за ворота, там уже стоял человек, который сказал: «Ну куда ты пойдешь? Давай завтра на работу, на свое место. Мы тебе дадим жилье в бараке, будешь зарплату получать, жить как вольный человек».

Я написал домой, но мои из Ленинграда эвакуировались. Случайно письмо нашли знакомые, сообщили родным. Мать была жива и дядя. До войны я работал на заводе электромонтером, а дядя был начальником цеха. Завод эвакуировали в Челябинск. Родственники мне прислали вызов от завода, я приехал в Челябинск. Там проработал до сентября 1945 года, то есть победу встречал уже в Челябинске.

Шульц Нина

Жителей финских деревень Ленинградской области выстроили в колонны. Колонна из русских шла в Эстонию. Люди других национальностей (немцы, финны) шли в сторону Луги, их отправляли в Германию.

Весь путь до Эстонии мы проделали пешком. У меня сохранился дневник, в котором я писала: 7 километров, 12, 10, — столько мы в день проходили. В Эстонии нас наконец-то посадили в поезд, это было шикарно. Телячий вагон, и двери закрываются. Привезли нас в лагерь на остров Пакрисаари, это район города Палдиски, недалеко от Таллина, и там мы были примерно месяц, вот там-то люди умирали...

Может я ошибаюсь, прошу прощения, но нам говорили, что отступая, русские отравили продукты. И это правда, даже из нашего круга умер дядя Коля, и еще один человек. Они ели отравленные продукты, а мы — нет, поэтому остались живы.

Потом было, как, наверное, в любой оккупационной зоне: нас привезли на станцию Кейла (это 25 километров от Таллина), выставили всех на перрон, и началась ярмарка. Эстонские хозяева выбирали себе рабочую силу.

Нас с мамой долго не брали, мы остались одни на перроне. Мама была туберкулезница, она не могла ни лошадь запрягать, ни корову доить, и я была ма-

ленькая, тоненькая. Потом одной хозяйке никого не досталось, и она нас взяла. Я у нее работала только 2 месяца, потому что было очень тяжело, я не выдержала, убежала.

Эстонцы были лютыми хозяевами, они меня зимой, в холод не одевали. Держали 12 коров, и я их всех доила, поила. А от роду мне было всего 14 лет. Я от нее убежала в телятник, спала с телятами на соломе, с ними очень хорошо было, они теплые, мягкие. Потом меня подобрал пастор Йоганн Эстрейнтам, у которого я жила полгода. У него хозяйство было поменьше, только 6 коров и 2 лошади, мне легче было.

А потом немецкие оккупационные войска заключили какой-то договор, по которому население бывшей Ингерманландии стало принадлежать финнам. Нас, 60 тысяч ингерманландцев, собрали из Эстонии, Латвии, Ленинградской области и на кораблях переправили на полуостров Ханко. Там мы месяц находились в карантинном лагере, а потом нас снова выставили на продажу, как теперь говорят. Меня в числе 20 человек выбрал очень приличный хозяин, у которого мы работали примерно 2 года.

Поскольку мне было всего 14 лет, хозяйка и хозяин меня пожалели, я работала на кухне. Там я научилась очень многому, потому что приходилось кормить 12 рабочих, мыть посуду, варить кофе. Там я научилась варить кофе с солью, до сих пор так и делаю, я думаю, что все в мире так делают. Хозяин был нами доволен, потому что ингерманландцы — люди очень трудолюбивые, неприхотливые. Первый год нам не платили денег, мы работали только за еду, а на второй год стали платить маленькую зарплатку. Я на первые деньги поехала на велосипеде в город — это примерно 30 километров — и сделала себе химическую завивку. В Финляндии уже было спокойно.

В сентябре 1944 года было заключено перемирие, Финляндия вышла из войны и должна была всех нас вернуть. Из 60 тысяч вернулись примерно 55 тысяч, остальные там убежали. Тех, кто был в южной Финляндии, собрали на станции Хювинкя, посадили в телячьи вагоны. Это были обычные вагоны, в которых возили бревна, сено, уголь. Сверху — 2 маленьких окошечка, тяжелые двери, которые закрывались на большие замки. Соломой все постелено, чистенько, в углу — дырка для всяких надобностей, так и едем.

Согласно договору между СССР и Финляндией, людям при выезде разрешалось взять с собой что угодно. Поскольку моя мама была маленьким тщедушным человечком, мы не взяли ничего, только 5 банок брусники и велосипед шведского производства без шин, он считался очень хорошей моделью, но шин-то не было, еще мы взяли 2 пилы шведские. А люди везли кто корову, кто лошадь, кто печку. Это им хозяева давали.

Нас привезли в Ленинград. Мы думали, что сейчас откроют двери, и мы пойдем в свои деревни: я в Петергоф, кто-то в Тосно, кто-то в Шапки. Ничего подобного. Всех согласно указу от ноября 1944 года отправили в ссылку, расселили по 5 областям: Калининской, Псковской, Новгородской, Великолукской, Ярославской. И валила я лес в колхозе больше года. Вот так.

Казаев Петр

Простых заданий на войне не бывает. Уже после снятия блокады и перемирия с Финляндией мне в Кронштадте дали задание привести большую десантную баржу. Их было три, две уже погибли, осталась последняя. Она по водоизмещению была в 10 раз больше моего корабля. Я ее вел по финским шхерам. Довел до Хельсинки, там размещался штаб группы шхерных кораблей, который заведовал восточной частью Финского залива. Узнал там обстановку и повел баржу до Ханко. В Ханко мне дали 6 «морских охотников» для охраны. Нужно было пересечь море от Ханко до эстонских островов. Примерно посредине пути мы попали в засаду подводных лодок, их тогда называли волчьей стаей. На перекрестках фарватеров 10–15 подводных лодок окружали большой район и тех, кто попал в этот круг, волчьей стаей торпедировали, уничтожали. Вот и я попал. Баржу утопили, а мой корабль остался цел. А немцы по радио сообщили, что подбили два больших военных корабля русских. Я пробомбил этот район, объявил атаку подводных лодок. Катера мы спасли, весь личный состав, включая командира баржи с перебитым позвоночником, перегрузили ко мне на корабль. Погибли только 3 или 4 человека, которые находились в трюме в момент взрыва. Прибыли к месту назначения, и мы с командиром охраны поехали к Трибуцу доложить, как дело было. Трибуц оценил, что мы действовали правильно. Что ж сделаешь, что баржу потеряли, война есть война.

В Кронштадт я пришел месяца через полтора после этого случая, потому что еще ряд операций выполнял. У меня на обратном пути чуть корму не оторвало. При подходе к тому месту, где мне баржу потопили, я давал средний ход. На корме с двух бортов размещались по 5 глубинных бомб, по 80 килограммов взрывчатки в каждой. Всего — по 400 килограммов взрывчатки. И эту тележку с большими бомбами глубинными вырвало вместе с палубой, такой был шторм. Это было 6 ноября 1944 года. Весь буксир от покойницы-баржи, трап, лееров метров 25 и все, что находилось на палубе, смыло и намотало на правую машину. Я построил личный состав, провели торжественный подъем флага (по случаю праздника 7 ноября), небольшой митинг. Я поставил задачу: освободить правый винт, иначе мы не на ходу. Вынесли графин спирта на борт, смастерили легкий водолазный костюм. Размотали, освободили правый винт. В Кронштадт прихожу, а на меня там смотрят косо. Оказывается, весь Кронштадт знал, что я утоплен. А я вдруг появился.

После того как было остановлено наступление на Финляндию, немецкая линия «Пантера» продержалась недолго. Уже 17 июля 1944 года советские войска прорвали ее, 22 июля форсировали реку Великую и на следующий день освободили Псков. 26 июля красный флаг был поднят над Нарвой. Ленинградскую область полностью освободили от немецких войск.

29 июля наступающие советские войска вышли к Рижскому заливу. 30 дивизий группы армий «Север» оказались отрезанными на Курляндском полуострове. Противники поменялись местами. 300-тысячная Курляндская группировка, как и блокадный Ленинград, снабжалась водным путем — через Балтийское море. Войска Ленинградского фронта сжимали кольцо около девяти месяцев. 8 мая 1945 года командующий Ленинградским фронтом Леонид Говоров принял безоговорочную капитуляцию штабов 16-й и 18-й немецких армий. Тех самых, которые должны были взять Ленинград.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Белоусова Татьяна

После Карельского перешейка, когда освободили Выборг, мы пошли на Прибалтику. Очень тяжелые бои были под Нарвой. Когда взяли Нарву, летом 1944 года, там камня на камне не осталось. Весь город был разбит. Мы двигались по Прибалтике. Самое страшное было под Ригой: мы увидели лагерь смерти⁵⁰. Это огромный кусок огороженной земли, с большими ямами. Немцы не успели сбросить убитых в ямы. Там были и гражданские, и военные. Нам навстречу вышло три человека, которые совершенно случайно спаслись, по-

тому что их сбросили ранеными, и они из-под трупов вылезли нам навстречу. Благодарили со слезами на глазах, что мы наконец пришли и их освободили.

К прибалтам, по-видимому, немцы очень хорошо относились. Когда мы попали в Риге на базар, мы были потрясены. Там стояли женщины в белых крахмальных фартуках, спокойно варили кофе, чай, делали какие-то пирожки, продавали мясо. В общем, создавалось впечатление, что никакой войны тут не было. Совершенно. Местное население к нам плохо относилось, стреляли отовсюду: с крыш, из подвалов.

Вместе с нашей дивизией шел прибалтийский корпус. Он в занятых городах оставлял людей, которые должны были там организовывать исполкомы, райкомы и так далее, начинать мирную жизнь.

Басистов Юрий

В самом конце войны, когда два Прибалтийских фронта слились в Курляндии и объединились в составе Ленинградского фронта, там снова появился Говоров.

В Курляндии наш отдел занимался идеологическим и психологическим воздействием на противника всеми доступными силами и средствами, для того чтобы поколебать немецкий дух сопротивления и поселить уверенность, что война для них проиграна.

Мы разработали листовку, в которой говорилось об условиях капитуляции и об отношении наших к военнопленным. Под текстом стояла подпись командующего войсками Ленинградского фронта Говорова. Тем самым она приобретала особый вес.

7 мая Говоров подписал приказ о капитуляции немецких войск в Курляндии. Приказ этот мы быстро перевели на немецкий язык, отпечатали массовыми тиражами и распространили по всему фронту. Немцы начали сдаваться в плен. В наших передовых частях появились указатели: «Здесь можно перейти в плен».

Кончилась война. Ленинградский фронт превратился в Ленинградский военный округ. Я был офицером штаба и очень удивился, когда в начале августа 1945 года меня вызвали к командующему. Я явился в приемную на Дворцовой площади. Адъютант доложил, впустил к командующему.

Я представился. Говоров очень кратко сказал: «Мне доложили, капитан, что вы говорите на английском языке». Я немножко запнулся. «Товарищ командующий, вообще-то во время войны моим рабочим языком был немецкий, английский я подзабыл». — «Ну, ничего, — сказал он. — Дело в том, что в Ленинград приезжает маршал Жуков и с ним приедет американский главком, генерал Эйзенхауэр. Вот вы будете моим переводчиком и адъютантом». — «Слушаюсь, товарищ командующий».

14 августа 1945 года из Москвы прилетел американский самолет с эмблемой подсолнечника на фюзеляже. Из самолета вышли подтянутый, весь излучающий волю, силу и уверенность Жуков, с тремя звездами Героя, и улыбающийся Эйзенхауэр.

Маршал Г. К. Жуков и генерал Д. Эйзенхауэр, будущий президент США. 1945 г.

Эйзенхауэр произнес первое приветствие. Я стою и судорожно готовлюсь к тому, чтобы перевести слова американца. В центре стоит Говоров, рядом Жуков. В глубине, в шляпе — Попков, невинно убиенный позже Сталиным. Начался удивительный день, в течение которого мне пришлось переводить беседы этих людей между собой. И невольно наблюдать за ними. Говоров был, как всегда, спокоен, сдержан, немножко напряжен в присутствии Жукова, который чувствовал себя настоящим хозяином.

Отношения между Говоровым и Жуковым показались мне странными. Жуков, с присущей ему властью, говорил: «Говоров». Говоров отвечал: «Георгий Константинович». То есть дистанция между маршалом Победы и маршалом победы под Ленинградом и в Курляндии чувствовалась.

Жуков всюду, в том числе в Музее обороны Ленинграда, куда пригласили Эйзенхауэра, брал на себя роль экскурсовода. Высокие гости обратили внимание на мешочки с порохом, которые были на вооружении у партизанских бригад. Когда громили Музей обороны Ленинграда, этот порох считали чуть ли не элементом каких-то будущих террористических актов.

На Белой даче на Каменном острове был дан обед от имени Говорова. Когда мы приехали туда, Говоров мне сказал: «Проводите генерала в его апартаменты и в два часа спуститесь к обеду». Мы поднялись на второй этаж. Я сказал: «Здесь апартамент для вас». Я думал, что он сейчас пойдет руки мыть. Нет, он остался в комнате, достал портсигар. «Вы курите?» — «Да, сэр».

Я робко взял сигарету. Закурили. «И где вы были на фронте, капитан?» — он меня спросил. Я говорю: «Здесь, под Ленинградом». «Ну, как тут было?» Я смотрю судорожно на часы, у меня где-то 5–7 минут. Говорю о голоде в осажденном городе.

Я успел сказать пару десятков фраз, открылась дверь и в комнату вошел его сын, Джон Эйзенхауэр, лейтенант. Отец его встретил словами: «Иди сюда, Джон. Послушай, что рассказывает капитан». И произнес фразу, которую я на всю жизнь запомнил: «Я думаю, что ни один американский город не выдержал бы того, что выдержал Ленинград».

Было пора идти вниз. Я попросил разрешения сопроводить генерала к обеду. Говоров, как официальный хозяин, на этом обеде выступил первым. За столом сидели рядом три главных действующих лица: Жуков, Эйзенхауэр и Говоров, а в промежутке между Эйзенхауэром и Жуковым сидела моя капитанская малость.

Я поворачивал голову туда, откуда звучала реплика. Есть я не мог, естественно, хотя как раз передо мной стояла хрустальная ваза, наполненная икрой. Была водка. За икрой какой-то фазан стоял на столе. Официант подошел и сказал: «Есть борщ, есть консоме». Жуков откликнулся: «Какое консоме! Борщ несите». Принесли борщ, налили в рюмки водку. После обеда перешли в другую комнату, там подали кофе с коньяком и ликерами. Я ничего не ел и не пил, кроме «Боржоми».

Если учесть, что я уехал из дома в 6 часов утра, позавтракав черными макаронами, то станет понятно, что я был страшно голоден. Единственным человеком, который подошел ко мне, обратив внимание, что я ничего не ел, был Попков. Он сказал: «А может быть, вы что-нибудь съедите?» Я ответил, что нет никакой возможности. Я знал, что меня не обедать пригласили.

Я не повторил ошибки переводчика на Тегеранской конференции лидеров трех держав, где во время обеда наш переводчик немножко перехватил. Быстро прожевав, Сталин обернулся к нему и сказал: «Вас сюда не обедать пригласили».

Говоров произнес приветственную речь, а затем повернулся ко мне, дал свои листки и сказал: «Ну, переводите, капитан». Мы все тогда не знали особенностей дипломатического протокола. Он говорил минут 5–6 без остановок, которые положены в таких случаях. Я посмотрел на листки, почерк был ужасный, разобрать его за эти секунды я не смог, положился на память и перевел, как запомнил.

Я уже писал в своих воспоминаниях и ряде работ о том, как мне бросились в глаза отношения между Жуковым и Эйзенхауэром. Они были какими-то доверительными, не свойственными отношениям наших высоких военных начальников с западными союзными офицерами.

Обед продолжался около двух часов. После обеда самолет взял курс на Берлин, где двум главкомам предстояло работать вместе в Союзном контрольном совете.

Примечания

¹ 46-я танковая дивизия сформирована в марте 1941 года в Московском военном округе. На 22 июня 1941 года дислоцировалась в Опочке. В составе действующей армии — с 22 июня по 2 сентября 1941 года.

² 41-я отдельная разведывательная авиационная эскадрилья ВВС Балтийского флота, в 1941 году базировалась на озере Киш близ Риги. Участвовала в боевых действиях против наступающих на Ригу войск противника до 30 июня 1941 года, затем перебазировалась в район Ораниенбаума.

³ Линкор спущен на воду 27 августа 1911 года под названием «Петропавловск». Участвовал в Первой мировой войне. Именно на «Петропавловске» началось Кронштадтское восстание 1921 года. 31 марта 1921 года линкор переименован в «Марат».

⁴ 177-я стрелковая дивизия 6 июля 1941 года включена в состав Лужской оперативной группы, в тот же день заняла позиции на Киевском шоссе у реки Плюсса. 11 июля приняла первый бой. Удерживала в ожесточенных боях вверенный рубеж, прикрывая подступы к Луге, вплоть до конца августа 1941 года. В ночь на 21 августа дивизия отошла севернее Луги. Вела бои с дивизией СС «Полицай». Была окружена. В течение первой половины сентября 1941 года вела упорные бои, прорывая окружение в районе Вырицы, однако из окружения 22–24 сентября вышло не более 500 человек. 177-я стрелковая дивизия явилась наиболее отличившейся в боях на Лужском оборонительном рубеже. 20 июня 1944 года наступала на Мергуть-рауту (Сосново). Заняла Яски (Каме-ногорск) и Энсо (Светогорск).

⁵ До революции — «Верный». В 1923 году «Верный» был переименован в «Петросовет», а два года спустя судно назвали «Ленинградсоветом». Учебный корабль был вооружен двумя 76-миллиметровыми пушками дореволюционного образца и четырьмя 12,7-миллиметровыми пулеметами ДШК; максимальная скорость хода 12 узлов. Благополучно совершил Таллинский переход, спас из воды более 300 жертв бомбежек и торпед.

⁶ Транспортное судно «Вирония», имевшее на борту значительную часть управления 10-го стрелкового корпуса. 28 августа «Юнкерс-88» сбросил на «Виронию» серию бомб, одна из которых разорвалась рядом с бортом корабля и повредила машинное отделение. «Вирония» потеряла ход, но могла самостоятельно держаться на плаву. Спасательное судно «Сатурн», на котором

находилось около 800 человек, взяло «Виронию» на буксир, но, пройдя несколько кабельтовых, подорвалось на mine. Люди с «Сатурна» перешли частью на «Виронию». Приблизительно в 22 часа «Вирония» подорвалась еще раз и в течение 1–2 минут пошла ко дну. Во время потопления на «Виронии» были слышны многочисленные револьверные выстрелы. Судя по всему, люди кончали жизнь самоубийством, не желая живыми уходить в морскую пучину.

⁷ Эскадренный миноносец, с 1913 года под названием «Новик» в составе Балтийского флота, в январе 1923 года переименован в «Яков Свердлов». Под командованием капитана 2-го ранга А. М. Спиридонова участвовал в прорыве советских кораблей из Таллина в Кронштадт 28 августа 1941 года. Охраняя флагманский корабль крейсер «Киров», «Яков Свердлов» погиб, подорвавшись на mine.

⁸ 70-я стрелковая дивизия на 6 июля 1941 года насчитывала в своем составе около 14 тысяч человек и 200 орудий и минометов и была включена в состав Лужской оперативной группы. Была передана в подчинение штабу Северо-Западного фронта и перебросена в район Порхова. Наступала в южном направлении на Сольцы, 16 июля 1941 года вошла в город. 22 июля дивизия была вынуждена вновь оставить Сольцы и отступать на север, где заняла оборону юго-восточнее Луги. После возобновления немецкого наступления 10 августа 1941 года попала под мощный удар противника и была вынуждена отойти к станции Батецкой, тем самым открыв путь на Новгород — Чудово. 13 августа оказалась в окружении в районе западнее Менюши. К концу августа 1941-го остатки дивизии выходили из окружения лесами по направлению к Чудово. 8 сентября вела бои восточнее Гатчины, 11 сентября наступала на Сусанино. В течение сентября 1941 года вела бои, постепенно отступая на север. К концу сентября оборонялась юго-восточнее Пулково. 26 сентября 1942 года форсировала Неву в районе Невской Дубровки (командир и комиссар 252-го стрелкового полка отказались форсировать реку и были расстреляны перед строем), и уже при переправе понесла очень большие потери. Вела в течение конца сентября — начала октября 1942 года тяжелейшие бои на Невском плацдарме.

⁹ 1-й танковый полк и другие подразделения 1-й танковой дивизии 12 августа 1941 года перешли к обороне в районе Гатчины, имея эшелонированную оборону танковыми засадами. Дивизия насчитывала 58 исправных танков, из них четыре Т-28 и семь КВ. С 16 по 31 августа 1941 дивизия, получив пополнение, методом подвижных танковых засад вела упорные сдерживающие бои с превосходящими силами противника, в результате чего уничтожила до батальона пехоты, 77 танков, 7 орудий, 2 миномета, 4 самолета. В том числе 43 танка были уничтожены ротой старшего лейтенанта З. Г. Колобанова 17 августа сентября 1941 года.

¹⁰ Виктор Ильич Баранов, участник испанской гражданской войны, Зимней войны. Герой Советского Союза. В 1941 году — генерал-майор танковых войск, командир 1-й танковой дивизии.

¹¹ 168-я стрелковая дивизия в начале войны дислоцировалась северозападнее Сортавалы. К концу июля 1941 года финны прижали ее к северозападному берегу Ладожского озера. С 18 августа 1941-го дивизия эвакуировалась через Ладожское озеро. 28 августа — перебросена в Павловск, до ноября вела бои на южной части блокадного кольца.

¹² 10-я стрелковая дивизия летом 1941 года отступала с боями из Литвы, участвовала в Таллинском переходе. В сентябре 1941 года в боях под Стрельной потеряла половину состава. Вела бои в Петергофе и оставила его последней.

¹³ 7-я бригада морской пехоты сформирована из личного состава Балтийского флота 12 сентября 1941 года. В составе действующей армии во время Великой Отечественной войны с 18 сентября 1941 года по 15 декабря 1941 года. Вела бои в районе Пушкина, Колпино, Ям-Ижоры, Московской Славянки.

¹⁴ 5-я бригада морской пехоты сформирована в Кронштадте, в конце августа 1941 года. 25 августа 1941 года подразделения бригады заняли оборонительные позиции севернее Котлов в тылу отступающей 8-й армии, вели бои за Копорье и отступили к Ораниенбауму, где на Ораниенбаумском пятачке сражались до 1942 года.

¹⁵ Крейсера Балтийского флота. «Киров» участвовал в Таллинском переходе. Вел артиллерийский огонь из Кронштадта по наступающему противнику. С 24 сентября 1941 года находился в Ленинграде. «Максим Горький» отражал многочисленные авианалеты на Кронштадт, действовал при подавлении сентябрьского штурма Ленинграда. Участвовал в обороне и прорыве блокады в составе 2-й группы, базировавшейся в Торговом порту. Тяжелый крейсер «Петропавловск» к началу войны не был достроен, использовался в качестве плавучей батареи. 17 сентября 1941 года поврежден при артобстреле и затонул.

¹⁶ 3-я стрелковая дивизия народного ополчения была сформирована из рабочих и служащих Фрунзенского, Приморского и Выборгского районов. С 15 июля 1941 года действовала в районе Петергофа — Красного Села — Пулково.

¹⁷ 5-я Ленинградская стрелковая дивизия народного ополчения Куйбышевского района. С 9 по 24 сентября 1941 года оборонялась в районе Пулково — Лигово.

¹⁸ В. Бешанов в книге «Ленинградская оборона» пишет следующее: «На каждом метре "пятачка" погибли 17 человек. А всего около 250 тысяч советских воинов».

¹⁹ 86-й отдельный танковый батальон сформирован в июле 1941 года. При формировании в батальоне были в том числе 10 танков КВ-1, переданных из учебного танкового центра Кировского завода, и танки Т-26. В конце августа 1941 года переброшен на юго-восточные рубежи обороны Ленинграда, где вступил в бои в районе Ям-Ижоры, Усть-Госно, Ивановского, поддерживая части 55-й армии.

²⁰ 65-я стрелковая дивизия сформирована в Тюмени. 12 ноября 1941-го выгрузилась на станции Большой Двор и развернулась на юго-восточных подступах к Тихвину. С 1 по 9 декабря 1941 года штурмовала и освободила Тихвин.

²¹ 46-я танковая бригада с 26 ноября 1941 года участвовала в Тихвинской наступательной операции, показав себя с лучшей стороны. 16 февраля 1942 года преобразована в 7-ю гвардейскую танковую бригаду.

²² 4-я армия второго формирования (с 26 сентября по 17 декабря 1941 года — 4-я отдельная армия) была развернута на правом берегу реки Волхов от Киришей до Грузино. В октябре — декабре 1941 года участвовала в Тихвинской оборонительной и Тихвинской наступательной операциях.

²³ 327-я стрелковая дивизия начала формироваться в августе 1941 года из числа рабочих промышленных предприятий города Воронежа. В начале января 1942 года в составе 2-й ударной армии вступила в боевые действия на Волховском фронте. 19 января 1943 года расформирована, остатки преобразованы в 64-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В боях под Мясным Бором погибли командир дивизии генерал-майор Иван Антюфеев, командиры полков подполковники Александр Беденков, Петр Комаров, Федор Ковшарь, пленен командир дивизии полковник Фаддей Жильцов, полковые командиры — подполковники Александр Беденков, Виктор Чурсин, Иван Хожаинов, майор Иван Сульдин.

²⁴ 24-я гвардейская стрелковая дивизия сформирована в марте 1942 года. Расформирована в октябре 1942 года после участия в Любанской операции и боях под Гайтолово.

²⁵ 90-я стрелковая дивизия принимала участие в 1939 году в Зимней войне, в 1941 отступала к Ленинграду из Литвы. Была почти полностью уничтожена и заново формировалась в июле 1941 года в Кингисепе. Участвовала в Любанской операции. В 1943 году под командованием полковника П. Н. Проскурина участвовала в операции «Искра», а затем под командованием полковника Н. Г. Лященко в Мгинской наступательной операции (боях на Синявинских высотах).

²⁶ 140-й бомбардировочный Нарвский Краснознаменный ордена Суворова авиационный полк участвовал в Великой Отечественной войне на Западном и Сталинградском фронтах, прибыл в Ленинград в 1943 году.

²⁷ 142-я стрелковая дивизия принимала участие в Зимней войне. В 1941 году отступала от Сортавалы к реке Сестре. С сентября 1941-го по 1943 год занимала оборону против финнов вдоль берега Лемболовского озера.

²⁸ 61-я танковая бригада сформирована 10 февраля 1942 года в Ленинграде, вооружена танками Т-60. В июле 1942 года с Большой земли баржи по Ладоге доставили танки, орудия и боеприпасы, а из Ленинграда пришли своим ходом бронемшины. Прибывшие с танками экипажи были необученными. В конце декабря 1943 года бригада, выведенная в район Всеволожского и Токсово, была перевооружена на Т-34. 7 февраля 1943 года переформирована в 30-ю гвардейскую танковую бригаду.

²⁹ 45-я гвардейская стрелковая дивизия участвовала в Советско-финской войне (1939—1940). В январе 1943 года в составе дивизий первого эшелона 67-й армии Ленинградского фронта участвовала в операции по прорыву блокады «Искра», вела наступление с Невского плацдарма. Весной 1943 года вместе с 63-й и 64-й гвардейскими стрелковыми дивизиями вошла в состав 30-го гвардейского стрелкового корпуса (командир корпуса Н. П. Симоняк).

³⁰ 8-я стрелковая бригада по прибытии на Большую землю находилась во фронтовом резерве Ленинградского фронта до весны 1942 года. 12 марта 1942 года переформирована в 136-ю стрелковую дивизию.

³¹ Капитан 2-го ранга Иван Святов, прикрывал отход кораблей и судов в Таллинской операции и при отходе с Ханко. Дослужился до адмирала. Похоронен в 1983 году на Гогланде. На надгробье написано: «При прорыве флота из осажденного Таллина в Кронштадт в августе 1941 года у острова Гогланд личный состав отряда кораблей под командованием Святова проявил мужест-

во, стойкость и спас 12 160 бойцов, офицеров и гражданских лиц, оказавшихся в воде».

³² 136-я стрелковая дивизия второго формирования образована в марте 1942 года на базе 8-й отдельной стрелковой бригады. Участвовала в Синявинской наступательной операции 1942 года: вела бои по захвату и расширению плацдарма на восточном берегу реки Тосно. В январе 1943 года в составе 67-й армии участвовала в операции по прорыву блокады Ленинграда (операция «Искра»). 18 января бойцы дивизии соединились с частями 18-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта в районе Рабочего Поселка № 5, завершив прорыв блокады Ленинграда. За мужество и героизм, проявленные в этих боях, 136-я стрелковая дивизия второго формирования преобразована 19 января 1943 года в 63-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а ее командиру полковнику Н. П. Симоняку присвоено звание Героя Советского Союза.

³³ Владислав Владиславович Хрустицкий (1902–1944). С 1924 года в Красной армии. Командовал 61-й отдельной легкой танковой бригадой, преобразованной после операции «Искра» в 30-ю гвардейскую танковую бригаду. 26 января 1944 года бригада, прорвав оборону противника, освободила поселок и станцию Волосово Ленинградской области, в этом бою В. В. Хрустицкий погиб.

³⁴ 265-я стрелковая дивизия формировалась НКВД СССР за счет личного состава НКВД. 18 октября 1941 года прибыла на Невский пятачок. Участвовала в Синявинской операции 1941 года, пытаясь вести наступление с плацдарма. К ноябрю 1941 года в дивизии осталось 180 человек. 27 августа 1942 года в составе Волховского фронта дивизия перешла в наступление в направлении Тортолово, освободила поселок, но натолкнулась на мощную оборону, попала под сильный артиллерийско-минометный огонь противника и была вынуждена остановиться, а затем перейти к обороне. Вела ожесточенные бои в течение всего сентября 1942 года. 25 августа 1942 года была вынуждена сдать Тортолово, отдельные части попали в окружение. Во время прорыва блокады Ленинграда обеспечивала южный фланг наступающей группировки войск.

³⁵ 63-я дивизия весной 1943 года вошла в состав 30-го гвардейского стрелкового корпуса (командир корпуса Н. А. Симоняк).

³⁶ 222-я отдельная танковая бригада была сформирована 1 декабря 1942 года в Ленинграде. 4 июля 1943 года переформирована в 222-й танковый полк.

³⁷ 250-я дивизия испанских добровольцев, более известная в русскоязычных источниках как Голубая дивизия, состояла из испанских добровольцев, сражавшихся на стороне Германии в ходе Второй мировой войны. Представляла собой смесь солдат регулярных войск, ветеранов гражданской войны и членов фалангистской милиции. Голубая дивизия держала оборону под Ленинградом и считалась у советского командования слабым звеном. В связи с этим во время операции, которая проводилась на участке фронта под Красным Бором длиной почти в 60 километров, были выделены в целом незначительные силы. Бои на этом участке характеризовались ожесточением с обеих сторон. Прорвавшиеся передовые отряды РККА были фланговыми контрударами отрезаны от своих тылов и резервов, поставлены в сложное положение и вынуждены были отступить.

³⁸ 46-я стрелковая дивизия почти полностью уничтожена в 1942 году под Мясным Бором. Воссоздана осенью 1942-го, сражалась в районе Красного Бора, освобождала Павловск.

³⁹ Имеется в виду, вероятно, эскадрон Абрамова, перешедший к партизанам в 1943 году и влившийся в полк Ивана Светлова, на базе которого была организована 9-я Ленинградская партизанская бригада.

⁴⁰ 67-я армия образована 10 октября 1942 года в составе Ленинградского фронта. Армия до 1943 года обороняла правый берег Невы, удерживала «Невский пятачок» и прикрывала Дорогу жизни. Участвовала в прорыве блокады Ленинграда и 18 января соединилась с войсками 2-й ударной армии Волховского фронта.

⁴¹ Игорь Рыбаков родился в 1923 году в Ленинграде. Осенью 1941 года попал в плен. Устроился переводчиком при военном коменданте города. Он и участники созданной им подпольной группы были расстреляны 30 июня 1942 года в парке «Сильвия».

⁴² 42-я армия в январе 1944 года участвовала в освобождении Ленинграда от блокады. Освободила Пушкин, Павловск, Красное Село, Рошшу, Гдов и к марту 1944 года закрепились в 10 километрах к востоку от Пскова.

⁴³ Таменгонтский лес — лесной массив на границе Ломоносовского района Ленинградской области и Петергофа.

⁴⁴ Имеется в виду собор Святых Петра и Павла высотой 60 метров.

⁴⁵ Морской Никольский собор в Кронштадте — высота с крестом 70,5 метров.

⁴⁶ Адмирал Владимир Трибуц — командующий Балтийским флотом.

⁴⁷ 30-я гвардейская танковая бригада. Преобразована 7 февраля 1943 года из 61-й танковой бригады. При освобождении Ленинграда бригадой командовал полковник Хрустицкий Владислав Владиславович, погибший в боях 26 января 1944 года.

⁴⁸ 85-я Ленинградско-Павловская Краснознаменная стрелковая дивизия с февраля 1942 года занимала оборону от Финского залива на западе до Лиговского канала. В январе 1944 года наступала в направлении Александровской, Павловска, продолжила наступление в направлении Сиверская — Вырица.

⁴⁹ Возможно, имеется в виду 265-я стрелковая дивизия (Выборгская).

⁵⁰ Лагерь смерти Саласпилс. В нем содержались советские военнопленные, а также евреи из Чехии, Австрии и Германии. Он также стал центральным лагерем для всех восточных оккупированных территорий. Находился в 18 километрах от Риги с октября 1941 года до конца лета 1944 года. В лагере было уничтожено более 100 000 человек.

ОКНО
ИСТОРИИ

Лев ЛУРЬЕ – историк и журналист. Четырежды побеждал в конкурсе петербургских журналистов "Золотое перо", обладатель "Анциферовской премии" за лучшее исследование истории Петербурга. Основатель и преподаватель истории Санкт-Петербургской классической гимназии.

Леонид МАЛЯРОВ – журналист, победитель конкурса "Золотое перо", режиссер, редактор и сценарист документальных фильмов.

В 1941—1944 годах на берегах Невы произошла одна из крупнейших в истории человечества гуманитарных катастроф. Миллион мирных граждан, в основном женщин и детей, умерли от голода, холода и бомбежек в блокадном Ленинграде. Еще полтора миллиона красноармейцев и солдат вермахта погибли в битвах за город. В течение многих десятилетий «правду» о войне писали генералы и политработники. В середине 2000-х годов петербургский «Пятый канал» предпринял попытку опросить еще оставшихся рядовых блокадников и фронтовиков. Были взяты около сотни интервью. В 4-серийный документальный фильм «Ленинградский фронт» вошла только малая их доля. В этой книге авторы попытались дать слово всем. Памяти тех, кто лежит на Пискаревском и Серафимовском, в Синявинских болотах и на дне Ладogi, посвящается.

ГРАЖДАНЕ!
ВЫ ОТВЕТСТВЕННЫ
ЭТА СТОРОНА УЛИЦЫ
НАИБОЛЕЕ ОПАСНА.

ISBN 978-5-9775-0749-3

БХВ-ПЕТЕРБУРГ
190005, Санкт-Петербург,
Измайловский пр., 29
E-mail: mail@bhv.ru
Internet: www.bhv.ru
Тел.: (812) 251-42-44
Тел./факс: (812) 251-01-79

